

ISSN 2072-8522 (print)
ISSN 2310-7278 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

МОДАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ РЕСУРС ПРЕДЛОЖЕНИЯ:
СМЫСЛ «КОЛЕБАНИЕ» И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗА МУЗЫКАНТА В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»
И ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «АЛЬБЕРТ»

СУГГЕСТИВНАЯ СПЕЦИФИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ЕЛИЗАРОВА

2022 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2022 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»:**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. – д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. – д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. – д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселёва И. А. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. – доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. – д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. – д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. – д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. – д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. – д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. – д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинки университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» – печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2022. – № 2. – 102 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L. F. Kopusov – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Professor, Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Professor, Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology” is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2022. – № 2. – 102 p.

© MRSU, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гимаев Я. А.</i> Значимые компоненты концепта <i>родина</i> в сознании студентов 1–2 курсов Финансового университета.	6
<i>Кабанова Н. В., Корнеева Е. Г.</i> Реализация людической функции языка на основе окказионализмов (на материале русской детской поэзии XXI века)	13
<i>Кулакова В. А.</i> Создание реальности внутри искусственного мира: художественное произведение как симуляция (на примере романа «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина).	22
<i>Лескова Е. В.</i> Фразеология в научном тексте и особенности её изучения на занятиях по РКИ.	30
<i>Нагорный И. А., Долженкова А. И.</i> Модально-экспрессивный ресурс предложения: смысл «колебание» и языковые средства его актуализации	39
<i>Сюй Лили.</i> Речевая экспликация концепта <i>упрямство</i> в газетных текстах: анализ глагольно-именных сочетаний	48

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Валькова Ю. Е.</i> Суггестивная специфика в произведениях М. Елизарова	55
<i>Димитриева О. А.</i> Об особенностях образа музыканта в романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» и повести Л. Н. Толстого «Альберт»	68
<i>Тихомирова А. О., Ильина Е. А.</i> Многоаспектность образа врача в прозе А. И. Куприна	78
<i>Тюняева О. Д.</i> И. С. Тургенев и Г. Э. Бичер-Стоу: история одной литературной карикатуры.	84

РЕЦЕНЗИИ

<i>Михайлов Е. В.</i> О полном собрании сочинений и писем Николая Семёновича Лескова	90
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Голосова Е. А.</i> Об иZOOMительной конференции, или «Лингвокреатив» в Екатеринбурге и его научных окрестностях.	99
---	----

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

- Ya. Gimaev.** Crucial Components of the Lexical Concept of *Motherland* in Consciousness of the First- and Second-Year Students of the Financial University 6
- N. Kabanova, E. Korneeva.** Implementation of Ludic Function of Language Through Occasional Vocabulary Based on Materials of Russian Children's Poetry of 21st Century . . 13
- V. Kulakova.** Creating Reality Inside the Unreal World: Literary Text as a Simulation (On Example of M. E. Saltykov-Shchedrin's Novel "The Golovlevs") 22
- E. Leskova.** Phraseology in a Scientific Text and Specific Features of Its Study in the Classes of "The Russian Language as a Foreign" Discipline 30
- I. Nagorny, A. Dolzhenkova.** Modal-Expressive Resource of the Sentence: the Meaning of "Oscillation" and the Language Means of Its Actualization. 39
- Xu Lili.** Speech Explication of the Concept of *Stubbornness* in Newspaper Texts: Analysis of Verbal-Object Constructions. 48

LITERARY STUDIES

- Yu. Valkova.** Suggestive Specificity in M. Elizarov's Works 55
- O. Dimitrieva.** Features of the Musician's Image in F. Dostoevsky's Novel "Netochka Nezvanova" and L. Tolstoy's Story "Albert" 68
- A. Tikhomirova, E. Ilyina.** A Multifaceted Image of a Physician in A. Kuprin's Prose 78
- O. Tyunuaeva.** Turgenev and H. Beecher Stowe: The Story of One Literary Caricature. 84

REVIEWS

- E. Mikhailov.** On the Complete Collection of Nikolai Leskov's Works and Letters. 90

SCIENTIFIC LIFE

- E. Golosova.** About the ZOOMderful Conference, or "Linguo-Creativity" in Yekaterinburg and Its Scientific Surroundings 99

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-6-12

ЗНАЧИМЫЕ КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПТА *РОДИНА* В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ 1–2 КУРСОВ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гимаев Я. А.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Охарактеризовать значимые компоненты концепта *родина* в сознании студентов Финансового университета.

Процедура и методы. Автором проведён эксперимент по методу семантического дифференциала. Содержание исследования составляет анализ полученных результатов с применением методов наблюдения и обобщения.

Результаты. В ходе работы были даны характеристики значимых компонентов концепта *родина* в массовом сознании студентов 17–20 лет.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования показывают функционирование важного концепта в сознании молодого поколения, помогают обозначить приоритетные направления в практике патриотического воспитания в вузе.

Ключевые слова: концепт, массовое сознание, метод семантического дифференциала, оценочные шкалы, слово-стимул

CRUCIAL COMPONENTS OF THE LEXICAL CONCEPT OF *MOTHERLAND* IN CONSCIOUSNESS OF THE FIRST- AND SECOND-YEAR STUDENTS OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Ya. Gimaev

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky prosp. 49, Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to characterize the crucial components of the lexical concept of *Motherland* in consciousness of the Financial University students.

Methodology. A semantic differential experiment is performed. The content of the study involves an analysis of the results obtained with the use of the methods of observation and generalization.

Results. The research makes it possible to identify the characteristics of the crucial components of the lexical concept of *Motherland* in mass consciousness of the 17–20-year-old students.

Research implications. The obtained results show the functioning of the important lexical concept in mass consciousness of the youth, and help emphasize high-priority ways in practice of promotion of patriotism in the system of higher education.

Keywords: lexical concept, mass consciousness, semantic differential method, rate scales, stimulus word

Введение

Метод семантического дифференциала, введённый в практику психологических исследований Ч. Осгудом в середине прошлого века, в настоящее время активно применяется представителями разных гуманитарных наук. Данный метод позволяет «описывать стимул (объект) как точку или вектор в заданном многомерном семантическом пространстве, различать стимулы и описывать их различия как различия точек или векторов многомерного семантического пространства»¹. Таким образом, по нашему мнению, он способен показать реальное наполнение компонентов того или иного культурного концепта в массовом сознании определённой группы людей. Концептуальность языковых явлений создаётся за счёт эмоционального наполнения совокупности различных высказываний. «Эмоциональное в языке опирается на глубокое личностное начало в человеке как его носителя и творце...» [2].

Составление опросника

Для выявления значимых компонентов концепта *родина* в сознании студентов Финансового университета нами была разработана анкета, отражающая ключевые элементы понятийной составляющей. Вопросы для анкеты были подобраны с учётом фразеологических слоёв культурной константы «родная земля», выделенных В. Н. Телия. Исследователь разделяет концепт на два (*родина 1 – малая родина* и *родина 2 – большая родина*) и обнаруживает следующие концептообразующие признаки.

1. *Родина 1 – малая родина*. Локализованное пространство, ценностное отношение к которому для *X-а (X-ов)* определяется тем, что:

– *X (X-ы)* родился(-ись) здесь и с детства ощутил(-и) себя в кровнородственной связи с окружающими и с ушедшими поколениями;

– в этом месте *X* впервые воспринял себя как «часть» окружающей природы (микро- и макрокосмоса);

– *X* впервые обрёл здесь друзей и близких и стал «частью» этого неформального, персонально-корпоративного социума;

– *X* осознал свою как бы кровнородственную связь с родным для него языком;

– *X* испытал здесь и продолжает испытывать эмоционально положительное отношение к родным местам, к своим родителям и кровнородственным «корням», к близким людям, к знакомым с детства обычаям и традициям, к родному языку.

2. *Родина 2 – большая родина*. Страна в целом, ценностное отношение к которой для *X-а (X-ов)* определяется тем, что:

– это исторически сложившееся государственно обустроенное геополитическое пространство;

– субъект этого государственного образования – всё народонаселение (этническое большинство которого составляют русские) – народ и граждане страны;

– это патриотическое единство народонаселения;

– это языковая общность, обеспечиваемая русским языком как родным для этнического большинства и играющим роль государственного языка [4, с. 414–417].

Для того, чтобы участникам эксперимента было легче представить, что понимается под каждым из вопросов, в анкету были включены условные характеристики внутренних состояний, соответствующих крайним полюсам шкал. Анкета выглядит следующим образом (табл. 1).

Результаты анкетирования

Анкетирование было проведено в мае 2021 г. среди студентов факультета экономики и бизнеса и отразило актуальное состояние изучаемого нами концепта *родина* в сознании современных обучающихся Финансового вуза.

Результаты анкетирования мы представили в виде таблицы, в которой указаны реакции каждого информанта, а в конце отображён средний показатель ответов учащихся на каждый вопрос (табл. 2).

¹ Кожевникова О. В., Вьюжанина С. А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учебно-методическое пособие для студентов высших учеб. заведений. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 13.

Таблица 1 / Table 1

Анкета, выявляющая ключевые компоненты концепта *родина* / Questionnaire revealing key components of the lexical concept of *Motherland*

АНКЕТА									
<p>Вы согласились принять участие в исследовании, цель которого – выяснить, как относится современная молодёжь к основополагающим элементам культуры (и жизни), в том числе – к <i>родине</i>. Обведите в кружок ту цифру, которая наиболее точно соответствует существу Вашего отношения к элементам понятия <i>родина</i>.</p>									
<p>1. Считаете ли вы, что у вас есть родина?</p>									
Нет!	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">-3</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">0</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+3</td> </tr> </table>	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
-3	-2	-1	0	+1	+2	+3			
<p>Говорю себе: «Нет! Моя родина весь мир, Вселенная. У меня нет другой родины».</p>		<p>Говорю себе: «Да! У меня есть родина. Это моя семья, земля, страна...»</p>							
<p>2. Противопоставляете ли вы жителей нашей страны жителям других стран?</p>									
Нет!	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">-3</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">0</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+3</td> </tr> </table>	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
-3	-2	-1	0	+1	+2	+3			
<p>Говорю себе: «Нет! Все люди одинаковые».</p>		<p>«Да! Жители нашей страны отличаются от жителей других стран».</p>							
<p>3. Чувствуете ли вы связь с родной природой, родным пространством вокруг вас?</p>									
Нет!	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">-3</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">0</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+3</td> </tr> </table>	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
-3	-2	-1	0	+1	+2	+3			
<p>Говорю себе: «Нет! Связей между мной и неодушевлённым пространством вокруг меня не существует».</p>		<p>Говорю себе: «Да! Природа и пространство вокруг меня мне родные».</p>							
<p>4. Как вы относитесь к родному языку?</p>									
Нет!	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">-3</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">0</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+3</td> </tr> </table>	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
-3	-2	-1	0	+1	+2	+3			
<p>Говорю себе: «Этот язык для меня такой же, как и другие. Не лучше и не хуже».</p>		<p>Я говорю: «Наш язык – лучший».</p>							
<p>5. Даёт ли нам родина что-то?</p>									
Нет!	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">-3</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">0</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+3</td> </tr> </table>	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
-3	-2	-1	0	+1	+2	+3			
<p>Говорю себе: «Родина ничего мне не даёт».</p>		<p>Говорю себе: «Родина – кормилица наша».</p>							
<p>6. Будете ли вы тосковать по родине, если покинете её?</p>									
Нет!	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 20px; text-align: center;">-3</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">-1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">0</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+1</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+2</td> <td style="width: 20px; text-align: center;">+3</td> </tr> </table>	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	Да!
-3	-2	-1	0	+1	+2	+3			
<p>Говорю себе: «Нет! Я не буду тосковать по родине».</p>		<p>Говорю себе: «Да! Я буду тосковать по родине»..</p>							

Источник: составлено автором.

Таблица 2 / Table 2

**Результаты эксперимента, проведённого методом семантического дифференциала /
Results of the semantic differential experiment**

№ участника	№ вопроса						Возраст	Пол
	1	2	3	4	5	6		
1	+2	+1	+1	+1	0	+1	20	М
2	0	+1	+2	+1	-2	+2	20	М
3	-1	+3	+2	+1	+1	-3	20	М
4	+3	+1	+2	+1	+3	+3	20	М
5	+1	+3	0	+2	+2	+3	20	М
6	+3	+3	+3	+3	+1	+3	20	М
7	+1	-1	+3	+3	+2	+2	19	М
8	+3	+2	+2	+2	0	+2	19	М
9	+3	-3	+1	-3	+1	+3	19	М
10	0	+3	+1	-3	-3	-3	19	М
11	+1	+3	+3	+2	0	+3	19	М
12	+1	+3	+3	0	-3	+3	19	М
13	+3	+3	+3	+3	+3	+3	19	М
14	+3	+2	+3	+3	+3	+3	19	М
15	+3	+1	+2	+3	+1	+1	19	М
16	+3	+2	+2	+3	+2	+2	19	М
17	+3	-3	+2	+1	-3	+1	19	М
18	+3	+3	+2	+1	+2	+3	19	М
19	+3	+3	+3	+1	+3	+3	19	М
20	+3	+3	+1	+2	+1	+2	19	М
21	+3	+1	+3	+3	+3	+3	19	М
22	+2	+1	0	0	+1	+2	18	М
23	+3	+2	+3	+1	+2	+3	18	М
24	+2	-2	+2	+3	+2	+2	18	М
25	+3	+2	+3	0	+1	+3	18	М
26	0	-3	0	-2	-2	0	18	М
27	+1	+2	-3	+1	-1	-3	18	М
28	+3	+3	+2	+1	+2	+3	18	М
29	+1	+3	+3	+2	0	+1	18	М
30	+2	+2	+2	0	0	+2	18	М
31	+3	+1	+1	+2	+2	+3	18	М
32	+3	-2	+1	0	+2	+3	18	М
33	+3	+2	+3	+3	+3	+3	17	М
Сред. Муж.	2,12	1,36	1,85	1,24	0,88	1,88		
34	+3	-1	+1	+3	+1	+2	21	Ж
35	+3	+2	+2	-2	+1	-1	20	Ж
36	+3	+1	+3	+3	+3	+3	20	Ж
37	+3	+2	+3	+2	+2	+3	20	Ж
38	+3	+3	+2	+2	+2	+2	20	Ж
39	+3	+2	+3	0	0	+3	19	Ж
40	+1	+2	+1	-3	-3	-3	19	Ж
41	+3	-1	+3	+3	+3	+2	19	Ж
42	+3	-3	+1	0	0	+1	19	Ж

Окончание Таблицы 2

№ участника	№ вопроса						Возраст	Пол
	1	2	3	4	5	6		
43	+2	-3	+3	+3	+2	+2	19	Ж
44	+3	+1	+1	+3	+1	+2	19	Ж
45	+3	+3	+2	+1	0	+1	19	Ж
46	+3	+2	+3	+3	+3	+3	19	Ж
47	+2	+2	+2	+3	+3	+3	19	Ж
48	+2	-2	+3	0	0	+3	19	Ж
49	+3	+2	+2	+3	+1	+1	19	Ж
50	+3	+1	+3	+2	+2	+3	19	Ж
51	+3	+1	+3	+3	+2	+3	19	Ж
52	+3	+2	+1	+1	+1	+2	19	Ж
53	+3	+2	+3	+3	+2	+2	19	Ж
54	+3	-1	+3	+2	+2	+3	18	Ж
55	+3	+1	+2	0	+1	0	18	Ж
56	+2	+1	+2	+3	+1	0	18	Ж
57	+3	+2	+2	+3	+2	+2	18	Ж
58	+3	+1	+3	+3	+2	+3	18	Ж
59	+3	+3	+3	0	+1	+3	18	Ж
60	+3	+3	+3	0	+1	+3	18	Ж
61	+2	+2	+2	+3	0	+1	18	Ж
62	+1	-1	+3	+3	+2	0	18	Ж
63	+3	+1	+2	+3	+2	+3	18	Ж
64	+3	+3	+3	+1	+2	+3	18	Ж
65	+3	+2	+3	+2	+2	+3	18	Ж
66	+1	+2	+1	-1	-3	-3	18	Ж
Сред. Жен.	2,67	1,12	2,33	1,67	1,24	1,76		
Сред.	2,39	1,24	2,09	1,45	1,06	1,82		

Источник: составлено автором.

Из таблицы видно, что студенты Финансового университета в возрасте 17–21 года в среднем дали положительные ответы на все вопросы анкеты.

Наибольшее число положительных ответов получено на первый вопрос о наличии родины. Это говорит о том, что респонденты не только считают родину безусловной ценностью, но и ассоциируют её с рядом определённых понятий. Результаты ранжированного ассоциативного эксперимента среди тех же респондентов показали, что эти понятия включают в себя в первую очередь понятия *дом* и *семья*, что и составляет, на наш взгляд, ядро концепта *родина* в сознании опрошенных [1, с. 19]. При этом участники эксперимента женского пола имеют более

высокий показатель, что, возможно, объясняется большей актуальностью для них ценностного ряда *дом – семья – родина*.

Следующим по количеству положительных ответов оказался вопрос о неодушевленном пространстве. Природа считается родной, т. к. существует некая связь респондентов с ней. Как оказалось, у представителей мужского пола она выражена немного меньше.

Вопрос о тоске по родине получил больше отрицательных ответов, чем вопросы о наличии родины и связи человека с родной природой. Стоит отметить, что тосковать по родным местам менее склонны представители мужского пола.

Менее однозначными выглядят ответы на вопросы о противопоставлении жите-

лей нашей страны жителям других стран, о родном языке и о том, даёт ли родина что-то своим жителям. Студенты мужского пола в среднем менее категоричны в назывании родного языка лучшим, более склонны противопоставлять жителей нашей страны иностранцам, а женского пола больше расположены ценить то, что даёт им родина.

Таким образом, проведя эксперимент на основе метода семантического дифференциала, или субъективного шкалирования, мы пришли к выводу, что все выделенные нами для составления анкеты понятийные составляющие концепта *родина* являются актуальными в массовом сознании студентов 1–2 курсов Финансового университета. Об этом свидетельствуют средние показатели ответов на вопросы анкеты, все из которых находятся в положительной области шкалы. Показатель, отражающий принадлежность информантов к их родине, особенно среди студентов женского пола, приближается к крайней положительной точке, что говорит об особой актуальности данного компонента в массовом сознании обучающихся. Наименее актуальным оказался компонент концепта «родина – кормилица», а остальные, такие как «связь с родной природой», «родной язык» и «благодарность родине», имеют усреднённый показатель – более 1,5. На наш взгляд, он

свидетельствует о важности и высокой ценности данных понятийных составляющих изучаемого нами концепта в массовом сознании современных студентов-экономистов.

Заключение

Результаты эксперимента показали актуальность и значимость различных понятийных компонентов концепта *родина* в сознании современных студентов 1–2 курсов Финансового университета.

На наш взгляд, эти результаты должны использоваться в практике патриотического воспитания студентов, т. к. «воспитание и обучение в высшей школе – главные составляющие процесса становления гражданской позиции будущего специалиста» [3, с. 71]. Особую актуальность, на наш взгляд, сегодня приобретает патриотическое воспитание студентов тех вузов, выпускники которых в своей будущей трудовой деятельности будут связаны с международными отношениями, межкультурной коммуникацией и глобальной экономикой. Именно поэтому изучение языковой концептуализации ключевых национальных ценностей представляется актуальным и требующим постоянного внимания лингвистов.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимаев Я. А. Моделирование концепта *родина* в сознании студентов 1–2 курсов Финансового университета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 12–22.
2. Леденёва В. В. Об использовании единиц эмоциональной лексики с семантикой 'недоброе, недружественное отношение' [Электронный ресурс] // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти проф. П. А. Леканта, Москва, 19 ноября 2019 г. / отв. ред. Н. Б. Самсонов. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Нефедова А. С. Патриотическое воспитание студентов в современном вузе // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2018. Т. 13. № 5. С. 71–76.
4. Телия В. Н. Концептообразующая флуктуация константы культуры «родная земля» в наименовании *родина* // Язык и культура. Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 409–418.

REFERENCES

1. Gimaev Ya. A. [Modeling the Concept of Motherland in the Consciousness of the First- and Second-Year Students of the Financial University]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2021, no. 5, pp. 12–22.
2. Ledeneva V. V. [On the Use of Units of Emotional Vocabulary with the Semantics of ‘Unkind, Unfriendly Attitude’]. In: Samsonov N. B., ed. *Ratsional’noe i emotsional’noe v russkom yazyke – 2019: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati prof. P. A. Lekanta, Moskva, 19 noyabrya 2019 g.* [Rational and Emotional in Russian – 2019: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Prof. P. A. Lekant, Moscow, November 19, 2019]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. 1 CD-ROM.
3. Nefedova A. S. [Patriotic Education of Students in a Modern University]. In: *Uchenye zapiski Zabaikal’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskie nauki* [Scientific Notes of the Transbaikal State University. Series: Pedagogical Sciences], 2018, vol. 13, no. 5, pp. 71–76.
4. Teliya V. N. [Concept-forming Fluctuation of the Constant of Culture “Native Land” in the Name Homeland]. In: Kubryakova E. S., Yanko T. E., eds. *Yazyk i kul’tura. Fakty i tsennosti: k 70-letiyu Yuriya Sergeevicha Stepanova* [Language and Culture. Facts and Values: To the 70th Birthday of Yuri Sergeevich Stepanov]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury Publ., 2001, pp. 409–418.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гимаев Ян Айратович – кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при правительстве Российской Федерации;
e-mail: yan094@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan A. Gimaev – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: yan094@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гимаев Я. А. Значимые компоненты концепта *родина* в сознании студентов 1–2 курсов Финансового университета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-6-12

FOR CITATION

Gimaev Ya. A. Crucial Components of the Lexical Concept of Motherland in Consciousness of the First- and Second-Year Students of the Financial University. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 6–12.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-6-12

УДК 801.54

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-13-21

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛЮДИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ XXI ВЕКА)

Кабанова Н. В., Корнеева Е. Г.

Московский физико-технический институт

141701, Московская обл., г. Долгопрудный, Институтский пер., д. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Целью исследования является лингвостилистический анализ примеров языковой игры на основе окказионализмов, выявленных в стихотворениях русских детских авторов XXI века.

Процедура и методы. В ходе анализа языкового материала применялись методы эмпирического исследования (сравнение и описание), общелогические методы (анализ, синтез, обобщение), а также метод лингвостилистического анализа.

Результаты. В результате исследования было проанализировано свыше 200 детских стихотворений, выявлены примеры языковой игры на основе окказионализмов, сделаны выводы относительно преобладания того или иного вида окказионализмов в общей массе окказиональной лексики в стихотворениях для детей.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе обобщаются существующие классификации окказионализмов, приводится авторское определение термина "языковая игра", что является вкладом в теорию языка. Выявленный языковой материал может использоваться в учебном процессе: в лекционных курсах и на семинарских занятиях по стилистике русского языка, лексикологии, для написания курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова: грамматические окказионализмы, детская поэзия XXI в., контаминация, лексические окказионализмы, окказионализмы, приёмы языковой игры, семантические окказионализмы, фонетические окказионализмы, языковая игра

IMPLEMENTATION OF LUDIC FUNCTION OF LANGUAGE THROUGH OCCASIONAL VOCABULARY BASED ON MATERIALS OF RUSSIAN CHILDREN'S POETRY OF 21ST CENTURY

N. Kabanova, E. Korneeva

Moscow Institute of Physics and Technology

Institutskiy per. 9, Dolgoprudny 9141701, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the article consists in a linguo-stylistic analysis of language play examples on the basis of occasional vocabulary, revealed in the children's poetry written by contemporary Russian authors.

Methodology. The linguistic material is examined using the methods of empirical research (comparison and description), general logical methods (analysis, synthesis, generalization), as well as the method of linguo-stylistic analysis.

Results. Over 200 contemporary poems for children are analyzed; examples of linguistic playfulness based on nonce formations are identified; and conclusions are made, concerning the predominance of a certain type of nonce words in the total volume of nonce formations in Russian poems for children.

Research implications. The paper summarizes the available classifications of nonce words, suggests a definition of the term *language play* that contributes to linguistics. The material in question can be used in the educational process: lecture courses, seminars in Stylistics of the Russian language and Lexicology, and for term and graduation papers.

Keywords: nonce formations, nonce words, grammatical nonce words, lexical nonce words, semantic nonce words, phonetic nonce words, language play, linguistic playfulness, contemporary poetry for children, contamination, word building

Введение

Феномен языковой игры в русской детской поэзии XXI в. недостаточно изучен: отсутствуют фундаментальные исследования в данной области, глубинное изучение состава окказиональной лексики в современной детской литературе. Поэтому представляется необходимым выявить и проанализировать окказиональную лексику, реализующую игровую функцию языка в стихотворениях современных русских детских поэтов.

Согласно Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. И. Розановой, «для носителя языка важна не только выражаемая мысль, но и способ её выражения» [10, с. 204]. С широким распространением в 80-х гг. прошлого столетия развлекательной литературы и, в частности, поэзии для детей, помимо базовых функций языка, коммуникативной, когнитивной, экспрессивной и эстетической, исследователи-лингвисты начинают выделять *людическую*, т. е. игровую функцию языка (корень *-lud-* в переводе с латинского языка обозначает «игра»).

Характерной чертой развлекательной литературы является игра со словом и формой, поэтому языковая игра на уровне окказионализмов представляет особый интерес как с экспрессивной, так и со словообразовательной точек зрения.

Материалом исследования послужили поэтические произведения русских авторов XXI в., среди которых Юлия Симбирская, Дина Бурачевская, Анастасия Орлова, Маша Рупасова, Андрей Слоников, Лев Яковлев, Елена Явецкая и Игорь Жуков.

Языковая игра в работах отечественных и зарубежных лингвистов

В стилистическом энциклопедическом словаре русского языка приводится следующее определение термина *языковая игра*: «определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, то есть на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект»¹. Этот термин впервые встречается в работе австрийского философа и логика Людвиг Витгенштейна [2], в которой любой вид деятельности, связанный с языком, понимается как игра [9, с. 8]. Учёный считал, что реальный мир воспринимается через язык и своеобразно конструируется посредством «совокупности языковых игр» [2, с. 12]. Из данного определения следует, что в языке не существует строго установленных правил употребления слов, поэтому языковая игра представлена в любом новом высказывании.

В зарубежной лингвистике особого внимания заслуживает работа Дэвида Кристала, изучавшего вопросы языковой игры в политическом дискурсе. Британский филолог определяет понятие языковой игры как средства «манипулирования формами и функциями языка с целью развеселить себя и других» [12, р. 328].

В русской филологии понятие *языковая игра* появляется в работе Е. А. Земской,

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2006. С. 657.

М. В. Китайгородской и Н. И. Розановой [10]. По мнению авторов, языковой игрой являются «те намеренные отклонения от языковых норм, которые имеют место, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. д.)» [10, с. 175]. Следует отметить, что этот коллектив авторов рассматривал языковую игру на примерах устной речи.

Исследования В. З. Санникова основаны на обширном литературном материале. По мнению лингвиста, языковая игра представляет собой «игру с языком, которая позволяет чётче определить языковую норму и отметить многие особенности русского языка, которые могли бы остаться незамеченными. Это, иными словами, лингвистический эксперимент» [11, с. 40].

Т. А. Гридина занимается изучением вопросов создания языковой игры именно в детской поэзии. По мнению автора, «языковая игра в детской поэзии выступает как особый способ “апелляции” к спонтанной креативности ребёнка, который “свободен” от диктата нормы и “конструирует” собственную модель языка» [3, с. 195]. Таким образом, Т. А. Гридина рассматривает языковую игру как форму *лингвокреативности*.

Ю. В. Каховская занимается изучением приёмов языковой игры, возникающей в процессе речевого взаимодействия «взрослый – ребёнок». По мнению данного исследователя, языковая игра в детской поэзии служит инструментом общения автора со слушателем, при котором стирается возрастной барьер. «Приём языковой игры является наиболее ярким и эффективным механизмом достижения взаимопонимания независимо от возраста ребёнка. Каждая возрастная категория адресата обуславливает употребление того или иного приёма языковой игры, который в отрыве от ситуации не всегда относится к конвенциональным речевым нормам» [6, с. 118].

В данном исследовании под языковой игрой понимается *умышленное отклоне-*

ние от стилистической нормы, вызванное желанием детских поэтов передать младшему поколению свой лингвистический опыт, побудить юных читателей к игре с формой и значением слова, что, как следствие, послужит мощным толчком к обогащению словарного запаса ребёнка.

Окказионализмы в работах отечественных и зарубежных лингвистов

Приёмы создания языковой игры описаны Т. А. Гридиной [3; 4; 7], Г. Р. Добровой [5], Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. И. Розановой [10], С. М. Лойтер [8] и В. З. Санниковым [11]. Эти фундаментальные работы представляют огромную ценность, т. к. основываются на обширном разножанровом языковом материале, систематизируют и классифицируют приёмы языковой игры.

Данное исследование основывается на классификации В. З. Санникова [11], в которой языковая игра рассматривается с точки зрения «лингвистического эксперимента» на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом, прагматическом, стилистическом, графическом и синтаксическом.

В рамках данной работы рассматривается окказиональная лексика, представляющая собой приём создания языковой игры на уровне лексических отклонений.

Согласно определению, представленному в «Большой российской энциклопедии», *окказионализмы* – это «речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла, необходимого в данном случае»¹.

Окказионализмы могут быть рассмотрены с разных точек зрения, например, по способу образования, как предложе-

¹ Окказионализмы // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2686792> (дата обращения: 30.05.2021).

но в работе В. З. Санникова [11]. Данная классификация основана на обширном разножанровом литературном материале с разной адресацией, как взрослой, так и детской, поэтому лишь частично отвечает целям данного исследования.

В работе К. Н. Булатбаевой, Г. К. Сарсикеевой и К. Б. Айтжанова [1] предлагается рассматривать окказионализмы на уровне синтаксической единицы. Материалом данного исследования послужили окказионализмы, выявленные в рекламных текстах и газетных заголовках. Однако при изучении неузальной лексики в детской литературе данный подход неприменим ввиду несложной семантики окказиональных слов.

Проанализировав окказиональную лексику, встречающуюся в современных стихотворениях для детей, мы приняли решение придерживаться более простой и распространённой классификации окказионализмов, предложенной Н. Г. Бабенко¹. Данная классификация позволяет наиболее точно распределить окказиональные новообразования, выявленные в современной поэзии для детей. По мнению автора, окказионализмы могут быть разделены на следующие группы: фонетические, лексические, семантические, грамматические, или морфологические, окказиональное сочетание слов, окказиональная фразеология.

Языковая игра на основе окказионализмов в поэтических произведениях для детей современных русских авторов

В ходе анализа материала исследования были выявлены следующие группы окказиональной лексики: фонетическая, лексическая, семантическая и грамматическая, или морфологическая.

Фонетические окказионализмы – это новообразования, состоящие из звуков, содержащих некую семантику, обусловленную фонетическими значениями дан-

ных звуков либо контекстом. В стихотворении Маши Рупасовой «Боюсь-боюсь»² встречается окказиональное слово *бдыщ*. Звукообраз данного слова позволяет предположить, что оно может означать сильный удар о твёрдую поверхность. В стихотворении автор описывает удар комарика о стекло следующим образом: *Тут комарик – / Бдыщ! – / Врезался в окно.*

В другом стихотворении Маши Рупасовой «Не дети, а слоны»³ был использован окказионализм, имитирующий громкий, настойчивый, нарастающий стук недовольной «тётеньки» в потолок: *Снизу тётенька ворчит, / Ей мешают шум. // В потолок она стучит: / Туки-туки-бум.*

Стихотворение Анастасии Орловой «Переводчик»⁴ состоит из фонетических окказионализмов, сопровождающихся их расшифровкой. При создании данных фонетических новообразований автор, очевидно, руководствовался манерой детей давать названия окружающим их предметам и явлениям с учётом несовершенства детской речи: *Фофа – соска, / Чёсь – расчёска, / Кися – кошка, / Взик – застёжка, / Бух – упал, / Тю-тю – пропал, / Топ – пошёл, / Куку – нашёл!*

В частушках Льва Яковлева⁵ использует фонетический окказионализм в уменьшительно-ласкательной форме *трулялюшки-труляля*, который может означать что-то легкомысленное, лёгкое, ветреное: *– Трулялюшки-труляля! – / Запеваёт Зина, / И колышет тополя / Зины голосина.* Однако в конце стихотворения употреблена гипербола *голосина*, разговорное слово мужского рода, означающее *сильный голос*. Сочетание литоты и гиперболы в данном случае вызывает диссонанс и придаёт комизм.

В стихотворении «Обожалки Чегоши»⁶ Лев Яковлев употребляет сочетание узальных и окказиональных звукоподражательных глаголов, о значении которых

¹ Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учебное пособие. Калининград: Калининградский ун-т, 1997. 84 с.

² Рупасова М. Не дети, а слоны, или все в сад! М.: АСТ, 2018. С. 27.

³ Там же. С. 28.

⁴ Орлова А. Малышам. М.: АСТ, 2017. С. 106.

⁵ Яковлев Л. Г. В остатке. Стихотворения. М.: Арт Хаус медиа, 2010. С. 83.

⁶ Там же. С. 11.

можно только догадываться: *Обожаю кукарекать, / Я умею мекать, бекать, / Чучурюкать, таракать, / Гурундеть и свирисеть, / Грохотать, фырчать и даже / Тинтиликать, дрындычать...* Скорее всего глаголы *чучурюкать, гурундеть, тинтиликать, дрындычать* связаны с производимыми говорящим звуками, на что указывают узуальные глаголы *кукарекать, таракать, свирисеть, грохотать*.

Лексические окказионализмы представляют собой наиболее часто встречающийся вид языковой игры, при создании которой используются комбинации различных узуальных основ и аффиксов в соответствии с исторически сложившейся словообразовательной нормой или некоторым отклонением от неё. В. З. Санников относит к данной группе следующие способы окказионального словообразования: различные виды аффиксации, словосложение, контаминация, громоздкие новообразования на основе целой фразы или предложения, *фокус-покус* приём, переход нарицательного имени в имя собственное и наоборот [11].

В ряде стихотворений Юлии Симбирской¹, например, «Кабачок», «Репка», «Редиска», авторские окказионализмы образованы путём словосложения: *кабачишка-малыш, полуночник-сверчок, малыш-кабачок, крот-почтальон, редиска-толстушка, девочка-редиска, принц-редиска*.

В стихотворении «Баклажан»² составное прилагательное *глянцево-блестящий* образовано при помощи словосложения. Данный приём был использован автором для более точного описания цвета баклажана.

Елена Явецкая и Игорь Жуков используют окказиональные словосложения, например, в стихотворении «Внучка Снегурочка»³: *Не обижайте / Снегурочку-внучку – / Вмиг превратится / В белую тучку!* В стихотворении «Ель-Елена» лексический окказионализм употреблён вместе

с ассонансом, благодаря чему ощущается нежность и трепетное отношение к ёлочке, а при помощи инверсии выделяется подлежащее *Ель-Елена: Стояла в лесу Ель-Елена*.

Анастасия Орлова в стихотворении «Мы плывём на лодке»⁴ рассказывает о путешествии семьи по широкой реке и встрече с различными предметами. В данном примере семья видит маленькое пёрышко, которое похоже на одинокое крохотное судно: *А навстречу пёрышко, / Беленькое пёрышко / маленькое-маленькое / Пёрышко-судёнышко*. Значение слова *судно* (транспортное средство для перевозки пассажиров или грузов по воде) сильно преуменьшено. Более того, слово *судёнышко* имеет сему ненадёжности, непрочности и небольшого размера. Окказионализм *пёрышко-судёнышко* усиливает одиночество и незначительность пёрышка в огромном мире, а также указывает на способность ребёнка замечать различные мелочи и радоваться им.

Творчество Маши Рупасовой изобилует интересными окказионализмами. Например, в стихотворении «Снегоеды»⁵ встречаются следующие окказиональные новообразования: *снегоеды, снегопоедание*, – созданные при помощи приёма контаминации (снег + есть, снег + поедание). Данные слова пока не отражены в словарях, однако потенциально они могут войти в узус, т. к. описываемое ими явление распространено среди детей. Окказионализм *отругатель*, т. е. воспитатель, который отругал детей, также образован при помощи соединения двух частей слов (*отругать + воспитатель*).

В стихотворении «Битва магов»⁶ для создания окказионализмов применяется приём контаминации. Новообразования *скакальня, кувыркальня, оральня* образованы от слов *скакать, кувиркаться, орать + спальня*. Замыкает ряд комичных окказиональных однородных членов новообразо-

¹ Симбирская Ю. С. На грядке всё в порядке. М.: Абрикобукс, 2018. С. 6.

² Там же. С. 34.

³ Явецкая Е., Жуков И. Буквы на ёлке. Новогодний алфавит: стихи. М.: РОСМЕН, 2015. С. 21.

⁴ Орлова А. Мы плывём на лодке. СПб.: Детское время, 2015. С. 3.

⁵ Рупасова М. Не дети, а слоны, или все в сад! М.: АСТ, 2018. С. 4–7.

⁶ Там же. С. 15.

вание на основе целой фразы *подушками кидальня* – это спальня, где *кидаются подушками*. Комизм данному окказионализму придаёт просторечное слово *кидать*.

В стихотворении «Бунт»¹ окказионализм *раздевательство* образован путём сложения слов *раздевать* и *издевательство*. Предположительно, данное новообразование появилось из-за существующей в дошкольных учреждениях необходимости переодеваться несколько раз в день. Данный процесс представляет для детей большую трудность ввиду их возрастных особенностей и превращается в настоящее издевательство.

В стихотворении «Бывает»² было найдено окказиональное использование целой фразы: *За мной идут / Родители – / Из сада уводителю. Родители – из сада уводителю* представляет собой новообразование на основе сращения целой фразы *уводить из сада* с существительным во множественном числе *родители*. Данное сращение позволяет наиболее точно выразить процесс прихода родителей в детский сад за ребёнком. При этом глагол *уводить* имеет негативную коннотацию, например, в толковых словарях русского языка приводятся следующие значения: 1) вести, удалять; 2) придать иной ход, направление мыслям, разговору; 3) красть, похищать. С одной стороны, приход родителей в детский сад является долгожданным событием для ребёнка, а с другой стороны, лексическое значение глагола *уводить* придаёт комизм ситуации.

Интересный пример контаминации трёх узуальных основ *олень + тюлень + орёл = орлолень* встретился в стихотворении Льва Яковлева «Про зверей»³: *Если бегать, как олени, / Если плавать, как тюлени, / Если, как орлы, летать, / Орлоленем можно стать!* В данном стихотворении есть пример словосложения в сочетании с перестановкой слогов, свойственной дошкольникам, в результате чего появляется

окказионализм *кошкобака-собакошка*: – *Кто же ты, гепард, однако? // Кошка ты или собака? // – Я и то, и то немножко, / КОШКОБАКА-СОБАКОШКА!*

В стихотворении Льва Яковлева «Обожалки Чегоши»⁴ в результате контаминации узуальных основ получен лексический окказионализм *кувыркодрыгобрыкун*: *Я обожаю кувыркаться, / Бодаться, дрыгать и брыкаться. // Пускай все знают обо мне, / Кувырководрыгобрыкуне!*

Андрей Слоников в стихотворении «Зелёные подружки»⁵, повествуя о лягушках, использует необычный приём образования окказионального слова, заключающийся во включении звукоподражательного междометия *ква* в наречие *никогда*, в результате возникает узуальное слово: *ни-ква-когда не устаём*.

В стихотворении Анастасии Орловой «Папамамагите!»⁶ обыгрывается тривиальная ситуация, в которой маленький ребёнок хочет быстро что-то сказать, но слоги разных слов перемешиваются в потоке речи. В результате паронимической аттракции появляются такие окказионализмы, как *пама, мамаги, папаги, папамамагите*, где перемешались слоги у слов *мама, папа, помогите*. В данном стихотворении встречаются также окказионализмы, образованные путём контаминации узуальных основ *папощик, мамощница (папа + помощник, мама + помощница)*. Для достижения комизма автором допущена умышленная орфографическая ошибка, получившаяся ввиду языковой игры в новообразовании *памаги*.

Грамматические, или морфологические, окказионализмы – это такие авторские новообразования, в которых смысловое значение единиц языка противоречит грамматической форме с точки зрения узуса. К данной группе относятся окказиональное использование форм множественного числа, категории рода, наделение относительных имён прилага-

¹ Рупасова М. Не дети, а слоны, или все в сад! М.: АСТ, 2018. С. 23.

² Там же. С. 34.

³ Яковлев Л. Г. В остатке. Стихотворения. М.: Арт Хаус медиа, 2010. С. 40, 61.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Слоников А. Маленький сборник веселых стихов. Вышний Волочек: Ирида-прос, 2017. С. 13.

⁶ Орлова А. Малышам. М.: АСТ, 2017. С. 101.

тельных свойствами качественных, ненормативные способы образования различных частей речи.

В стихотворении Маши Рупасовой «Не дети, а слоны»¹ обнаружен пример окказионального использования формы множественного числа в словах *топоты и туки*. Данная «игра» [3] вполне оправдана, так как автор хотел подчеркнуть интенсивность шума, создаваемого детьми.

В стихотворении Льва Яковлева «Обожалки Чегоши»² грамматический окказионализм содержится в самом названии. *Обожалки* – это неузвальное существительное во множественном числе, образованное от глагола *обожать* по принципу неологизма *хотелки*. Имя собственное *Чегоша* представляет собой грамматический окказионализм, образованный от вопросительного слова *чего?* по принципу образования уменьшительно-ласкательных форм имён собственных (*Танюша, Надюша*).

В стихотворении Дины Бурачевской «Блинуши»³ речь идёт о блинах: *Напекала от души / Золотые блинуши!* *Блинуши* представляет собой окказиональное существительное в уменьшительно-ласкательной форме, полученное неузвальным способом.

Семантические окказионализмы возникают в результате наделения узвальной единицы совершенно другим значением, существующим только в рамках данного художественного контекста. Семантические окказионализмы являются неотъемлемой частью идиостиля писателя.

Комичный эффект в стихотворении «Бунт»⁴ Маши Рупасовой достигается при помощи фразы *одеялами граждан укрывательство*, где слово *укривательство* не имеет ничего общего со словом *укривать* или *накрывать одеялом*. Напротив, семантика данного слова подразумевает *умыш-*

ленное скрывание преступника или следов преступления, что никак не согласуется с реалиями детской жизни.

Семантический окказионализм присутствует в названии стихотворения Маши Рупасовой «Распустившийся садик»⁵. На первый взгляд, данное словосочетание имеет семантику, связанную с расцветшим садом (*распуститься* – раскрыться (о почках, цветах); *садик* – небольшой сад; уменьшительно-ласкательная форма от слова *сад*). Однако после прочтения становится ясно, что автор вкладывал в данное название иное значение: *распуститься* – разговорная форма от *стать непослушным, недисциплинированным*; *садик* – разговорная уменьшительно-ласкательная форма словосочетания *детский сад*.

Комизм ситуации также придают приём парцелляции, фразеологизм *отбиться от рук*, разговорное выражение *песком кидаются* и лексический окказионализм *сад-садочек*. Значение слова *садочек* означает, с одной стороны, *небольшой садик*, а с другой – *ловушку для зверей и дичи*. С точки зрения детей, *сад-садочек*, огороженный забором, может ассоциироваться с *силком*, где дети вынуждены находиться: *А у нас в саду-садочке / Распустились / Чьи-то / Дочки. // А ещё в саду-садочке / Распускаются сыночки: / Распускаются и вдруг / Отбиваются от рук. // И тогда цветочки, / Розовые дочки, / Дальше распускаются / И песком кидаются.*

Заключение

Проведённый анализ поэтических произведений русских авторов XXI в. показал, что языковая игра на основе окказионализмов широко распространена в современной детской поэзии. Данный стилистический приём помогает автору, т. е. взрослому человеку, вести диалог с ребёнком на одном языке.

В ходе исследования было выявлено, что наиболее часто встречаются лексические, грамматические и фонетические окказионализмы, реже – семантические.

¹ Рупасова М. Не дети, а слоны, или все в сад! М.: АСТ, 2018. С. 28.

² Яковлев Л. Г. В остатке. Стихотворения. М.: Арт Хаус медиа, 2010. С. 71.

³ Бурачевская Д. Стихотворения Дины Бурачевской [Электронный ресурс]. URL: trumptrum.ru (дата обращения: 01.06.2021).

⁴ Рупасова М. Не дети, а слоны, или все в сад! М.: АСТ, 2018. С. 23.

⁵ Там же. С. 33.

Окказиональные сочетания слов и окказионализмы, образованные на основе фразеологических оборотов, включённые в классификацию окказионализмов Н. Г. Бабенко, не были обнаружены. Данное явление объясняется тем, что этот вид неузуальной лексики представляется сложным для детского восприятия.

Широкое использование окказиональной лексики объясняется тем, что дошкольники могут усваивать нормы родного языка через окказиональное словообразование, хотя ещё не могут дифференцировать узусальную и окказиональную лексику

ввиду своего возраста. Парадоксальным представляется то, что, повзрослев, дети не говорят неправильно, с какой бы окказиональной лексикой они ни сталкивались в детской литературе.

Таким образом, анализ русской поэзии для детей XXI в. показал, что употребление окказионализмов для выражения личностной функции языка характерно для творчества современных русских детских поэтов.

Статья поступила в редакцию 01.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатбаева К. Н., Сарсикеева Г. К., Айтжанов К. Б. Окказиональное в современном языке: новые аспекты анализа // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2020. № 1. С. 10–16.
2. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / пер. с англ. Л. Добросельского. М.: Астрель, 2010. 250 с.
3. Гридина Т. А. Ассоциативные проекции игрового слова в «детской поэзии» (на материале произведений Михаила Яснова) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 189–199.
4. Гридина Т. А. Речезанровый потенциал языковой игры в художественной литературе для детей // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 73–85.
5. Доброва Г. Р. Детские словообразовательные окказионализмы: что важнее для ребёнка – лексическое или словообразовательное значение // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 44–59.
6. Каховская Ю. В. Языковая игра в процессе речевого взаимодействия «Взрослый – ребёнок» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2015. № 1. С. 115–118.
7. Лингвистика креатива / под общ. ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический ун-т, 2013. 369 с.
8. Лойтер С. М. О происхождении некоторых стабильных структур в детском фольклоре // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 17–20.
9. Лукьянова Е. Е. Понятие языковой игры в работах Людвиг Витгенштейна [Электронный ресурс] // Наука в мегаполисе. 2020. № 4. URL: <https://mgpu-media.ru> (дата обращения: 30.05.2021).
10. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1983. 240 с.
11. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
12. Crystal D. Language Play and Linguistic Intervention // Child Language Teaching and Therapy. 1996. Vol. 12. № 3. P. 328–344.

REFERENCES

1. Bulatbaeva K. N., Sarsikeeva G. K., Aitzhanov K. B. [Occasional in the Modern Language: New Aspects of Analysis]. In: *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Yakovlev], 2020, no. 1, pp. 10–16.
2. Wittgenstein L. Culture and Value. On Certainty (Rus. ed.: Dobrosel'sky L., transl. *Kul'tura i tsennost'. O dostovernosti*. Moscow, Astrel Publ., 2010. 250 p.).
3. Gridina T. A. [Associative Projections of the Game Word in "Children's Poetry" (Based on the Works of Mikhail Yasnov)]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2018, no. 189, pp. 189–199.

4. Gridina T. A. [Speech-genre Potential of the Language Game in Fiction for Children]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Classroom], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 73–85.
5. Dobrova G. R. [Children's Word-formation Occasionalisms: What is More Important for a Child – Lexical or Word-formation Meaning]. In: *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 2014, no. 1, pp. 44–59.
6. Kakhovskaya Yu. V. [Language Game in the Process of Speech Interaction “Adult – Child”]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: Yazyki i special'nost'* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Education Issues: Languages and Specialty], 2015, no. 1, pp. 115–118.
7. Gridina T. A., ed. *Lingvistika kreativa* [Linguistics of Creativity]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2013. 369 p.
8. Loiter S. M. [On the Origin of Some Stable Structures in Children's Folklore]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University], 2020, vol. 42, no. 1, pp. 17–20.
9. Lukyanova E. E. [The Concept of a Language Game in the Works of Ludwig Wittgenstein]. In: *Nauka v megapolise* [Science in the Metropolis], 2020, no. 4. Available at: <https://mgpu-media.ru> (accessed: 30.05.2021).
10. Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 240 p.
11. Sannikov V. Z. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry* [Russian Language in the Mirror of the Language Game]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 552 p.
12. Crystal D. Language Play and Linguistic Intervention. In: *Child Language Teaching and Therapy*, 1996, vol. 12, no. 3, pp. 328–344.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кабанова Надежда Валерьевна – магистр лингвистических наук, методист департамента иностранных языков Московского физико-технического института;
e-mail: nv_arkhipova@mail.ru

Корнеева Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента иностранных языков Московского физико-технического института;
e-mail: elen_korneeva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda V. Kabanova – Master's Degree Student (Linguistics), Methodologist, Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology;
e-mail: nv_arkhipova@mail.ru

Elena G. Korneeva – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Moscow Institute of Physics and Technology;
e-mail: elen_korneeva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кабанова Н. В., Корнеева Е. Г. Реализация ludic функции языка на основе окказионализмов (на материале русской детской поэзии XXI века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 13–21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-13-21

FOR CITATION

Kabanova N. V., Korneeva E. G. Implementation of Ludic Function of Language Through Occasional Vocabulary Based on Materials of Russian Children's Poetry of 21st Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 13–21.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-13-21

УДК 808.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-22-29

СОЗДАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ ВНУТРИ ИСКУССТВЕННОГО МИРА: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК СИМУЛЯЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

Кулакова В. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности функционирования синтаксических единиц, представить их добавочные значения, влияющие на общую семантику конструкции.

Процедура и методы. На основе компонентного анализа фрагмента текста романа «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыкова-Щедрина было определено влияние синтаксических категорий модальности, времени и персональности на восприятие читателем событий и целого мира литературного произведения, понимаемого как симуляция действительности.

Результаты. Было установлено, что синтаксические категории являются конструктами искусственного мира литературного произведения, в который автор помещает своих персонажей. Временная ось, заложенная в синтаксической структуре, создаёт условия для функционирования персонажей, а модальные компоненты отражают позицию автора.

Теоретическая и/или практическая значимость. Алгоритм анализа, представленный в работе, может быть использован для дальнейшего изучения образов персонажей в разных литературных произведениях.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, модальность, персональность, симуляция, синтаксис, темпоральность

CREATING REALITY INSIDE THE UNREAL WORLD: LITERARY TEXT AS A SIMULATION (ON EXAMPLE OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL "THE GOLOVLEVS")

V. Kulakova

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The goal of the study is to reveal the peculiarities of the functioning of syntactic units, namely, to imagine what additional meanings affecting the general semantics are contained in syntactic constructions.

Methodology. Based on the component analysis of a fragment of a literary text taken from M. Saltykov-Shchedrin's novel "The Golovlevs", the influence of syntactic categories on the reader's understanding of the events of the work is revealed. The categories of modality, temporality, and personality are considered in detail. A feature of the study is that the world described in a literary work is understood as a simulation of reality.

Results. It is found that syntactic categories are constructs of the artificial world of a literary work. Temporal attitudes embedded in the syntactic structure create conditions for the functioning of characters, and modal components reflect the author's vision in the text. In their totality, syntactic categories become the basis for creating an artificial world in which the author places his characters.

Research implications. The paper presents an analysis algorithm, in which attention is paid to syntactic categories in terms of their influence on semantics. It can be used for a more complete study of the images of characters in various literary works.

Keywords: M. Saltykov-Shchedrin, modality, personality, simulation, syntax, temporality

Введение

Восприятие реального мира происходит посредством органов чувств, и окружающая действительность осознаётся людьми как настоящая. Нахождение среди рукотворных вещей кажется совершенно естественным: со всех сторон предстают перед глазами рекламные лозунги, акции, видеофрагменты. Различение реального и нереального происходит будто бы само по себе. Но это не совсем так.

Ж. Бодрийяр, автор работ «Порядок вещей» и «Симулякры и симуляции», рассуждает о том, как происходит формирование действительности: он вводит широкое понятие симуляции, в котором она значится как «порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [3, с. 5], и замечает, что «реальное и воображаемое существуют лишь на определённой дистанции», которая, в свою очередь, «оставляет место для проекции идеального или критического характера» [3, с. 164]. Из этого следует, что если автор создаёт модель, то он вкладывает в неё определённую цель – представление положительной («идеальной») и отрицательной («критической») стороны, т. е. одобрение или критику моделей реального мира.

Своё исследование теории Ж. Бодрийяр проводит на «порядке вещей», на действии рекламы, взаимосвязи спроса и предложения. Предметы существуют разрозненно, товары не подчинены законам, по которым обязательно становятся востребованными, однако в языке такие законы есть: «Поскольку язык не может быть ни предметом потребления, ни предметом частной собственности говорящих на нём, то в нём всегда остаётся возможным “существенный” синтаксис обмена (структурированность коммуникации)» [2, с. 205]. Таким образом, в языке «классификаторный порядок» [2, с. 206] осуществляется с помощью синтаксиса: он из хаоса создаёт единицы коммуникации. Поэтому синтаксический строй считается в исследовании основой, каркасом, к которому прирастают добавочные смыслы.

Законы реальности и их «действие» в литературном произведении

В художественном тексте объекты существуют так же, как и в реальности: они «привязаны» к определённым местам и временным промежуткам. Доказать, что законы организации времени и пространства действуют в объективно существующем и литературном мирах одинаково, не представляется возможным, однако выявить схожие черты и выбрать на их основе конструкты в качестве ориентира для анализа семантики реально.

Исследователями не раз описывался такой выявленный И. Ньютоном поразительный факт, что свойства планеты Земля и Вселенной подчиняются одним и тем же законам. Описывая его, К. Митио, автор книги «Параллельные миры: об условиях мироздания, высшем измерении и обустройстве космоса», приводя в начале рассуждения цитату В. Шекспира «Весь мир – театр», сравнивает окружающий мир со сценой: «Сцена жизни отныне уже не была окружена наводящими ужас небесными знаменами; актёры подчинялись тем же законам, что и декорации» [8, с. 40]. Мир литературного произведения можно представить как своего рода симуляцию: в таком случае *роль актёров* отдаётся литературным персонажам, а *роль декораций*, окружающей действительности – созданному автором миру произведения, т. е. месту их действия.

Далее К. Мичио рассуждает о решениях парадоксов, связанных с открытиями И. Ньютона. Он отвечает на вопрос, почему небо чёрное и звёзды не могут осветить его: «Свету наиболее отдалённых звёзд не хватило времени, чтобы достичь наших взоров» [8, с. 44]. Возможно провести аналогию для художественного текста: такая темнота – как у чёрного неба – окутывает локацию, не описанные автором, ускользающие от взора читателя, следующего за шагами персонажей. При анализе категории *времени* в предложениях [6, с. 98], подкреплённом выводами Н. Д. Арутюновой [1, с. 78], подтверждается следующее: временная ось организует пространство и

предметы в литературном произведении таким образом, что они «привязываются» к ней, т. е. декорация с актёрами существует в определённой плоскости в том порядке, который ей диктует временная парадигма. Как и в случае со *звёздами*, те или иные явления не видны из-за различий во времени. Какие же сцены рисует своим читателям в романе «Господа Головлёвы» М. Е. Салтыков-Щедрин и для чего?

Актёры и декорации романа «Господа Головлёвы»

Перед читателем предстаёт некое *пространство*: усадьба Головлёво, в котором обитают созданные М. Е. Салтыковым-Щедриним так называемые *головлята*. Действуют они в нескольких *локациях-декорациях*, не все из которых имеют какое-либо описание: 1) сама усадьба; 2) усадьба в Погорелке; 3) Петербург; 4) Москва. Основное действие происходит в Головлёве, остальные места лишены описания (рис. 1).

Все события происходят в Головлёво, жилой усадьбе, находящейся в уезде далеко от Москвы, в канун отмены крепостного права. Для проживающих в усадьбе людей – господ (в их центре находится Порфирий Владимырьч, по прозвищу Иудушка) – тревожно осознание грядущих изменений.

М. Е. Салтыков-Щедрин следовал идее: он хотел представить читателю, что человек, скрывшийся за «*маской празднословия*», т. е. за пустыми речами, подкреплёнными неправильными трактовками библейского смысла, не способный к труду, не может выжить в новом мире; он носит в себе только отрицательные черты и, изнурая других, существует. Лишённый возможности уничтожать, сам становится ничем¹. Сложная мысль передаётся щепетильному прописыванию образа Иудушки, успешное создание которого, по наблюдению учёных, было связано не только с творческим даром М. Е. Салтыкова-Щедрина, но и с его личными переживаниями: персонаж наделён чертами брата

писателя, Дмитрия. Сведения об этом находим у Е. С. Бушмина, исследователя творческого наследия писателя: «В гениальный художественный синтез лицемерия, ханжества, пакостничества и кляузничества, осуществлённый в фигуре Иудушки Головлёва, вошёл своими чертами Д. Е. Салтыков. В этом, между прочим, тайна той художественной чуткости, которую проявил Щедрин в обрисовке типа, столь далёкого от писателя по своему идейно-нравственному облику» [4, с. 157]. Следовательно, люди, похожие на Иудушку, существовали, и автор хотел показать, что с такими людьми должная статья: такой идее подчиняется созданный М. Е. Салтыковым-Щедриним персонаж.

В романе автор использует особые синтаксические конструкции. А. И. Ефимов, один из ведущих щедриноведов, выявляет следующие алгоритмы формирования речи персонажа: «В речи Иудушки Головлёва церковно-славянская фразеология играет весьма ответственную роль. Она выступает в качестве наиболее ярких и заметных атрибутов его речевого портрета. Подчёркнуто-старательная цитация изречений, сохранивших церковно-культурную окраску, и постоянное одевание в тот, так сказать, маскировочно-речевой халат» [5, с. 295]. Однако речь – это лишь один из элементов формирования полноценного образа.

Согласно представленной выше идее в предложениях, связанных с характеристикой Иудушки, выстраивается *пропозиция*. Идея пропозиции – семантического инварианта – была перенята лингвистикой у логики для обозначения общего смысла предложения, и, по замечанию Н. Д. Арутюновой, такой перенос был связан с интересом «к «фактическому» аспекту мира» и «к изучению значения предложения (понимаемого как знак события)» [1, с. 23]. Компонентами пропозиции являются *термы*, т. е. предметы, лица, явления и т. п., которые являются репрезентациями актёров, и *предикаты*, т. е. свойства, действия этих терм. Временные значения, заключённые в семантике предикатов, могут выражать «три типа соотнесённости с временным ориентиром – предшествование ориентиру, совпадение

¹ См. Прозоров В. В. Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина в школьном изучении: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1979. С. 80.

Рис. 1 / Fig. 1. Декорации в художественном произведении / Decorations in a literary text

Источник: составлено автором.

с ним и следование за ним» [11, с. 169], поэтому стоит считать, что в этом компоненте пропозиции проявляется связь с осью времени (формальное значение времени у предикатов в предложении). Анализ обоих компонентов важен потому, что понятие пропозиции «даёт возможность разделить принципиально разные по своей природе элементы смысла предложения, которые в нём обязательно соединяются» [10, с. 116]. Следовательно, *единство компонентов* образует *единицу смысла*. Рассмотрим, как это происходит, на конкретном примере.

¹Отовсюду, из всех углов этого постылого дома, казалось, выползали «умертвия».
²Куда ни пойдёшь, в какую сторону ни повернёшься, везде шевелятся серые призраки.
³Вот папенька Владимир Михайлович, в белом колпаке, дразнящийся языком и цитирующий Баркова; вот братец Стёпка-балбес и рядом с ним братец Пашка-тихоня; вот Любинька, а вот и последние отпрыски головлёвского рода: Володька и Петька...⁴ И всё это хмельное, блудное, измученное, истекающее кровью...⁵ И над всеми этими призраками витает живой призрак, и этот живой призрак – не кто иной, как сам он, Порфирий Владимирович Головлёв, последний представитель выморочного рода...¹

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлёвы // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0015.shtml (дата обращения: 05.11.2021).

В представленном сложном синтаксическом целом описываются все *господа*, существовавшие в усадьбе: *Владимир Михайлович*, отец *Иудушки*, *Степан* и *Павел*, его братья, *Любинька* – племянница, *Володька* и *Петька* – сыновья. Место действия – *усадьба Головлёво*.

¹[Отовсюду, из всех углов этого постылого дома, | казалось | ^{вводный компонент}, выползали «умертвия»]. В первом предложении терм – *умертвия* (категория персональности – 3 лицо), его предикат – *выползали*. Читатель пока не осведомлён, кто именно скрывается под указанным термом. Время действия имперфективное (категория темпоральности – отмеченное прошедшее имперфективное синтаксическое время), следовательно, *пропозиция* предложения – движение призраков, динамичная картина прошлого с завершающимся, а длящимся действием. В предложении субъективная модальность эксплицирована вводным компонентом *казалось* со значением достоверности сообщения – возможности или предположения². Особенно важно, что субъективная модальность выражает «отношение говорящего к сообщаемому» [7, с. 103], а значит, авторская характеристика ситуации будет конкретизирована в последующих предложениях.

² Лекант П. А. Современный русский язык. Синтаксис: учебное пособие. М.: Академия, 2010. С. 185.

²(Куда ни пойдёшь), (в какую сторону ни повернёшься), [везде шевелиются серые призраки]. Во втором предложении три предикативных центра. Терм первого и второго не имеет формального показателя, его предикаты пойдёшь, повернёшь указывают на обобщённый характер грамматических значений синтаксического времени и лица. Таким образом, автор уточняет ситуацию, отдавая роль опущенного термина читателю, и – демонстрирует вездесущность второго термина этого предложения – призраков (категория персональности – 3 лицо). Его предикат – шевелиются – представлен в форме настоящего времени (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время), что несвойственно для общего тона повествования, ведущегося преимущественно в прошедшем времени. Такой временной сдвиг необходим, чтобы обобщить всю ещё не до конца детализированную ситуацию, т. е. дать читателю понять, что описываемые призраки до сих пор существуют: пропозиция предложения – движение призраков, динамичная картина настоящего с дядщимся действием.

³[Вот папенька Владимир Михайлович, в белом колпаке, дразнящий языком и цитирующий Баркова; вот братец Стёпка-балбес и рядом с ним братец Пашка-тихоня; вот Любинька, а вот и последние отпрыски головлёвского рода: Володька и Петька...] В третьем предложении детализируется терм первого: призраки – это все существовавшие господ Головлёвы, за исключением Порфирия Владимировича (категория персональности – 3 лицо). Предикаты в структуре ряда номинативных конструкций формально не обозначены, да и не нужны (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время). Пропозиция предложения – указание на конкретных лиц, призраков, обладающих атрибутивными и полупредикативными признаками. Динамичная картина возникает благодаря использованию частицы вот, принимающей «участие в передаче наглядного ... бы-

тийного значения с дополнительным указательным оттенком» [9, с. 61].

⁴[И всё это хмельное, блудное, измученное, истекающее кровью...] В четвёртом предложении обобщающий терм всё это – и усадьба, и господа (категория персональности – 3 лицо), а предикаты – описание их общих свойств (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время, представленное нулевой формой связки быть с нейтральным модальным значением обладания признаком). Пропозиция предложения – описание конкретных призраков, статичная картина пассивных предикативных признаков.

⁵[И над всеми этими призраками витают живой призрак], и [этот живой призрак – не кто иной, как сам он, Порфирий Владимирович Головлёв, последний представитель выморочного рода...] Пятое предложение имеет новый терм – призрак ‘Порфирий Владимирович’, формально – два одинаковых термина, второй – уточняющий. Предикат первого – витают, второго – [есть] он (категория темпоральности – неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время). Пропозиция предложения – движение одного конкретного призрака, динамичная картина настоящего с не завершающимся, а дядщимся действием.

Общая характеристика ССЦ представлена в таблице (табл. 1).

Таким образом, грамматическая структура предложения оформляет и формирует внутри себя единицу коммуникации. Произведение написано преимущественно с использованием форм прошедшего времени, и формы других времён появляются намеренно: с их помощью представлены действия призраков. Согласно сюжету произведения, из-за своего празднословия Иудушка погубил всех указанных господ. Однако на этапе представления указанного ССЦ сам он ещё является живым персонажем. Благодаря перемене темпоральной характеристики создаётся эффект статичной картинке, характеризующей влияние Иудушки на окружающих.

Таблица 1 / Table 1

Анализ ССЦ / Analysis of overphrasian unity

№ предложения	Персональность	Модальность	Темпоральность
1	3 лицо [умервтия]	субъективная достоверности [казалось]	отмеченное прошедшее синтаксическое время имперфективное [выползали]
2	–, 3 лицо [призраки]	нейтральная	неотмеченное настоящее синтаксическое время имперфективное [шевелиются]
3	3 лицо [все господа]	нейтральная	неотмеченное имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время
4	3 лицо [всё это]	нейтральная	неотмеченное имперфективное настоящее синтаксическое время
5	3 лицо [призрак, призрак]	нейтральная	неотмеченное настоящее синтаксическое время имперфективное [витают]

Источник: составлено автором.

Так появляются и сцена, и актёры.

Категория персональности помогает обозначить их в тексте. Именно благодаря введению термов читатель может увидеть действующие лица, и определение каждого из них необходимо для анализа деятельности.

Их действия представляются активными, т. е. существующими в реальном времени: читатель видит, будто бы они сейчас витают над помещением.

Живого персонажа – Иудушку – автор также изображает в виде призрака. Очевидно, для Салтыкова-Щедрина важно представить такую идею, что подобные люди должны остаться в прошлом, и это ему успешно удаётся.

Заключение

На основе вышеприведённого анализа можно заключить, что у мира, описываемого в литературном тексте, есть черты симуляции: он имеет чёткую цель – представить мнение автора читателю, в нём созданы определённые места действий, есть обитатели, и категория времени организует и декорации, и актёров. Однако у мира литературного текста есть особен-

ность: его автор может вмешиваться, показывая своё мнение.

Такой взгляд на текст позволяет увидеть, что синтаксис организует мысли автора и материализует их в такую форму, которая сама имеет некоторое значение. Её анализ может детализировать характеристику литературных персонажей. Для этого необходимо в выбранном фрагменте текста уточнить смысл: 1) установить, в каком месте действует персонаж (и почему); 2) выделить все действующие лица, обозначив, как проявляется категория персональности; 3) определить время действия всех указанных лиц; 4) проверить наличие формальных показателей субъективной модальности. Такое исследование поможет максимально точно определить смысл текста.

Единицы синтаксиса математичны, а, согласно многим учёным, например, Ш. Яу и С. Надис [12], именно с помощью точных наук можно познать мир. Вероятно, «общество потребления» сможет лучше постичь организацию порядка вещей, если будет изучать лингвистическую материю логически, т. е. с опорой на синтаксис.

Статья поступила в редакцию 21.10.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: ЛКИ, 2007. 384 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 226 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
4. Бушмин Е. С. Эволюция сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.: Наука, 1984. 344 с.
5. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М.: Изд-во Московского университета, 1953. 506 с.
6. Кулакова В. А. Роль темпоральности в создании образа персонажа (на примере Иудушки Головлёва) [Электронный ресурс] // Лексикология и грамматика русского языка и стилистика художественного текста: материалы Всероссийской конференции студентов, посвящённой 140-летию со дня рождения Л. В. Щербы, Москва, 18 декабря 2020 г. М., 2020. С. 98–104.
7. Лекант П. А. Модальность и вводность // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. С. 124–126.
8. Мичио К. Параллельные миры: об условиях мироздания, высшем измерении и обустройстве космоса / пер. с англ. М. Кузнецовой. М.: София, 2008. 416 с.
9. Шаповалова Т. Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 60–67.
10. Шаповалова Т. Е. К проблеме осложнения простого предложения // Семантическая структура слова и высказывания: межвузовский сборник научных трудов. М.: Московский педагогический университет, 1993. С. 115–120.
11. Шаповалова Т. Е. Предложно-падежные формы с временным значением как фрагмент темпоральной системы русского языка // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика: межвузовский сборник научных трудов. М.: МОПИ имени Крупской, 1990. С. 159–165.
12. Яу Ш., Надис С. Теория струн и скрытые измерения Вселенной / пер. А. Мороз, И. Ружмайкиной, В. Семинько. СПб.: Питер, 2013. 400 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [Proposition and Its Meaning: Logical and Semantic Problems]. Moscow, LKI Publ., 2007. 384 p.
2. Baudrillard J. *Le système des objets* (Rus. ed.: Zenkin S., transl. *Sistema veshchei*. Moscow, Rudomino Publ., 1999. 226 p.).
3. Baudrillard J. *Simulacres et simulation* (Rus. ed.: Kachalov A., transl. *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.).
4. Bushmin E. S. *Evolutsiya satiry M. E. Saltykova-Shchedrina* [The Evolution of M. E. Saltykov-Shchedrin's Satire]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 344 p.
5. Efimov A. I. *Yazyk satiry Saltykova-Shchedrina* [The Language of the Satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow, Moscow University Publ., 1953. 506 p.
6. Kulakova V. A. [The Role of Temporality in Creating the Image of a Character (On the Example of Iudushka Golovlyov)]. In: *Leksikologiya i grammatika russkogo yazyka i stilistika khudozhestvennogo teksta: materialy Vserossiiskoi konferentsii studentov, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya L. V. Shcherby, Moskva, 18 dekabrya 2020 g.* [Lexicology and Grammar of the Russian Language and Stylistics of a Literary Text: Materials of the All-Russian Conference of Students Dedicated to the 140th Birthday of L. Shcherba, Moscow, December 18, 2020]. Moscow, 2020, pp. 98–104.
7. Lekant P. A. [Modality and Introductory]. In: Lekant P. A. *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Grammar of the Russian Language]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2002, pp. 124–126.
8. Michio K. *Parallel Worlds. A Journey Through Creation, Higher Dimensions, and the Future of the Cosmos* (Rus. ed.: Kuznetcova M., transl. *Parallel'nye miry: ob usloviyakh mirozdaniya, vysshem izmerezhenii i obustroistve kosmosa*. Moscow, Sofiya Publ., 2008. 416 p.).
9. Shapovalova T. E. [Nominative Sentences with Determining Word Forms in I. Bunin's Poetic Texts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 4, pp. 60–67.
10. Shapovalova T. E. [On the Problem of Complication of a Simple Sentence]. In: *Semanticheskaya struktura slova i vyskazyvaniya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantic Structure of Words and Statements: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 1993, pp. 115–120.

11. Shapovalova T. E. [Prepositional Case Forms with Temporal Meaning as a Fragment of the Temporal System of the Russian language]. In: *Leksicheskaya, slovoobrazovatel'naya i sintaksicheskaya semantika: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Lexical, Derivational and Syntactic Semantics: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. Krupskaya Publ., 1990, pp. 159–165.
12. Yau S., Nadis S. The Shape of Inner Space: String Theory and the Geometry of the Universe's Hidden Dimensions (Rus. ed.: Moroz A., Ruzmajkina I., Semin'ko V., transl. *Teoriya strun i skrytye izmereniya Vselennoi*. St. Petersburg, Piter Publ., 2013. 400 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулакова Вероника Александровна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: va.kulakova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veronika A. Kulakova – Postgraduate Student, Department of Modern Russian Named after P. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: va.kulakova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кулакова В. А. Создание реальности внутри искусственного мира: художественное произведение как симуляция (на примере романа «Господа Головлёвы») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-22-29

FOR CITATION

Kulakova V. A. Creating Reality Inside the Unreal World: Literary Text as a Simulation (On Example of M. E. Saltykov-Shchedrin's Novel "The Golovlevs"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-22-29

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-30-38

ФРАЗЕОЛОГИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Лескова Е. В.*Калининградский государственный технический университет
236022, г. Калининград, пр-т. Советский, д. 1, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Исследовать феномен «научной» фразеологии, её структурных и семантических особенностей, доказать значимость её изучения в рамках дисциплины «Русский язык как иностранный».

Процедура и методы. В исследовании применяются общенаучные (наблюдение, описание, классификация, анализ, эксперимент) и лингвистические (контекстологический, структурно-типологический) методы.

Результаты. Выделяются стилистические группы «научных» фразеологизмов и их лексико-грамматические разряды. Делаются заключения об особенностях фразеопарадигмы этих фразеологических единиц (ФЕ), способности к видовой и морфологической трансформации внутри ФЕ. Анализируется продуктивность изучения этой темы на занятиях с иностранцами.

Теоретическая и/или практическая значимость состоит в анализе малоисследованных аспектов научной фразеологии и доказательстве (теоретическом и экспериментальном) целесообразности введения этой непростой темы в курс по РКИ.

Ключевые слова: научный стиль речи, научный текст, русский язык как иностранный, семантизация, терминология, фразеология, фразеопарадигма

PHRASEOLOGY IN A SCIENTIFIC TEXT AND SPECIFIC FEATURES OF ITS STUDY IN CLASSES OF “THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN” DISCIPLINE

E. Leskova*Kaliningrad State Technical University
prosp. Sovetsky 1, Kaliningrad 236022, Russian Federation***Abstract**

Aim. The purpose of the paper is to study the phenomenon of “scientific” phraseology, and its structural and semantic features, as well as to prove significance of its study within the “Russian language as a foreign” discipline.

Methodology. The research relies on general scientific (observation, description, classification, analysis, and experiment) and linguistic (contextological and structural-typological) methods.

Results. The stylistic groups of “scientific” phraseological units (PUs) and their lexico-grammatical categories are distinguished. Conclusions are made about the peculiarities of their semantics, phraseoparadigms, and the ability to species and morphological transformation within PUs, as well as about the productivity of studying this topic in the classroom with foreigners.

Research implications. The significance of this work lies in the analysis of poorly studied aspects of “scientific” phraseology and in the proof (theoretical and experimental) of the expediency of introducing this difficult topic into the course of the “Russian language as a foreign”.

Keywords: scientific style of speech, scientific text, Russian as a foreign language, semantization, terminology, phraseology, phrase paradigm

Введение

На первый взгляд, использование фразеологических сочетаний является редким и крайне нехарактерным для научного стиля речи явлением. Это связано с тем, что научный текст не предполагает наличия каких-либо форм выражения экспрессии, он чужд демонстрации чувств и эмоций, приближен к рациональным способам передачи содержания. Его главной функциональной чертой является «бесподтекстное и однозначное, лишённое коннотативности выражение мыслей»¹, в то время как фразеологизмы являются в высшей степени «коннотативными».

Если главные принципы формирования научного текста – направленность на сжатие информации, выделение главного и отсечение всего второстепенного, тяготение к точности и однозначности, то цель использования фразеологизмов, напротив, заключается в расширении контекста прочтения, добавление в него дополнительных символических смыслов. Более того, фразеологизмам свойственно выполнение некоторых оценочных функций², нехарактерных для научно-описательного способа подачи информации. Однако такой феномен, как использование ФЕ в рамках научного текста, всё же встречается, что вызывает повышенный исследовательский интерес [4; 14].

Приведём некоторые примеры научных и учебно-научных текстов (т. к. нам интересны, прежде всего, *тексты по специальности*, изучаемые иностранными студентами), в которых встречаются фразеологизмы.

1. *Есть некое рациональное зерно в утверждении, что opus justitiae pax – мир есть продукт справедливости* (политология. – Е. Л.)³.

2. *Большинство мыслителей пыталось найти точки соприкосновения разумного познания и религиозной веры* (философия. – Е. Л.)⁴.

3. *«Перекрестные продажи» (предполагающие предложение дополнительных товаров или услуг компании помимо основных) с целью использовать существующие отношения с клиентами таким образом, чтобы продать больше товаров, помогут убить двух зайцев одним выстрелом* (экономика. – Е. Л.)⁵.

4. *Двойные стандарты неприменимы в отношении нравственности, духовности, права* (юриспруденция. – Е. Л.)⁶.

В отличие от фразеологии, встречающейся в художественных или публицистических текстах, одна из основных целей использования фразеологизмов в научном тексте – укрепление доказательной базы того или иного суждения: свойственная ФЕ экспрессивность играет в данном случае роль «усилителя» значимости приведённых фактов. Помимо этого, ФЕ являются выразителями различных категориальных признаков текста, таких как модальность, информативность, связность⁷, и выполняют определённые текстообразующие функции: участвуют в оформлении логического вывода, установлении порядка аргументов, служат формированию позиции автора и т. д. [3, с. 71].

Особый интерес к подобным явлениям (наличию ФЕ в научном тексте) проявляется у иностранных студентов [7, с. 25], столкнувшихся с непривычным для себя способом выражения мыслей, поэтому задачами преподавателя в процессе работы с научным текстом на занятиях по РКИ являются 1) ознакомление учащихся со

¹ Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М.: Русский язык, 1976. С. 82.

² Химик В. В. Фразеология в научном тексте // Культура речи. Научная речь: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 94.

³ Гаджиев К. С. Политология: учебник для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001. С. 191.

⁴ Васильев С. Ф., Дёмин И. В. Базовый курс филологии для бакалавров: учебное пособие. Барнаул: АлтГТУ, 2014. С. 71.

⁵ Гасман О., Франкенбергер К., Шик М. Бизнес-модели. 55 лучших шаблонов. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 250.

⁶ Рыбаков О. Ю. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2021. С. 150.

⁷ Химик В. В. Фразеология в научном тексте // Культура речи. Научная речь: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 109.

структурой ФЕ и особенностями их включения в содержательный план научного сообщения, а также 2) развитие навыков самостоятельного использования учащимися этих устойчивых сочетаний в своей профессиональной речи.

Нужно заметить, что работе с ФЕ не уделяется отдельного внимания на занятиях с иностранцами, изучение фразеологической компетенции в целом до сих пор не входит в обязательную образовательную программу по РКИ, несмотря на то, что многие исследователи [1; 2; 11; 12] подчёркивают необходимость её включения в образовательный стандарт. В связи с этим мы решили провести ряд экспериментальных занятий с иностранными учащимися 1 и 2 курсов (владеющими русским языком в объёме I сертификационного уровня) различных специальностей с целью оценить необходимость изучения этой темы в рамках «Русского языка как иностранного», сложность / лёгкость восприятия этого непростого языкового материала, эффективность разработанных нами заданий.

Стилистические группы фразеологизмов, встречающихся в научном тексте. Проблема семантизации

Одной из основных проблем, возникающих в процессе изучения иностранцами фразеологической лексики, является проблема её семантизации. Для человека, не являющегося носителем языка, процесс определения значения фразеологизма, как правило, представляет собой задачу крайне непростую. Это связано со спецификой самого языкового явления (ФЕ), «воспроизводимого», «раздельнословного» и соответствующего определённой «узусу употребления» [13, с. 58], для дешифровки смысла которого перевод отдельных лексем-компонентов является недостаточным, т. к. требуются наличие глубоких общекультурных знаний, понимание символов языка, механизмов формирования русского «лингвокреативного мышления»¹.

¹ Алефиренко Н. В. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2020. С. 241.

Усложняют процесс определения значения ФЕ, встречающихся в научном тексте, их стилистическое разнообразие, отсутствие чётких принципов классификации их стилистических типов. Традиционное деление на книжные, нейтральные и разговорные (нехарактерные для научного стиля) элементы системы является слишком широким для обучения иностранных студентов, которым необходимо освоить все тонкости функционирования ФЕ, и нуждается в конкретизации. Классификация фразеологизмов, представленная в классическом труде В. Н. Телия, выделяющей вслед за В. В. Виноградовым шесть классов ФЕ (идиомы, фразеологические сочетания, паремии, речевые штампы, речевые клише и крылатые выражения) [13, с. 58], для обучения иностранцев особенностям использования ФЕ в текстах по специальности, напротив, оказывается избыточной.

На наш взгляд, среди многообразия выделяемых исследователями разрядов фразеологии научного текста, к которым они относят как сами фразеологизмы, так и фразеологизированные средства связи (таким образом, во-первых, во-вторых), и даже устойчивые сочетания нефразеологического характера (по мнению, по словам, иметь в виду) [14, с. 576], необходимо акцентировать внимание иностранных учащихся на трёх наиболее обширных и полезных (с точки зрения изучения) группах ФЕ, составляющих наибольшую сложность для восприятия: 1) **терминологических ФЕ** (к примеру, *грудная клетка, шейный отдел*), встречающихся преимущественно в текстах научного стиля; 2) **речевых клише** (*оказать содействие, провести анализ*), характерных для научного, а также для официально-делового стилей речи (деловой переписки, оформления документации); 3) **общеупотребительных (общезыковых) ФЕ** (*толоочь воду в ступе, прибрать к рукам*), использование которых не зависит от стилистической окраски текста.

Такие стилистические группы фразеологизмов, как **термины** или **речевые клише** (т. е. собственно «научные» фразеоло-

гизмы), являются наиболее «читаемыми», практически прозрачными в смысловом отношении. Яркий пример этому – фразеологические сочетания юридической (оказать содействие, достичь договорённости, взыскать моральный ущерб, удовлетворить запрос, подать кассационную жалобу, конфисковать имущество) [4, с. 151] и медицинской (поставить на ноги, врачебная тайна, гусиная печень, заячья губа, грудная клетка, коленная чашечка, лающий кашель, зуб мудрости) [9, с. 248] направленностей, которые часто встречаются в текстах при работе с учащимися соответствующих специальностей.

Многие из этих ФЕ становятся понятными вследствие эксплицитности метафоры, заложенной в их основе: рациональное зерно (т. е. нечто целесообразное, имеющее смысл), точка кипения (т. е. критическая точка, понятие из физики) и т. д.

Определение семантики общезыковых ФЕ для иностранцев является наиболее сложным, что связано с необходимостью знания и понимания русских культурных кодов, заложенных в их основе. В случае возникновения затруднений при дешифровке значения таких фразеологизмов учащиеся могут обратиться к одному из общих способов семантизации [10], к примеру, попытке заменить ФЕ синонимом. Встретившуюся в научном тексте фразеологическую единицу общезыкового типа следует заменить соответствующим синонимичным словом / словами из разряда общеупотребительной лексики. Выбор необходимой лексемы / лексем в данном случае определится самим контекстом научного сообщения.

Рассмотрим некоторые примеры этого способа семантизации, прорабатываемые нами на занятиях со студентами экономических специальностей.

1. Эти реформы больше не представляются продуктивными. Это пройденный этап¹. = Эти реформы больше не пред-

¹ Чепурин М. Н., Киселёва Е. А. Курс экономической теории: учебник. 7-ое изд., доп. и перераб. Киров: АСА, 2010. С. 118.

ставляются продуктивными. Это прошлое / неактуально (наш вариант. – Е. Л.).

2. Тратить время на решение этих вопросов – **толочь воду в ступе**². = Тратить время на решение этих вопросов – **бесмысленно** (наш вариант. – Е. Л.).

3. Чтобы **докопаться до истины**, необходимо проводить больше подобных опытов³. = Чтобы **всё понять / найти верное решение** (наш вариант. – Е. Л.), необходимо проводить больше подобных опытов.

4. Конкуренция необходима для развития экономики. Это **прописная истина**⁴. = Конкуренция необходима для развития экономики. Это **известный факт** (наш вариант. – Е. Л.).

5. Эта монополия **подмяла под себя** большинство независимых производителей⁵. = Эта монополия **подчинила себе** (наш вариант. – Е. Л.) большинство независимых производителей.

В качестве альтернативных способов семантизации могут использоваться также 1) метод языковой догадки, осуществляемый при помощи словарей и иллюстративных материалов (заранее подготовленных преподавателем), или же 2) метод поиска аналогичных сочетаний в родном языке учащихся – к примеру, в ходе наших занятий был образован ряд следующих аналогий: рус. *прибрать к рукам* = англ. *get your hands on* = *secure a grip on* = *hog* (разг. «заграбастать») = франц. *mettre la main dessus* («получить это»).

Лексико-грамматические свойства научных фразеологизмов и их роль в процессе обучения иностранцев

Важным аспектом изучения ФЕ научного типа на занятиях по РКИ является анализ их семантических и структурных особенностей. В частности, учащиеся должны быть ознакомлены с основными лексико-грамматическими разрядами фразеоло-

² Там же. С. 204.

³ Там же. С. 212.

⁴ Погорлецкий И. И., Котенко А. А. Экономическая теория: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 1. 2-е изд., перераб. и доп. Калининград: КГТУ, 2009. С. 41.

⁵ Там же. С. 78.

ГИЗМОВ: субстантивными, адъективными, глагольными, адverbiallyными [8, с. 42] (междометные ФЕ в данном случае не представляют особого интереса, т. к. их использование не характерно для научных текстов).

Преподавателю следует обучить студентов выделению стречневых слов в составе изучаемых научных фразеологизмов, определению части речи, которой эти слова могут быть выражены, составлению схем морфологической сочетаемости внутри ФЕ. Так, в научных текстах наиболее характерным является использование субстантивных и глагольных разрядов фразеологизмов со следующими схемами: «прилаг. + **сущ.**» (*горячая точка, краеугольный камень, лакмусовая бумажка*) и «глагол. + **сущ.**» (*играть роль, провести анализ, внести вклад, потерпеть фиаско*) соответственно.

Помимо вышеназванных структурно-семантических особенностей иностранным учащимся должны быть представлены и другие свойства научных ФЕ: **их склонность к морфологической трансформации** (переходу составляющих их лексем-компонентов из одной части речи в другую: *проведение анализа – проводить анализ*) [14, с. 577], **особенности фразеопарадигмы**, а именно её изменения («на мёртвой точке» (П. п.) – «с мёртвой точки» (Р. п.), «на дно» (В. п.) – «на дне» (П. п.) [6, с. 37]), вариативность глагола в составе ФЕ («*держат / носят* камень за пазухой»; «*преподносят / представляют* в невыгодном свете»), а также видовые модификации в структуре ФЕ («*стирать* границы» – «*стереть* границы», «*сбрасывать* со счетов» – «*сбросить* со счетов»).

С целью отработки на занятиях с иностранцами обозначенных выше лексико-грамматических аспектов научных ФЕ нами была создана система заданий, условно разделяемых на два типа: задания на замену ФЕ в составе предложения или на замену ФЕ с трансформацией предложения в целом. Приведём некоторые примеры.

1. Трансформировать предложения таким образом, чтобы ФЕ, имеющие форму П. п. или Т. п. приобрели форму Р. п. или В. п. (заменить глагол, отвечающий за управление ФЕ).

а) Дело стоит **на мёртвой точке**. = Дело не никак может сдвинуться **с мёртвой точки** (наш вариант. – *Е. Л.*) б) Информация прозвучала **уста-ми** самого президента компании. = Мы слышали информацию **из уст** самого президента компании (наш вариант. – *Е. Л.*) в) Мы находимся **на уровне**. = Мы вышли **на уровень** (наш вариант. – *Е. Л.*)

2. Трансформировать предложение таким образом, чтобы компоненты ФЕ, выраженные глаголом, приобрели форму существительных.

а) Необходимо **провести** анализ данных. = Необходимо **проведение** анализа данных (наш вариант. – *Е. Л.*) б) Они хотят **оказать** Вам содействие. = Они предлагают Вам **оказание** содействия (наш вариант. – *Е. Л.*) в) Скоро будут **конфисковать** его имущество. = Скоро начнётся процесс **конфискации** имущества (наш вариант. – *Е. Л.*)

3. Заменить глагол несовершенного вида в составе ФЕ глаголом совершенного вида, трансформируя (там, где это необходимо) модальность предложения.

а) Это достойный конкурент. Его не стоит **сбрасывать** со счетов. = Это достойный конкурент. Его не получится **сбросить** со счетов (наш вариант. – *Е. Л.*) б) Не стоит **предавать** забвению эти страницы истории. = Мы не должны **предать** забвению эти страницы истории (наш вариант. – *Е. Л.*)

Наконец, одним из важнейших типов упражнений, дающихся в финале занятия и способствующих освоению семантических и функциональных свойств научных ФЕ, являются **задания на коммуникацию**, отвечающие главной задаче обучения любому иностранному языку – **формированию речевых навыков** [5, с. 14], в нашем случае – построению грамотной профессиональной речи.

В качестве заданий на коммуникацию иностранным студентам могут быть предложены: 1) участие в дискуссии с группой и преподавателем на заранее определённую проблемную тему по специальности (к примеру, «Способы борьбы с конку-

ренцией» по экономике); 2) воспроизведение ситуаций общения, приближенных к реальным (к примеру, моделирование ситуации рабочего совещания: обсуждение вопроса конфискации имущества у должника – на занятии со студентами, изучающими юриспруденцию, или годового отчёта о деятельности фирмы – со студентами, осваивающими экономику) с обязательным использованием изученных фразеологических единиц: «Необходимо провести анализ данных...»; «Нельзя сбрасывать со счетов проблему увеличения затрат на материалы...» и т. д.

Результаты эксперимента

Экспериментальные занятия по изучению научной фразеологии, проводимые нами в группах студентов 1 и 2 курсов различных специальностей (30 человек), выявили множество положительных черт, свидетельствующих в пользу необходимости обращения к этому языковому аспекту в рамках занятий по РКИ: 1) расширение терминологического словаря студентов; 2) развитие навыков анализа научного контекста, в котором встречаются ФЕ; 3) повышенный интерес учащихся к феномену научной фразеологии, способствующий активизации их познавательной деятельности в процессе изучения «сухого» и жёстко нормированного научного материала, а следовательно, 4) усиление заинтересованности в предмете в целом; 5) оптимизацию навыков грамотного продуцирования научного сообщения (за счёт использования фразеологических речевых клише), 6) улучшение навыков организации и поддержания дискуссии по темам изучаемой специальности и т. д.

В ходе занятий был замечен повышенный интерес студентов к изучаемой теме: их участие было активным, задавались дополнительные вопросы, оптимизировался их личный контакт друг с другом.

Среди предоставленных нами заданий наибольшую трудность вызывали задания на коммуникацию (самостоятельно с ними справились 70% учащихся, остальные –

при помощи преподавателя). Выполнение остальных заданий не вызвало особых сложностей (лишь у 10% учащихся). Важнейшим показателем эффективности занятий стало приобретённое умение учащихся узнавать и семантизировать научную фразеологию, использовать её при обсуждении профессиональных тем.

Заключение

Как показывает исследование, появление ФЕ в научном тексте является нередким явлением. Фразеологические единицы встречаются в монографиях, статьях, сборниках научных трудов, а также в учебных изданиях, затрагивающих различные специальности, области науки. При этом они реализуют множество функций, а именно способствуют организации логического членения текста (структурированию) и выражению его различных категориальных характеристик (модальности, оценочности, информативности) и т. д.

Зачастую функции, выполняемые ФЕ в рамках научного текста, детерминируются их принадлежностью к определённому стилистическому типу. Среди многообразия стилистических групп ФЕ наиболее обширными и значимыми для изучения в иностранной аудитории, на наш взгляд, являются такие группы, как собственно научные фразеологизмы (термины и речевые клише), осуществляющие в научном тексте различные смыслообразующие и структурирующие задачи, а также общеязыковые ФЕ, в основном, служащие тому, чтобы *вдохнуть жизнь* в текст сухого научного сообщения (т. е. придавать ему яркость, образность, эмоциональность).

Помимо деления фразеологических единиц на группы по стилистическому признаку особую значимость для обучения иностранных студентов имеет рассмотрение структурно-семантических особенностей русской фразеологии, в частности, её лексико-грамматических разрядов (субстантивных, глагольных, адвербиальных и т. д.). Знание морфологической сочетаемости внутри ФЕ и других свойств (вари-

ативности их фразеопарадигмы, способности к видовым трансформациям и т. д.) играет важную роль в формировании языковых и коммуникативных навыков иностранных учащихся, способствует избежанию множества ошибок.

В целом феномен фразеологии, встречающийся в научном тексте, представляет собой одну из сложнейших, но в то же время интереснейших тем для изучения на занятиях по РКИ в рамках курса по профессиональной подготовке студентов (научного стиля речи). Освоение этого

языкового аспекта позволит иностранным студентам не только легко и быстро ориентироваться в новом научном материале по выбранной ими специальности, легче воспринимать информацию на лекциях по профильным дисциплинам, но и формировать собственное научное высказывание, делая его более ярким и терминологически насыщенным.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адонина Л. В., Лазарев С. В., Никитина В. В. Значение фразеологии в методике обучения русскому языку как иностранному // Современная высшая школа. Инновационный аспект. 2017. № 2. С. 26-38.
2. Андриюшина Н. П. Фразеологизмы как компонент лексической компетенции иностранных граждан в изучении русского языка // Актуальные проблемы обучения русскому языку XII / под ред. С. Корчанковой. Брно: Масариков университет, 2016. С. 12-19.
3. Воробьёва Т. А. Функционирование фразеологических единиц в собственно научной статье // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4 (51). С. 68-71.
4. Гусева О. Н. Фразеология научной и деловой речи // Труды Белорусского государственного технологического университета. 2014. № 5. С. 150-152.
5. Домбровская М. А. Коммуникативный подход в процессе обучения иностранному языку: коммуникативные упражнения и их роль // Бизнес и дизайн ревю. 2016. № 3. С. 14-18.
6. Ерофеева Е. А. Парадигматические и синтагматические возможности непроецессуальных признаков фразеологических единиц // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2014. № 2. С. 35-42.
7. Калёнова Н. А. Лингвокультурологический аспект фразеологической эмотивности в преподавании РКИ [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2017. № 19. URL: <https://e-koncept.ru> (дата обращения: 08.11.2021).
8. Махмутова Л. Р. Структурно-грамматические особенности фразеологических единиц с полярной семантикой в современном русском языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4. С. 41-45.
9. Насырова А. Б. Медицинские фразеологизмы и способы их изучения по русскому языку как неродному // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике – 2019: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Ереван, 26-27 сентября 2019 г. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2019. С. 247-252.
10. Обухова Т. М. Семантизация фразеологизмов в преподавании РКИ // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и переводе: материалы II Международной научно-практической конференции, Салоники, 24-29 апреля 2011 г. М.: Высшая школа перевода МГУ, 2011. С. 531-536.
11. Романова Н. Н., Амелина И. О. Лексико-фразеологические средства организации деловой речи в аспекте обучения иностранному языку (русскому как иностранному и английскому языкам) // Научный результат. 2015. № 2. С. 80-87.
12. Полонникова Е. Г. Обучение русской фразеологии иностранных учащихся на современном этапе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2019. № 1. С. 99-109.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
14. Шишлова И. Ю. Фразеология в научном тексте // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 576-578.

REFERENCES

1. Adonina L. V., Lazarev S. V., Nikitina V. V. [The Value of Phraseology in the Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language]. In: *Sovremennaya vysshaya shkola. Innovatsionnyi aspekt* [Modern Higher School. Innovative Aspect], 2017, no. 2, pp. 26–38.
2. Andryushina N. P. [Phraseologisms as a Component of the Lexical Competence of Foreign Citizens in the Study of the Russian Language]. In: Korchankova S., ed. *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku XII* [Actual Problems of Teaching the Russian Language XII]. Brno, Masarikov universitet Publ., 2016, pp. 12–19.
3. Vorobyova T. A. [Functioning of Phraseological Units in the Actual Scientific Article]. In: *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2013, no. 4 (51), pp. 68–71.
4. Guseva O. N. [Phraseology of Scientific and Business Speech]. In: *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Proceedings of the Belarusian State Technological University], 2014, no. 5, pp. 150–152.
5. Dombrovskaya M. A. [Communicative Approach in the Process of Teaching a Foreign Language: communicative exercises and their role]. In: *Biznes i dizain rev'yu* [Business and Design Review], 2016, no. 3, pp. 14–18.
6. Erofeeva E. A. [Paradigmatic and Syntagmatic Possibilities of Non-procedural Features of Phraseological Units]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M. A. Sholokhova. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State University for the Humanities named after M. A. Sholokhov. Series: Philological Sciences], 2014, no. 2, pp. 35–42.
7. Kalyonova N. A. [Linguistic and Cultural Aspect of Phraseological Emotiveness in Teaching Russian as a Foreign Language]. In: *Kontsept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept: Scientific and Methodological Electronic Journal], 2017, no. 19. Available at: <https://e-koncept.ru> (accessed: 08.11.2021).
8. Mahmutova L. R. [Structural and Grammatical Features of Phraseological Units with Polar Semantics in Modern Russian]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 2011, no. 4, pp. 41–45.
9. Nasyrova A. B. [Medical Phraseological Units and Ways to Study Them in Russian as a Non-native Language]. In: *Russkii yazyk na perekrestke epokh: traditsii i innovatsii v rusistike – 2019: sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Erevan, 26–27 sentyabrya 2019 g.* [Russian Language at the Crossroads of Epochs: Traditions and Innovations in Russian Studies – 2019: Collection of Scientific Papers based on Materials of the International Scientific and Practical Conference, Yerevan, 26–27 September 2019]. Erevan, Rossiisko-Armyanskii (Slavyanskii) universitet Publ., 2019, pp. 247–252.
10. Obukhova T. M. [Semantization of Phraseological Units in Teaching Russian as a Foreign Language]. In: *Russkii yazyk v sovremennom mire: traditsii i innovatsii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo i perevode: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saloniki, 24–29 aprelya 2011 g.* [Russian Language in the Modern World: Traditions and Innovations in Teaching Russian as a Foreign Language and Translation: Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Thessaloniki, April 24–29, 2011]. Moscow, Higher School of Translation, Moscow State University Publ., 2011, pp. 531–536.
11. Romanova N. N., Amelina I. O. [Lexico-phraseological Means of Organizing Business Speech in the Aspect of Teaching a Foreign Language (Russian as a Foreign Language and English)]. In: *Nauchnyi rezul'tat* [Scientific Result], 2015, no. 2, pp. 80–87.
12. Polonnikova E. G. [Teaching Russian Phraseology to Foreign Students at the Present Stage]. In: *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta* [Scientific and Technical Statements of the St. Petersburg State Polytechnic University], 2019, no. 1, pp. 99–109.
13. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1996. 288 p.
14. Shishlova I. Yu. [Phraseology in the Scientific Text]. In: *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2020, no. 2 (81), pp. 576–578.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лескова Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Калининградского государственного технического университета;
e-mail: ekaterina.leskova@klgtu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Leskova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian Language, Kaliningrad State Technical University;
e-mail: ekaterina.leskova@klgtu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лескова Е. В. Фразеология в научном тексте и особенности её изучения на занятиях по РКИ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 30–38.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-2-30-38](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-2-30-38)

FOR CITATION

Leskova E. V. Phraseology in a Scientific Text and Specific Features of Its Study in the Classes of “The Russian Language as a Foreign” Discipline. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 30–38.
DOI: [10.18384/2310-7278-2022-2-30-38](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-2-30-38)

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-39-47

МОДАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ РЕСУРС ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СМЫСЛ «КОЛЕБАНИЕ» И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ

Нагорный И. А.¹, Долженкова А. И.²

¹Цзилиньский университет

130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика

²Средняя общеобразовательная школа № 21

308015, г. Белгород, ул. Чапаева, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ модусного смысла «колебание» как одного из способов модализации и экспрессивизации сообщаемого субъектом. Системное описание и иерархизация языковых квалификативных средств репрезентации смысла «колебание» в семантической структуре предложения.

Процедура и методы. Теоретический материал и корпус примеров исследовался при помощи функционально-коммуникативного, описательного и сопоставительного методов, что дало возможность системно проанализировать модально-экспрессивный ресурс русского предложения в аспекте репрезентации языковыми средствами модусного смысла «колебание».

Результаты. В работе анализируется субъективно-авторский смысл «колебание» как один из способов модализации и экспрессивизации сообщаемого в предложении. Квалифицируется статус данного смысла в семантической структуре предложения, определяется его роль в развитии речевой ситуации колебания. Систематизируются ядерные и периферийные языковые средства актуализации колебания как рефлексора авторского мнения, точки зрения, репрезентированной в предложении. Устанавливаются факторы, обуславливающие колебание говорящего.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в интеграции теоретических и практических данных по заявленной теме. Один из векторов развития модально-экспрессивного ресурса предложения описан на основе функциональной систематизации ядерных, околоядерных и периферийных языковых средств репрезентации колебания как модусного смысла, отражающего авторскую коммуникативную позицию относительно сообщаемого. Обоснован применяемый путь анализа практического материала: от иерархизации языковых средств выражения модусного смысла «колебание» в пределах функционально-семантического поля к определению их функционально-коммуникативных свойств в семантической структуре предложения.

Ключевые слова: адресат, говорящий, колебание, модализация, неуверенность, предположение, ситуация колебания, смысл, сомнение, экспрессивизация

MODAL-EXPRESSIVE RESOURCE OF THE SENTENCE: THE MEANING OF “OSCILLATION” AND THE LANGUAGE MEANS OF ITS ACTUALIZATION

I. Nagornyy¹, A. Dolzhenkova²

¹Jilin University

Qianjin Road 10, Changchun 130012, Peoples' Republic of China

²Secondary school no. 21

ul. Chapaeva 14, Belgorod 308015, Russian Federation

Abstract

Aim. We analyze the modus meaning of “oscillation” as one of the ways of modalization and expressivization of what is communicated by the subject. Systematic description and hierarchization of linguistic qualificative means of representation of the meaning of “oscillation” in the semantic structure of the sentence is presented.

© CC BY Нагорный И. А., Долженкова А. И., 2022.

Methodology. The theoretical material and the corpus of examples are studied using functional-communicative, descriptive and comparative methods, which makes it possible to systematically analyze the modal-expressive resource of the Russian sentence in the aspect of representation by linguistic means of the modus meaning of “oscillation”.

Results. The paper analyzes the subjective author’s meaning of “oscillation” as one of the ways of modalization and expressivization of what is reported in the sentence. The status of this meaning in the semantic structure of the sentence is qualified, and its role in the development of the speech situation of oscillation is determined. The nuclear and peripheral linguistic means of actualization of oscillation as a reflector of the author’s opinion, as well as the point of view represented in the sentence are systematized. The factors causing the speaker’s hesitation are established.

Research implications. Theoretical and practical data on the stated topic are integrated. One of the vectors of the development of the modal-expressive resource of the sentence is described on the basis of the functional systematization of nuclear, near-nuclear and peripheral linguistic means of representation of oscillation as a modus meaning reflecting the author’s communicative position regarding the reported. The applied way of analyzing practical material is justified: from the hierarchization of linguistic means of expressing the modus meaning of “oscillation” within the functional-semantic field to the definition of their functional-communicative properties in the semantic structure of the sentence.

Keywords: addressee, speaker, hesitation, modalization, uncertainty, assumption, hesitation situation, meaning, doubt, expressiveness

Введение

Для человека характерны различные мыслительные операции, отражающие не только его объективно-рациональное восприятие действительности¹, но и субъективное отношение к окружающему миру [1], проявляющееся в предложении и тексте как модусная квалификация сообщаемого. Мыслительная операция колебания оказывается характерной для субъекта, живущего в мире, который человек постоянно квалифицирует, оценивает, размышляет, высказывая своё субъективное отношение к событиям.

Модусный квалификативный смысл «колебание» как составляющая семантической структуры предложения

Различная степень обусловленности мотивации отчасти рефлектируется в мыслях и поступках человека, в жизни которого присутствуют события, – их течение и развитие вызывают у него неоднозначное мнение, кажутся ему разнотрактуемым и в какой-то степени на данный момент времени неопределённым. В такой ситуации не-

уверенность субъекта, сомнение в однозначной трактовке события или факта служат ментальной основой для возникновения колебания как чувства, мешают человеку принять конкретное решение относительно чего-то, осознать единственную правильность принимаемого решения. Всё это может быть отражено на смысловом уровне предложения реализацией и актуализацией модусного смысла «колебание» как рефлектора авторского личностного мнения. Колебание – это всегда выбор между чем-либо, процесс определения собственной позиции и – как результат произведённой ментальной операции – склонение в одну из существующих сторон². *После мучительных колебаний совести отступал он, наконец, от избранной было веры³; Он колебался. Ему казалось, что он – недостойн⁴.*

Процесс колебания отражает определённое состояние субъекта, охваченного чувствами нерешительности или сомне-

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.

² См.: Колебаться // Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: А-Темп, 2006. С. 282; Колебаться // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. С. 71.

³ Мельников-Печерский П. На горах. М.: Эксмо, 1998. С. 131.

⁴ Довлатов С. Наши / Довлатов С. Собрание прозы: в 3 т. Т. 2. М.: Лимбус-пресс, 1983. С. 60.

ния в правильности выбора, определённого недоверия факту. При этом человек в конкретный отрезок времени не может точно определиться с оценкой события, дальнейшими поступками или их целесообразностью, необходимостью, вероятностью и т. д.: *Следователь подумал. – Едва ли... Тогда была первая травма, теперь вторая¹; Секунду он сомневался, стоит ли двигаться дальше²; Трифон находил-ся в нерешительности. Будет ли доволен патрон?³* Мыслительная операция колебания, таким образом, выступает как итог неких мотивированных сомнений, раздумий, размышлений, лежащих в основе нерешительности человека в предполагаемом выборе. Колеблясь, субъект оставляет для себя возможность изменить окончательное решение.

Модусные смыслы, генерируемые говорящим в семантической структуре предложения [7], ориентированы на характеристику события, квалификацию определённого фрагмента события или события в целом при помощи репрезентации говорящим своей точки зрения [6; 12; 14], авторского взгляда на действительность, выражение субъективного отношения к факту действительности [4; 13]. Для общего смыслового поля предложения и речевого контекста это имеет определяющее значение [2; 8; 15]. Колебание в большинстве своём коммуникативно обусловлено целым комплексом внеязыковых причин. Поэтому считается необходимым отводить определяющее положение человеческому фактору развития языковой ситуации колебания [9; 11; 16]. Общий смысл предложения, в котором при помощи языковых средств отражена мыслительная операция колебания говорящего относительно чего-либо, оказывается соотносённым и с внутренними, и с внешними ситуативными

мотивами, оставаясь рефлексом точки зрения субъекта, который является ключевой фигурой речевого процесса. Именно субъект актуализирует модусный смысл «колебание» как один из векторов квалификации события, именно человеческий фактор определяет данную квалификацию фрагмента действительности: – *И, немно-го поколебавшись, ответил, без особой, впрочем, уверенности: – Я... кажется, за Агнию⁴; Коля поправил всю конструкцию. Вроде всё нормально⁵.*

Ситуация колебания, актуализируемая в семантической структуре предложения при помощи языковых средств, – это «ситуация “я – теперь – здесь – это”» [10, с. 72], и её анализ необходимо увязывать с мотивами возникновения выбора, и исходя из этого – колебания субъекта. Процесс коммуникации базируется на многих факторах [3; 5], в том числе и факторе неоднозначной оценки ситуации субъектом. В этом плане колебание помогает человеку сделать правильный, по его мнению, выбор, осмыслить происходящие события и проявить своё отношение к ним, с помощью языковых средств квалифицировать ситуацию и высказать собственное мнение относительно неё.

В русской языковой системе для актуализации колебания как операции мыслительного уровня имеется большое количество языковых средств, обладающих ценностными коммуникативно-прагматическими свойствами. В первую очередь это языковые средства, фиксируемые в ядерной зоне функционально-семантического поля «колебание»: *колебаться, колебание, колеблющийся, колеблясь* и др.: *За всё это время постоянных колебаний... мне было сделано три предложения относительно отъезда⁶; Её лёгкие колебания*

¹ Платонов А. Рассказы: в 3 т. Т. 2: 1926–1927. М.: Augsburg, 2002. С. 28.

² Сухов Е. Делу конец – сроку начало (2007) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Ладинский А. В дни Каракаллы (1959) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Белоусова В. Жил на свете рыцарь бедный (2000) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 07.12.2021).

⁵ Моторов А. Преступление доктора Паровозова (2013) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 14.01.2022).

⁶ Коковцов В. Из моего прошлого. Части 5–7 (1933) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 10.01.2021).

я прошла тоже **колеблясь**¹; ...Тюремное начальство, **после колебаний**, определило всё же решётку оставить²; – Швартовка к топливным спутникам на «Солярисах» запрещена, – ни секунды не **колеблясь**, **ответил** Виталий³.

В околядерную сферу указанного поля включаются языковые средства с семантикой сомнения, неуверенности, предположения, вероятности или возможности, кажимости, эвиденциальности: *едва ли, вряд ли, вроде, словно, чай, авось, небось, разве, неужели, якобы; быть в нерешительности, пребывать в сомнении, находиться в раздумье* и др.: *Такой аргумент крыть было нечем. Народ приумолк в раздумьях*⁴; *Люди Ямбыха рыскали по городу несколько дней в поисках компромата и вроде бы ничего не находили*⁵; *Ну прямо – закоренелый прожигатель жизни, не так ли?*⁶; *Я ещё пребывал в сомнении, как распорядиться полученным от Кати подарком*⁷.

Факт колебания, репрезентированный указанными языковыми средствами в предложении, может относиться не только к говорящему, но и отражать ментальную операцию другого субъекта, не участвующего в прямом процессе коммуникации: – *Так это он колеблется?* – *громовым голо-*

*сом спросил хозяин кабинета*⁸; – *Она не уверена, что Корн – Айсфогель ушёл*⁹.

Модусный смысл «колебание» может актуализироваться в предложении не только ядерными или околядерными, но и периферийными языковыми средствами, в смысловых полях которых изначально семантика колебания не присутствует: *Неужели так и не взглянет на картину?*¹⁰; – *М-да, я бы тоже был не против совершить такую редкую в наши дни покупку*¹¹.

Распознаванию производимой ментальной операции колебания и актуализации в предложении соответствующего модусного смысла в подобных случаях помогают ситуативно-контекстуальные факторы: *Всё равно транспорта на весь отряд не хватало. Новогоднюю ночь мы провели в раздумьях*¹²; *В Москве Борис находился в нерешительности между двумя самыми богатыми невестами – Жюли и княжной Марьей*¹³.

Языковые средства актуализации смысла «колебание» относятся к продуктивным инструментам коммуниканта, помогающим последнему выразить его точку зрения на событие, квалифицировать его как неоднозначно трактуемое в данный момент времени. Эти специализированные языковые средства помогают субъекту прагматизировать сообщаемое, ориентировать его на адресата и прагматически воздействовать на него: – *Не убеждён, – без колебаний ответил Игорь Васильевич*¹⁴;

¹ Грекова И. В вагоне (1983) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 08.01.2022).

² Солженицын А. В круге первом. Т. 1. Гл. 1–25 (1968) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 04.12.2021).

³ Васильев В. Шуруп (2013) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 04.12.2021).

⁴ Шуляк С. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 11.01.2022).

⁵ Елизаров М. Библиотекарь (2007) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 11.11.2021).

⁶ Отрошенко В. Эссе из книги «Тайная история творений» // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 12.01.2022).

⁷ Нагибин Ю. Моя золотая теща (1994) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 03.01.2022).

⁸ Искандер Ф. Летним днём (1969) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 01.12.2021).

⁹ Наумов С. На расстоянии крика (1978) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁰ Артемьева Г. Фата на дереве (2012) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 10.01.2022).

¹¹ Рубина Д. Белая голубка Кордовы (2008–2009) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 13.01.2022).

¹² Садулаев Г. Шалинский рейд (2009) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 13.01.2022).

¹³ Толстой Л. Война и мир. Т. 2 (1867–1869) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 06.01.2022).

¹⁴ Азольский А. Лопушок // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 16.01.2022).

Да и косо смотрело на добровольцев тогдашнее войсковое правительство, в котором **многие колебались** между Калединым и Подтелковым¹. Указанные языковые средства репрезентации колебания – это коммуникативные указатели для адресата о двуплановости потенциального осмысления события субъектом в данный момент.

Специфика колебания как модусного смысла, повышающего степень экспрессивности предложения, – это актуализация авторской позиции субъекта в прямом или косвенном процессе коммуникации. Данная позиция формально фиксирована наличием языкового средства – выразителя указанной авторской позиции и репрезентации ментальной операции выбора: *Когда меня принимали в комсомол, то тоже **долго колебались**, принимать ли?*²; – *Наташа, Наташа! – крикнула вдруг графиня, на которую снова напала **нерешительность***³. Смысловые поля, генерируемые такими языковыми средствами, порой весьма значительны в общем смысловом поле предложения. Они, как правило, прагматически направлены на адресата, доносят до него колебание субъекта в выборе варианта и перспективе осмысления события. В то же время колеблющийся субъект, актуализируя своё колебание относительно чего-то, нередко желает донести до адресата свою позицию как значимую, как позицию субъективную, а не как исключительно нейтральный взгляд на событие, предполагающий лишь утвердительный или отрицательный вектор его развития: – *И Гусаренка он стал бояться и долго **находился в нерешительности**, что ему делать: идти ли домой... или остаться здесь?*⁴; *Женни **находилась в***

глубоком **раздумье**⁵; – *То ли уж меня захватили, то ли начал «мастерить»...⁶*.

Колебание говорящего всегда мотивировано. Немотивированного колебания не существует, т. к. всегда есть причины, являющиеся толчком для развития рассматриваемой мыслительной операции говорящего и влияющие на невозможность принятия однозначного решения говорящим.

Достаточно редкое условие для генерации говорящим в семантической структуре предложения кваликативно-модусного смысла «колебание» – уход от ответственности за высказанное мнение о том или ином развитии ситуации: – ***Возможно, так и было – но сведений об этом никаких: засекретили, дескать?***⁷; – *Может, мне переехать в Москву? – проговорила Анна. – Ну, не знаю... Как хотим*⁸.

Языковое средство репрезентации модусного смысла «колебание» вводится говорящим в предложение, как правило, в том случае, когда ему нужно как-то акцентировать данную мыслительную операцию и донести результат осмысления перспективы развития события до адресата, рематизируя ту смысловую часть предложения, в которой фиксирован языковой элемент с контекстуальной или ситуативной семантикой колебания: *Миша метался в **раздумьях**, забирать ли ему вещи или остаться?*⁹; *В лице его была **нерешительность и искание совета**...¹⁰*.

В некоторых случаях семантика колебания может быть нечётко локализованной. При этом рассматриваемый квалифика-

¹ Краснов П. От Двуглавого Орла к красному знамени. Книга 2 (1922) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru/new> (дата обращения: 18.10.2021).

² Данильцев Л. Любовь идиота // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru/new> (дата обращения: 15.12.2021).

³ Гейнце Н. Самозванец // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/g/gejnca_n_e/text_0160.shtml (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Андреев Л. У окна (1899) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru/new> (дата обращения: 25.12.2021).

⁵ Лесков Н. Некуда // Leskov.org.ru: [сайт]. URL: <http://www.leskov.org.ru/library/nekuda/1-22.htm> (дата обращения: 10.01.2022).

⁶ Давыдов В. Театр моей мечты (2004) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru/new> (дата обращения: 11.01.2022).

⁷ Виравов И. Андрей Вознесенский (2015) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru/new> (дата обращения: 09.01.2022).

⁸ Токарева В. Своя правда // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru/new> (дата обращения: 08.01.2022).

⁹ Симонова Д. Лёгкие крылышки (2002) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorp.ru/new> (дата обращения: 11.01.2022).

¹⁰ Толстой Л. Анна Каренина // Tolsoy-lit.ru: [сайт]. URL: <http://tolsoy-lit.ru/tolstoy/proza/anna-karenina/karenina-5-25.htm> (дата обращения: 10.01.2022).

тивно-модусный смысл накладывается на общепропозитивную семантику предложения: *Может, даже ожидал благодарности или награды из числа тех медалей, что целый мешок нёс командир. Разве не заслужил?!*; *Ведь едва ли здесь можно рассчитывать на успешную конкуренцию...*².

Мотивированное колебание актуализируется говорящим в предложении, когда базируется не на его глубоко субъективном мнении, а на объективных условиях мотивации: *Понимая это и смотря с глубоким, даже до наивности, уважением на обязанность издателя и редактора журнала, он долгое время колебался начинать журнал*³; *Я колебался недолго: в Цюрихе меня ничто не удерживало*⁴; – *Неужели так и не вспомню, какой позор!*⁵. При этом мотивированное колебание, как правило, является платформой, базой для перспективного принятия решения субъектом (субъектами): *Всадники колебались недолго. Они уже поняли, что перед ними всего лишь бродяги в лохмотьях, без доспехов и к тому же пещи*⁶; *Несколько мгновений колебался торговец, пока страх не взял верх над жадностью*⁷. Мотивированное колебание в этом случае выступает как предопределённая модусно-кваликативная операция.

В других случаях мотивированность колебания может основываться на объективно недостаточном знании субъектом

условий, способствующих или препятствующих однозначному развитию события в перспективе: *А Марья Кондратьевна всё колебалась, всё не начинала...*⁸.

Колебание субъекта может быть и слабо мотивированным. В этом случае рассматриваемый кваликативно-модусный смысл актуализируется говорящим в большинстве своём непреднамеренно, случайно. Обычно слабо мотивированное колебание спонтанно, отражает сиюминутную квалификацию события в коммуникативном процессе. В слабо мотивированном колебании рефлексировано нежелание или невозможность коммуниканта уточнить какие-либо грани квалифицируемого события: – *Неужели так и не покажется?* – *вздыхнул кто-то*⁹; – *И я вроде должен знать владельца, да?*¹⁰.

Для слабо мотивированного колебания типично отсутствие явной обоснованности мнения субъекта, а также контекстуального или ситуативного маркирования с одновременной актуализацией неуверенности субъекта в однозначном осмыслении перспективы развития ситуации. При реализации в предложении такого авторского смысла, как правило, специально не осмысляются мотивы его возникновения. Колеблясь, субъект лишь высказывает своё собственное спонтанное мнение, которое не предполагает знания условий, влияющих на оценку события, и не предполагает ответственности за данную оценку.

Заметим, что колебание, которое имеет слабую объективную мотивацию, на периферическом уровне семантических полей может пересекаться, а в ряде случаев и смыкаться с модусными смыслами предположения и неуверенности. Однако в большинстве случаев колебание ситуа-

¹ Быков В. Болото (2001) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 03.01.2022).

² Кипнис А. Без огнедышащих печей // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 15.01.2022).

³ Достоевский Ф. Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском // Эпоха. 1864. № 6. С. I–VI.

⁴ Чернов В. Перед бурей. Воспоминания (1953) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 13.01.2022).

⁵ Колина Е. Дневник измены (2011) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 10.01.2022).

⁶ Функе К. Чернильная смерть // RoyalLib.ru [сайт]. URL: https://royallib.com/read/funke_korneliya/chernilnaya_smert.html#0 (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ Федотова Ю. Тьма. Испытание Злом // Litmir: [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=145682&p=2> (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ Иогель М. Между вѣчностью и минутой // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 09.01.2022).

⁹ Беллендир С. Уфа – Луганск. Дорога дружбы // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 17.01.2022).

¹⁰ Леонов Н., Макеев А. Гроссмейстер сыска (2003) // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 13.12.2021).

тивно, т. к. это мыслительная операция, предваряющая принятие решения после обдумывания чего-либо, и предположение и неуверенность дифференцируются. В предложении, где актуализировано именно колебание субъекта, всегда отражена некая событийная ситуация, ведь колебание всегда предметно. На данную событийную ситуацию и накладывается авторское колебание как квалификативный модусный смысл, репрезентирующий взгляд говорящего на событие.

Заключение

Резюмируем сказанное. Модусный квалификативный смысл «колебание» – это важная составляющая семантической структуры предложения. Колебание как мыслительная операция характерно для субъекта. Данный смысл может быть актуализирован в предложении ядерными или периферийными языковыми средствами. Последние в русской языковой системе упорядочены. В большинстве случаев указанные средства, помимо рассмотренного смысла «колебание», генерируют в высказывании сопутствующие модусные смыслы, в первую очередь смыслы «предположение» и «неуверенность». Кроме названных,

в предложении, функционирующем в устном и письменном тексте, одновременно с актуализированным смыслом «колебание» могут активно проявлять себя и другие смыслы, имеющие модусную природу, такие как «сомнение», «эвиденциальность», «возможность / вероятность», «кажимость» и им подобные. Рассмотренный же нами модусно-квалификативный смысл «колебание» актуализируется в предложении как некий результат мыслительной операции, обусловленный мотивационными факторами, положенными в основу генерации собственного мнения говорящим и донесении данного мнения до адресата. Данный смысл представляет собой динамичное образование, как правило, взаимодействует в коммуникативном процессе с другими авторскими квалификативными смыслами.

Взятые для рассмотрения вопросы, по нашему мнению, могут быть весьма перспективными для дальнейшего векторного изучения, в частности при исследовании родственных колебанию квалификативно-модусных смыслов, а также языковых и внеязыковых средств их репрезентации в предложении и тексте.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с.
4. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972 / под ред. С. К. Шаумяна. М.: Наука, 1973. С. 350–372.
5. Золотова Г. А., Онилечко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 528 с.
6. Лекант П. А. О коннотативных смыслах высказывания // Грамматическое значение предложения и семантика высказывания: межвузовский сборник научных трудов. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1987. С. 3–9.
7. Нагорный И. А. Русские частицы как инструмент отражения коммуникационных процессов в речевой сфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 25–34.
8. Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973. 487 с.
9. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с.
10. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 363 с.
11. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.

12. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 35 с.
13. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // 14th International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL: Preprints of the Plenary Session Papers. 1987. Vol. 1. P. 272–291.
14. Durovic L. Modalnosť. Leksikalno-syntakticke vyjadrovanie modalnych a hodnotiacych vzťahov v slovincine a rustine. Bratislava: Slovenskej akademie vied, 1956. 220 s.
15. Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale: New Jersey: London: Psychology Press, 1989. 456 p.
16. Lakoff G. Pragmatics in Natural Logic // Formal Semantics of Natural Language / ed. E. L. Keenan. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 253–286.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 895 p.
2. Bondarko A. V. *Funktsional'naya grammatika* [Functional Grammar]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 136 p.
3. Vinokur T. G. *Govoryashchii i slushayushchii: Varianty rechevogo povedeniya* [Speaking and Listening: Variants of Speech Behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 171 p.
4. Gak V. G. [Statement and Situation]. In: Shaumyan S. K., ed. *Problemy strukturnoi lingvistiki. 1972* [Problems of Structural Linguistics. 1972]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 350–372.
5. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 528 p.
6. Lekant P. A. [On the Connotative Meanings of the Utterance]. In: *Grammaticheskoe znachenie predlozheniya i semantika vyskazyvaniya* [Grammatical Meaning of the Sentence and the Semantics of the Utterance]. Moscow, Moscow Region Pedagogical University named after N. Krupskaya Publ., 1987, pp. 3–9.
7. Nagorny I. A. [Russian Particles as a Tool for Reflection of Communication Processes in the Speech Sphere]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 4, pp. 25–34.
8. Zemskaya E. A., ed. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Colloquial Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 487 p.
9. Serebrennikov B. A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and Picture of the World]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 212 p.
10. Bondarko A. V., ed. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Temporal'nost'. Modalnost'* [The Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 363 p.
11. Bulygina T. V., ed. *Chelovecheskii faktor v yazyke: kommunikatsiya, modal'nost', deiksis* [Human Factor in Language: Communication, Modality, Deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 280 p.
12. Shmeleva T. V. *Subektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Subjective Aspects of the Russian Utterance: Abstract of Dr. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1995. 35 p.
13. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. In: *14th International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL: Preprints of the Plenary Session Papers*, 1987, vol. 1, pp. 272–291.
14. Durovic L. Modalnosť. Leksikalno-syntakticke vyjadrovanie modalnych a hodnotiacych vzťahov v slovincine a rustine. Bratislava, Slovenskej akademie vied Publ., 1956. 220 s.
15. Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. Hillsdale, New Jersey, London, Psychology Press, 1989. 456 p.
16. Lakoff G. Pragmatics in Natural Logic. In: Keenan E. L. *Formal Semantics of Natural Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1975, pp. 253–286.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков Цзилинского университета (КНР);
e-mail: ignago7@outlook.com

Долженкова Алёна Игоревна – кандидат филологических наук, учитель средней общеобразовательной школы № 21 г. Белгорода;
e-mail: alenoc_888@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Institute of Foreign Languages, Jilin University (China);
e-mail: ignago7@outlook.com

Alena I. Dolzhenkova – Cand. Sci. (Philology), Teacher, Secondary school no. 21, Belgorod;
e-mail: alenoc_888@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А., Долженкова А. И. Модально-экспрессивный ресурс предложения: смысл «колебание» и языковые средства его актуализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 39–47.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-39-47

FOR CITATION

Nagorny I. A., Dolzhenkova A. I. Modal-Expressive Resource of the Sentence: the Meaning of “Oscillation” and the Language Means of Its Actualization. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 39–47.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-39-47

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-48-54

РЕЧЕВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА *УПРЯМСТВО* В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ: АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ

Сюй Лили*Нанькайский университет**300071, г. Тяньцзинь, ул. Вэйцзинь, д. 94, Китайская Народная Республика***Аннотация**

Цель. Выявить особенности экспликации смыслового содержания концепта *упрямство* в текстах русскоязычных СМИ.

Процедура и методы. На основе анализа семантических характеристик глагольно-именных синтагм со словом *упрямство* установлен целый ряд когнитивных признаков концепта *упрямство*. В ходе исследования применены методы описания, классификации и обобщения, семантико-когнитивного анализа и контекстуального анализа.

Результаты. Проведённое исследование позволяет раскрыть разные аспекты содержания концепта *упрямство* – не только существенные характеристики упрямства, его развитие в человеке, источник этого качества, но и отношение упрямства с другими близкими характеристиками, виды и степень его проявления, а также оценочное отношение людей к упрямству.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, в теоретических курсах по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лексикологии и семантике.

Ключевые слова: газетный текст, глагол, концепт, синтагматический анализ, языковая картина мира

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Государственного совета по стипендиям Китайской Народной Республики.

SPEECH EXPLICATION OF THE CONCEPT OF *STUBBORNESS* IN NEWSPAPER TEXTS: ANALYSIS OF VERBAL-OBJECT CONSTRUCTIONS

Xu Lili*Nankai University**Weijin Road 94, Tianjin 30071, People's Republic of China***Abstract**

Aim. The aim of the paper is to reveal the peculiarities of the explication of the semantic content of the concept of '*stubbornness*' in the texts of the Russian media.

Methodology. Based on the analysis of the semantic characteristics of verbal-nominal combinations with the word *stubbornness*, a series of cognitive features of the concept of '*stubbornness*' are identified. The research relies on the methods of description, classification and generalization, as well as semantic-cognitive analysis and contextual analysis.

Results. The study makes it possible to reveal different aspects of the content of the concept of '*stubbornness*': not only the essential characteristics of stubbornness, its possession and development in a person, and the source of acquisition, but also the relationship of stubbornness with other similar qualities, and types and degrees of its manifestation, as well as the evaluative attitude of people to stubbornness.

Research implications. The materials and results of the research can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language, as well as in theoretical courses in cognitive linguistics, cultural linguistics, lexicology and semantics.

Keywords: newspaper text, verb, concept, syntagmatic analysis, language picture of the world

Введение

Одной из актуальных проблем в современной лингвистике является языковое моделирование концептуальной картины мира. В качестве междисциплинарного понятия концепт часто рассматривается как триединство языка, познания и культуры, отражающее комплексные и энциклопедические знания и представления о действительности внутреннего и внешнего мира. Как отмечает Г. Г. Слышкин, концепт «принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [12, с. 9].

Цель настоящего исследования заключается в раскрытии смыслового содержания концепта *упрямство* в текстах русскоязычных СМИ. Концепт *упрямство* как универсальное психическое явление является важной составляющей частью концептосферы разных народов. Значимость данного концепта в отражении внутреннего духовного мира человека является несомненной. Новизна исследования состоит в том, что впервые рассматривается речевая репрезентация концепта *упрямство* в русской языковой картине мира и выполняется анализ особенностей глагольно-именных сочетаний с лексемой *упрямство*.

Исследование осуществляется в рамках семантико-когнитивного подхода к концепту, согласно которому в основе описания содержания концепта лежит изучение семантики языковых единиц, репрезентирующих концепт [2, с. 4]. Практическим материалом исследования послужили газетные тексты, собранные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)¹.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 22.04.2020).

Когнитивный аспект изучения глагольно-именных синтагм

В настоящее время при исследовании языковой репрезентации концептов наряду с методом парадигматического анализа широко применяется синтагматический анализ, который ориентирован на рассмотрение сочетаемости лексем-репрезентантов концептов с другими лексическими единицами в речевых контекстах [3; 5; 9; 10]. Общепринятым в современной когнитивной лингвистике является тот факт, что сочетаемость лексемы обусловлена не только лингвистическими правилами, но и внеязыковыми факторами, в том числе познавательным [11, с. 13]. В речевой деятельности при помощи различных соединений слов объективируются и отражаются различные явления и ситуации действительного мира². Другими словами, когнитивное содержание концептов может быть репрезентировано посредством разных синтагматических единиц, среди которых одними из важнейших являются глагольно-именные синтагмы.

Глагольно-именные конструкции как отражение «отношений между действием и предметом, на который направлено это действие» [4, с. 62], занимают важное место в системе каждого языка. В рамках современной когнитивной лингвистики этот вопрос широко исследуется при изучении когнитивных механизмов, моделей семантической деривации глаголов [7] и выявлении полипропозитивности и полиситуативности семантики глаголов [6], а также при рассмотрении функции глагольных единиц в отражении концептуальной картины мира [1; 8]. Можно утверждать, что сочетание глаголов с именами существительными не является случайным. В

² Николова А. Д. Синтаксис современного русского языка: курс лекций. Шумен: Епископ Константин Преславски, 2002. С. 21.

семантике глаголов интерпретируется информация о процессуально-событийном мире, который предопределяет сочетаемость глаголов с теми или иными существительными.

Таким образом, по нашему мнению, изучение глагольно-именных сочетаний не только способствует раскрытию функционально-семантических особенностей глаголов, но и позволяет получить разнообразные знания и представления людей об определённом фрагменте мира, репрезентируемого существительным, т. е. способствует выявлению когнитивных признаков соответствующего концепта.

Репрезентация когнитивных признаков концепта *упрямство* в глагольно-именных конструкциях

В результате сплошной выборки из материалов газетного корпуса НКРЯ нами был найден и проанализирован 131 контекст, где ключевая лексема-репрезентант *упрямство* образует глагольно-именные синтагматические конструкции с глаголами, выражающими различные значения.

На основе анализа текстового материала можно сделать вывод, что *упрямство* в первую очередь является чертой характера или качеством человека. Во-первых, когнитивные признаки «присущее кому-либо качество» и «отличительная, выделяющая черта характера» репрезентируются в контекстах с глаголами «*обладать*», «*отличаться*», «*славиться*»: *Герои подземного труда должны обладать смелостью, здоровым упрямством и чувством безопасности¹; Вероятно, кто-то из моих предков действительно отличался бычьим упрямством, что мне вполне передалось, но сама я к быкам никакого отношения не имею².*

¹ Арсеньев С. В руднике все профессии важны // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

² Быков Д. Геннадий и Вася // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

Во-вторых, в газетных текстах передаётся информация об источнике возникновения *упрямства*, который может проявляться в двух аспектах: с одной стороны, *упрямство* является врождённым или наследственным качеством, что выражается при помощи сочетания лексемы *упрямство* с глаголом *унаследовать*: *Сын унаследовал многие его черты, в частности, самостоятельность мышления и упрямство в отстаивании своей точки зрения³*; с другой стороны, сочетаемость лексемы *упрямство* со словом *прививать* свидетельствует, что *упрямство* также может быть приобретённым, привитым свойством: *Его бабушка, Сара Израилевна, сдержанно рассуждает: Конечно, он мальчик неплохой, это я как бабушка говорю, но шахматы прививают упрямство⁴.*

В-третьих, количественная характеристика концепта «*упрямство*» получает отражение в контексте с фразеологизмом *не занимать*: *Хотя драчуном он не был, а вот упрямства ему было не занимать⁵.*

Интересно, что в газетных текстах было найдено метафорическое выражение *слышать упрямство*: *В звучании его имени я слышу внутреннюю настырность, упрямство, желание везде идти своим путём⁶.* Этот пример демонстрирует, что *упрямство* тесно связано с внутренним желанием и потребностью человека, с его чувствами и эмоциями. В связи с этим *упрямство* может управлять человеком: *В середине года Козерогов ожидают большие перемены*

³ Варшавчик С. Смоктуновский: от сержанта до Гамлета // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁴ Федосов А. Король не любит назиданий // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁵ Скрибиков А. Как собираются делить наследство Андрея Краско // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁶ Коробатов Я. Хиддинк не сможет вывести Россию на уровень Кореи и Австралии // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

к лучшему, если они не пойдут на поводу у своего **упрямства** и не повторят ошибок прошлого¹. В то же время упрямство может контролироваться и изменяться с течением времени: *Если вы попытаетесь обуздать своё **упрямство**, то в семье будет царить мир и покой²; Подтачивает она и женское **упрямство**: мужу её капризы явно ни к чему³*. В газетном корпусе НКРЯ также был найден ряд контекстов, выражающих смысл, что упрямство – это временно проявляющееся качество: *Но иногда проявляют упрямство и неспособность расслабиться⁴; Но порой она проявляла упрямство⁵*.

Кроме того, в газетных текстах эксплицируются отношения упрямства с другими сходными чертами характера. Некоторые контексты показывают, что упрямство близко к целеустремлённости, убеждённости, твёрдости: *Возможно, **упрямство** мужа, которое по-другому можно назвать целеустремлённостью, передалось и самой Клаудии⁶; Убеждённость его граничит с упрямством⁷*. Другие примеры выражают идею, что упрямство развивается из упорства, настойчивости, непреклонности: *Общее развитие хорошее, политраз-*

витие недостаточное, характер спокойный, твёрдый, настойчивый, но зачастую настойчивость переходит в упрямство и грубость⁸; Как отмечают местные наблюдатели, непреклонность, временами переходящая в упрямство, является одной из основных черт характера Ольмерта, и он не оставит свой пост, пока этого прямо не потребует закон⁹.

Необходимо отметить, что, по данным НКРЯ, во многих речевых случаях лексема **упрямство** управляется глаголами *проявлять, демонстрировать*. Анализ их актуализации в контекстах позволяет нам выделить разные типы проявления упрямства:

(1) настойчивое отстаивание своей позиции, мнения, права: *По идее, её ещё вчера надо было отправить в госпиталь на вертолёт, но доктор почему-то проявляет дикое упрямство, утверждая, что всё в порядке¹⁰*;

(2) сопротивление другому / противодействие двух сторон: *Она очень сопротивлялась, демонстрируя своё упрямство, и она раскритиковала нас в довольно-таки грубой форме, хотя сама не очень-то хорошо понимала, о чём говорит¹¹*. Этот признак также выражается в примере с глаголом *преодолеть*: *Впрочем, на салоне наши «оборонщики» нашли способ преодолеть упрямство европейцев¹²*;

¹ Глоба П. Есть шанс повысить свои доходы // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

² Бастрич А. Не бросайте деву! // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

³ Шульга Н. Коли миленький – пловец, тянем парня под венец! // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁴ Кузина С. Скажи мне свою группу крови, и я скажу кто ты // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁵ Беднов С. Художник // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁶ Осипов О. Строптивец Адриано // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁷ Ежедневник «КП-Воронеж»: четверг, 31 октября // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁸ Сергеев Д. Зависть // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁹ Ольмерт оставил без внимания требования израильтян о его отставке // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

¹⁰ Грудницкая А. Корреспондент «Комсомолки» девять месяцев плывала на круизном судне: «На лайнер я больше не вернусь. Тем более – пассажиром» // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

¹¹ Галкина Г. Мерил Стрип: «Всю жизнь я мечтала быть похожей на свою маму» // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

¹² Литовкин Д. Русские амфибии спасут Европу от пожара // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

(3) твёрдое убеждение в необходимости что-либо делать: *Вот и проявил Борис упрямство, поехал в район в Природоохранный комитет; Но если мои дети проявят упрямство и решат идти по моим стопам, препятствовать им не буду*¹;

(4) нежелание действовать, отказ делать что-либо: *И стал мстить неудобным: за участие в выборах, за поддержку кандидатов, за то, что некоторые проявляют упрямство и не платят дань*²;

(5) настойчивое стремление к достижению поставленной цели: *Тот проявил исключительное упрямство, а вскоре проиёл успешные смотрины в романцевском «Спартаке»*³.

При обозначении особенностей поведения упрямство может быть непонятным: *Вот это упрямство я не понимаю*⁴. В другом примере показывается, что упрямство – это поведение, вызванное какой-либо причиной: *Видимо, в «упрямстве» зрителей сказались устойчивая их неприязнь к бывшему «главному приватизатору» А. Чубайсу, ныне возглавляющему РАО «ЕЭС России»*⁵.

Помимо вышесказанного, в газетных текстах широко репрезентируются утили-

тарные и оценочные когнитивные признаки концепта *упрямство*.

С одной стороны, в газетных текстах преобладают контексты, выражающие отрицательно-оценочную характеристику концепта *упрямство*. Согласно контекстам, упрямство в первую очередь является сложной чертой характера: *К сложным чертам характера следует отнести внутреннее упрямство, властолюбие и скрытность*⁶. Оно может повлечь за собой негативные последствия и результаты, создаёт человеку конфликты и проблемы: *К тому же конфликт Меркурия с Сатурном чреват упрямством, несговорчивостью, небрежностью в решаемых вопросах*⁷. В связи с этим упрямство часто вызывает у людей отрицательные оценки, негативные чувства и эмоции, что отражается в контекстах с глагольными единицами *укорять, раздражать, не одобрять* и т. д.: *Недоброжелатели укоряли его в старомодности, в упрямстве, наконец, в непоплярности*⁸. Кроме того, сочетание лексемы *упрямство* с глаголами *прощать, исключить* показывает, что упрямство воспринимается как ненужное качество, от которого следует избавиться: *Поэтому из своего поведения в эти дни рекомендуется исключить импульсивность, тщеславие, агрессивность, упрямство, ревнивость*⁹; *Казалось бы, из чувства естественной благодарности (не говорю – из христианского терпения) продолжайте долгие переговоры, даже если они тянутся с 1992 года, прощайте излишнее упрямство рестав-*

¹ Шерихов П. Валерий Тихоненко: «Отращивал борюду в знак протеста» // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

² Комов Р. Гусевские бизнесмены: «Мы уедем из города, если власти не наведут порядок» // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

³ Бодров А. Близнецы-хитрецы. Братья Антиповы решились на смелый поступок – оставили ЦСКА ради «Спартака» // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁴ Чинкова Е. Депутат Госдумы Елена Мизулина: Цинично заставляя людей жить вместе из-за налога на развод // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁵ Варганов А. Народ уже не безмолвствует // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁶ «Истинный русак». В связях, порочащих его, не замечен // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁷ Столярова Н. От имени жителей посёлка Курорт «Озеро Учум» // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁸ Шелепин В. Карел Готт: меня хоронили уже сто раз // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

⁹ Бастрич А. Марс переходит в наступление // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorp.org.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

раторов, помогайте в поисках недорогой адекватной замены помещения, не обрушивайте на головы художников адвокатскую мощь и охранный пыл¹.

С другой стороны, в некоторых отдельных контекстах выражаются положительные признаки концепта *упрямство*. Так, сочетаемость лексемы *упрямство* с глаголами *любить*, *аплодировать* позволяет отражать положительное отношение людей к упрямству: *Люблю я эти её хохляцкие глазёнки и такие же, как у меня, упрямство, настырность²; Мы аплодируем его горькому упрямству, его безнадёжной честности, его последнему мужеству³.*

Заключение

Проведённое исследование позволяет нам сделать вывод, что глагольно-именные конструкции играют важную роль в про-

цессах когнитивной и коммуникативной деятельности. Их изучение способствует восстановлению и раскрытию специфики познания и восприятия человеком окружающего мира. Анализ семантических особенностей и актуализации глагольно-именных конструкций с лексемой *упрямство* в газетных текстах дают возможность эксплицировать разнообразие смысловые аспекты концепта *упрямство*: были установлены существенные характеристики упрямства, его развитие в человеке, источник его возникновения, а также выявлены отношения упрямства с другими схожими чертами характера, разные виды и степень его проявления; кроме того, были раскрыты оценочные характеристики концепта «упрямство» – как отрицательные, так и положительные.

Статья поступила в редакцию 14.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: материалы IX Кузнецовских чтений, Екатеринбург, 5–7 февраля 1998 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. С. 3–11.
2. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семиология. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.
3. Зубарева Е. О., Шустова С. В. Синтагматический анализ концепта «миграция» (на материале корпусных данных) // Миграционная лингвистика. 2019. № 1. С. 23–42.
4. Казачук И. Г. Объект, объектный, объектность: проблема интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 13 (151). С. 62–65.
5. Константинова С. К. Субстантивная репрезентация концепта «свет» в лирике А. А. Фета: синтагматика ядерных лексем // Курское слово. 2020. № 20. С. 3–13.
6. Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. М.: Либроком, 2010. 192 с.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.
8. Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 140 с.
9. Померанцева Т. П. Синтагматические особенности языковой экспликации концептов «человек» и «люди» // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных статей / отв. ред. Л. В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 630–639.
10. Попова Т. П. Семантическая сочетаемость и лингвокультурные корреляции концепта «терпимость» в русской языковой картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. 2017. № 2 (15). С. 47–60.
11. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
12. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

¹ Архангельский А. Входит некто православный // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

² Антонов М. Татьяна Овсиенко: научу вас борщ варить! // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

³ Кучкина О. Взгляд из машины времени // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 22.04.2020).

REFERENCES

1. Babenko L. G. [Denotative Space of the Russian Verb: Aspects and Prospects of Study]. In: *Denotativnoe prostranstvo russkogo glagola: materialy IX Kuznetsovskikh chtenii, Ekaterinburg, 5–7 fevralya 1998 g.* [Denotative Space of the Russian Verb: Materials of the 9th Kuznetsov readings, Yekaterinburg, February 5–7, 1998]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 1998, pp. 3–11.
2. Babushkin A. P., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh, Ritm Publ., 2018. 229 p.
3. Zubareva E. O., Shustova S. V. [Syntagmatic Analysis of the Concept of “Migration” (Based on Corpus Data)]. In: *Migratsionnaya lingvistika* [Migration Linguistics], 2019, no. 1, pp. 23–42.
4. Kazachuk I. G. [Object, Objective, Objectivity: The Problem of Interpretation]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2009, no. 13 (151), pp. 62–65.
5. Konstantinova S. K. [Substantive Representation of the Concept of “Light” in the Lyrics of A. A. Fet: Syntagmatics of Nuclear Lexemes]. In: *Kurskoe slovo* [Kursk Word], 2020, no. 20, pp. 3–13.
6. Lebedeva N. B. *Polisituativnyi analiz glagol'noi semantiki* [Polysituational Analysis of Verbal Semantics]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 192 p.
7. Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 609 p.
8. Plotnikova A. M. *Kognitivnye aspekty izucheniya semantiki (na materiale russkikh glagolov)* [Cognitive Aspects of the Study of Semantics (Based on Russian Verbs)]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2005. 140 p.
9. Pomerantseva T. P. [Syntagmatic Features of the Language Explication of the Concepts of “Man” and “People”]. In: Ratsiburskaya L. V., ed. *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe* [Active Processes in the Modern Russian Language: National and International]. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 630–639.
10. Popova T. P. [Semantic Compatibility and Linguocultural Correlations of the Concept of “Tolerance” in the Russian Language Picture of the World]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State University], 2017, no. 2 (15), pp. 47–60.
11. Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2008. 416 p.
12. Slyshkin G. G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretседentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguistic and Cultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сюй Лили – кандидат филологических наук, преподаватель факультета русского языка Нанькайского университета;
e-mail: lili1324559882@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Xu Lili – Cand. Sci. (Philology), Lecturer, Russian Language Department of Nankai University;
e-mail: lili1324559882@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сюй Лили. Речевая экспликация концепта *упрямство* в газетных текстах: анализ глагольно-именных сочетаний // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 48–54.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-48-54

FOR CITATION

Xu Lili. Speech Explication of the Concept of *Stubbornness* in Newspaper Texts: Analysis of Verbal-Object Constructions. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 48–54.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-48-54

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 81-313.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-55-67

СУГГЕСТИВНАЯ СПЕЦИФИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ЕЛИЗАРОВА

Валькова Ю. Е.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т., д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать художественные особенности произведений современного русского писателя М. Ю. Елизарова.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов для выявления случаев суггестии. При проведении исследования применены методы текстологического анализа: выявлены архетипы образной системы, категоризованы случаи суггестии на содержательном, композиционном и фонологическом уровнях.

Результаты. Проведённый анализ показал, что произведения М. Ю. Елизарова в своей образной системе имеют много случаев суггестии, интертекстуальности, характерной для пост-модернизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования по случаям суггестии вносят вклад в теорию литературоведения и художественного текста.

Ключевые слова: М. Ю. Елизаров, литература, стилистика, суггестивность, художественная картина мира

SUGGESTIVE SPECIFICITY IN M. ELIZAROV'S WORKS

Yu. Valkova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky prosp. 49, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the paper is to study the artistic peculiarities of the M. Yu. Elizarov's works.

Methodology. A corpus of texts is analyzed in order to reveal cases of suggestiveness. The research relies on the methods of textual analysis: archetypes of the image system are identified and cases of suggestiveness are categorized at the content, composition and phonological levels.

Results. The analysis shows that Elizarov's works have many instances of suggestiveness and intertextuality, which is characteristic of post-modernism.

Research implications. The results will contribute to the theory of literary criticism and fiction.

Keywords: M. Yu. Elizarov, literature, stylistics, suggestiveness, artistic picture of the world

Введение

М. Ю. Елизаров – русский писатель, автор трёх романов и нескольких сборников повестей, лауреат различных премий. Широкую известность он получил после публикации в 2007 г. романа «Библиотекарь», посвящённого описанию фетишизации Книги¹.

До сих пор творчество М. Ю. Елизарова как представителя «нового реализма» не получило должного освещения в научных публикациях, но те немногие, которые посвящены произведениям писателя, характеризуют его как постмодерниста, «грязного» реалиста, наследника концептуалистов [25]. Различные исследователи отмечают в произведениях писателя переключки с творчеством таких писателей, как Э. Берджесс, Э. В. Лимонов, Ю. В. Мамлеев, З. Прилепин, А. А. Проханов, Р. В. Сенчин, С. А. Шаргунов, В. А. Шаров. М. Ю. Елизарова называют эпигоном В. Г. Сорокина [3; 25].

Различаясь по жанровой тематике и по выбору тем, произведения писателя едины в установке на создание альтернативной картины мира. Морок, наводимый писателем на действующих персонажей и на читателей, носит суггестивный характер, поскольку картина мира у героя повествования к концу произведений радикально меняется. Так, например, герой романа «Библиотекарь» теряет способность мыслить критически, начинает думать как член изб-читален и полностью погружается в перечитывание-переписывание книг, покидая реальный мир. По утверждениям критиков, М. Ю. Елизаров пишет фантазмагорическую и сюрреалистическую картину действительности², насмехаясь над социалистическими мифами и одновременно поддерживая традиционные ценности.

¹ По сюжету написанные в духе советского реализма произведения забытого писателя Громова становятся триггером чувств (радости, счастья и т. д.), не имеющим связи с собственно их содержанием). Роман становится сказкой о соцреализме и социализме [18].

² Данилкин Л. Сюрреалистический роман о перерождении трудного подростка [Электронный ресурс] // Афиша: [сайт]. URL: <https://www.afisha.ru/book/1638/reviews/all> (дата обращения: 20.09.2017).

Особой чертой произведений М. Ю. Елизарова является суггестивное влияние на героев повествования и на читателей. Рассмотрим, как она проявляется в его произведениях.

Образная система в произведениях М. Ю. Елизарова: результаты

Суггестия (внушение) неотделимо от убеждения. По мнению исследователя С. В. Болтаевой, успех внушения зависит от ритмичности воздействия того или иного рода [4, с. 9], и таким образом осуществляется манипуляция читателем. Ритмизация текста происходит в основном благодаря лексическим средствам, повторам, анафорам, а также с помощью таких фонологических средств, как аллитерация.

Суггестия в мире художественной литературы выражается на содержательном, композиционном и фонологическом уровнях. Далее представлена её реализация по этим уровням в произведениях М. Ю. Елизарова.

I. Содержательный уровень

1. *Использование определённых тем*, которые заведомо могут нарушить цельность личности персонажа, создать у него гнетущее ощущение собственной беспомощности. Среди таких тем находятся криминализация общества, пассивность идеологических структуры и интеллигенции, ведущие к бездушию и коммерциализации [7, с. 65], распад привычного уклада жизни (неопределённость перестроечного времени в романе «Мультики»). Т. В. Казарина считает, что М. Ю. Елизаров выбирает своих героев из «пацанов», которым присущи черты этой группы – они собираются в стайки, демонстративно пользуются матерным языком, находятся за пределами нормального общества [8, с. 84]. Критик Л. Данилкин думает, что лирический герой М. Ю. Елизарова подобен трикстеру, «эгоистичен, сексуально озабочен и охоч до всякого шутейного материала»³, а та-

³ Данилкин Л. Ногти // Афиша: [сайт]. URL: <https://www.afisha.ru/book/81/review/145299> (дата обращения: 20.09.2017).

кими персонажами можно манипулировать, играя на их инстинктах. Герои – это зачастую «лишние люди», опустившиеся или утратившие связь с реальным миром. Например, герой рассказа «Красная плёнка» сам в двенадцатилетнем возрасте выгоняет себя на улицу, юные Разум и Гребенюк из «Мультиков» тоже убегают из дома. М. Ю. Елизаров обращается к хтоническому миру – миру мертвецов (например, подробное описание дома-усыпальницы для мёртвых, как для живых в романе «Pasternak»), но и бытовые темы носят у него откровенно инфернальный характер. Кроме того, размышляя о фашизме, писатель уподобляет деревянного Пиноккио диктатору Муссолини¹. Впрочем, последняя взаимосвязь не больше, чем интеллектуальная игра, построенная на предвзятости подтверждения.

2. *Вкрапления реализма* в намеренно создаваемую нереальную картину мира. Жанровая и эпистемологическая неопределённость приводят к тому, что фарс соседствует с прозой [3, с. 102]. Деструктивная семантика и загробная схоластика, как в романе «Земля», не мешает герою жить вполне реальной жизнью.

3. *Создание цельного образа*, который навсегда меняет мировосприятие персонажей, едва ли не пожирая их. «Достаточно было раз посмотреть на комод, и он навеки помещался в мысль»². Появляются навязчивые мысли о Мысленном Волке и других образах (Падаль, Тля), которые поселяются в голове героя. Герой рассказа «Кубики», придумав этих персонажей, постепенно заполняет ими всю свою мысленную жизнь. Теперь он тратит всё своё время на ритуалы-противоядия, полностью погружаясь в безумие. Таким образом до предела тема суеверий («неписаных аксиом самосохранения»), когда человек вместо того, чтобы жить, огораживает свою дея-

тельность символическими актами, пользуясь только «проверенными словами». В целом Фёдоров, герой рассказа, стремится преодолеть Первосмерть, а также обезумевших Отца и Деда (пародийное развитие темы Бога-Отца). На цельном образе строится и рассказ «Украденные глаза», где герой теряет глаза, но не зрение³.

4. *Яркие образы («якоря»)*, маркирующие идею, явление. В повести «Ногти» персонаж Бахатов обладает мистическими способностями, проводя ритуалы, где главным действием было обгрызание ногтей. Так же, как и в рассказе «Кубики», происходит ритуальное сражение с воплощением зла, представленным в виде потусторонней собаки. Ногти служат средством предсказания и программирования будущего, а также орудием сражения с этой собакой. Причём, как и в других произведениях М. Ю. Елизарова, мистический ритуал остаётся за кадром, и эта завеса тайны порождает у персонажей ощущение довлеющего страха. То, что непонятно, является суггестивным, т. к. при этом отсутствует критическое восприятие.

5. *Гиперболизация*. В рассказе «Нагант» слёзы выпрыскиваются, как из брандспойта, огромными брызгами повисают на стене и ручьями стекают вниз⁴. Эти слёзы будят жалость в любовнице героя, которая вовлекается в его ощущения. Гиперболизация ведёт к иллюзии кластеризации, когда герой видит паттерны там, где их нет.

6. *Подстройка к состоянию реципиента*. Здесь могут быть использованы следующие манипулятивные стратегии: поощрение, нагнетание (реципиенту сообщается о его уникальности, а также об опасности, срочности и необходимости выполнения дела), скрытое программирование с помощью команд и направляющих вопросов, использование управляемых ассоциаций, изменение модуса, персонализация / деперсонализация

¹ Елизаров М. Ногти // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=21965> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Кубики (рассказы) // Litmir.me: [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=101834> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Там же.

⁴ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

проблемы. Например, в рассказе «Киевский торт» отец (суггестор) с помощью направляющих вопросов (воспоминание про инцест в Ялте) заново соблазняет уже взрослую дочь¹, при этом у читателя создаётся ощущение, что дочь не против, т. е. суггестия явно направлена на реципиента текста. В рассказе «Трактат о смерти» Эльза Дмитриевна с помощью нагнетания и обвинений подчиняет себе мужа (ярко выраженный суггеренд – работающий в университете, не защитившийся «лишний человек»), который постоянно вынужден извиняться. Некоторые персонажи обладают способностью сопротивляться манипуляциям. Так, Кочуев из рассказа «Госпиталь» обладает способностью деперсонализироваться, слиться с окружающей обстановкой.

7. *Уровень «проблематичности» текста*, т. е., по И. Ю. Черепановой, наличие негативной лексики [22]. М. Ю. Елизаров обильно использует обсценную лексику, детально описывает разнообразные орудия убийства и сами убийства, половые извращения, за что его упрекают в эпигонстве В. Г. Сорокину. Но надо понимать, что М. Ю. Елизаров при кажущейся «чернушности» описываемого насмехается как над табуированием тем, так и над самим процессом разрушения табу. Как пишет Е. Погорелая в «Вопросах литературы», постмодернизм изживает себя в произведениях М. Ю. Елизарова, он логически продолжает линию постмодернизма до его следующей стадии [13]. Например, в рассказе «Стань отцом» (позже вошёл в роман «Pasternak») мальчик становится взрослым, когда ему дают последовательные разрешения на употребление тех или иных пластов матерной лексики (и впоследствии – насилия). Во-первых, это имеет комичный эффект, во-вторых, когда слова иссякают, происходит движение вспять – мальчик начинает запрещать отцу употреблять эти слова. Несмотря на высокий уровень проблематичности текста, его невозможно свести к одному измерению (например, «Восьмёрка» З. Прилепина в духе «ново-

го реализма» или пост-модернистский «Сахарный Кремль» В. Г. Сорокина по сравнению с произведениями М. Ю. Елизарова живописуют жуткое, но не сбивают с толку читателя или героя, для которого в рассказе «Стань отцом» М. Ю. Елизарова всё переворачивается с ног на голову). Можно заключить, что писатель ставит эксперимент над тем, как будет восприниматься, например, брутальный выбор оружия: в совершенно различной стилистике описаны методичная подготовка к бойне Льнова («Pasternak») и муки выбора револьвера героем с повышенной степенью рефлексии в рассказе «Нагант». Матерщина в романе «Pasternak» – «защита от потусторонних сил», а также «примета карнавального хронотопа».

8. *Визуальное оформление*. В рассказе «Красная плёнка» (позже вошедшем в роман «Pasternak») красный цвет плёнки обладает волшебным свойством – на фотографиях люди получают голыми². Жёлтый цвет диапроектора в «Мультиках» наводит морок на героя, в рассказе «Нагант» луна делает глаза жёлтыми³. «Зелёная лампа» (отсылающая к «Зелёной лампе» А. Грина и «Необыкновенным приключениям доктора» М. А. Булгакова) в финале «Библиотекаря» стоит в бункере, где А. Вязинцев вынужден пересчитывать книги Громова, и она же есть в рассказе «Письмо»⁴. Зелёный цвет часто встречается в произведениях писателя: в романе «Мультитики» на зелёной клеёнке разложены улики, в рассказе «Паяцы» – зелёные колдовские глаза героини и её зелёный поролоновый ирокез; в рассказе «Письмо» есть густота серых тонов и мерцающие болотные огоньки, в «Наганте» – «...стены до половины вызелены, белый свет в нём снова зеленеет уже от далёких ламп, в которых вольфрамовый волос горел, казалось, в болотном тумане»⁵. В этом же рассказе есть серый цвет пыли.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

9. *Звуковое воздействие или нащёптывание*. Самый очевидный пример – это чревоуещающий Разумовский из романа «Мультики», где он «не забывал напевать невнятный тревожный мотив каким-то скрытым внутренним регистром»¹.

10. *Синестезия чувств*, которая заканчивается трагически. В рассказе «Рафаэль» герой теряет способность думать, он начинает думать зрением, а не мыслями: просто смотря на кого-либо, он помещает его в голову (как это было в рассказе «Кубики»). Образы лишены словесного оформления, подёрнуты ряской, колышутся². Физиологические изменения затем приводят к подмене героя, и Рафаэль оказывается не героем рассказа, а наблюдаемым объектом, который исчезает, когда его выводят из купе (из поля зрения наблюдателя, за которым угадывается сам автор), а Герман из романа «Мультики», испытывая одеревенение, сидя на детском стульчике, как будто исчезает, отдавая своё «Я» Герману из диафильма. Б. А. Ханов заметил, что такая поза эмбриона – символ инициации, она предшествует появлению на свет нового Германа [19, с. 92]. Физиологические превращения происходят и в сборнике «Нюгти».

11. *Магизация обыденных предметов*. Здесь М. Ю. Елизаров обыгрывает идеологемы советского дискурса, образы коллективного бессознательного, не идеализируя их, ибо они предстают в вывернутом виде, хотя в рецензиях на роман «Библиотекар» обычно говорится о превознесении писателем советского прошлого [16; 26]. Сам писатель говорил в интервью, что ВДНХ – это капище, соответствующее замыслу Советского Союза, где религиозная символика заменялась символикой магического социализма³.

Обыгрывая стилистику советского реалистического романа, М. Ю. Елизаров создаёт цель и веру, которые должны научить человека существовать в беспросветной, обыденной действительности [2, с. 32]. Романы Громова, как можно полагать, написаны в духе А. П. Платонова, которого сам М. Ю. Елизаров считает лучшим писателем XX в. Трупное стихотворение в романе «Pasternak» становится оберегом для сохранения жизни после смерти, а после сжигания стихотворения дедом Мокаром труп умирает. Не все образы остаются раскрытыми до конца. Так, например, загадочны часы, которые дарит герою и его брату отец в романе «Земля». Они были заведены за 15 минут до рождения ребёнка. Когда эти «биологические» часы брата ломаются, он пропадает из повествования. Но что происходит с часами главного героя, остаётся неизвестным.

12. *Изображение живого как мёртвого и наоборот* в витальных и мортальных метафорах, а также интертекстуальности. Витальность метафор представлена во многих произведениях писателя. Например, в рассказе «Нагант» папа сравнивается с лисицей, которая смеётся⁴, а в сборнике эссе «Бураттини. Фашизм прошёл» города очеловечены: «Москва – крашенная. Не блондинка, не брюнетка. Цвет волос неопределённый, меняется в зависимости от освещения, от рыжего до пепельного оттенка. Сколько ей лет – сложно понять из-за пластических операций, сделанных, впрочем, довольно удачно»⁵. Мортальные метафоры, например стручковатые пальцы старух из рассказа «Нагант», напрямую связаны с темой упадка. Интертекстуальные метафоры нередки: название рассказа «Паяцы» отсылает к опере Р. Леонкавалло и сообщает человеку приговор и статус пустозвона, симулякра [15, с. 135], а имя «Герман» и колода

¹ Елизаров М. Мультики: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Мы вышли покурить на 17 лет // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1013453> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Надысова О. Михаил Елизаров: «Возможно, о современной литературе будут судить по Донцовой» (интервью) [Электронный ресурс] // SiaPress: информационно-аналитический портал. URL: <http://www.siapress.ru/interview/26838> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

⁵ Елизаров М. Бураттини. Фашизм прошёл: эссе // Book-online: [сайт]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7167> (дата обращения: 20.01.2022).

карт в «Мультиках» отсылают читателя к «Пиковой Даме» А. С. Пушкина [19, с. 91]. Когда невозможно определить, как именно олицетворяется предмет (сравнивается ли он с человеком или животным), витальные метафоры наиболее зловещи, например, «арбузные черепа» из рассказа «Паяцы».

13. *Остранение*, когда предмет не называется, а описывается, предстаёт неузнанным. В рассказе «Письмо» свеча описывается так: «парафиновый столбик, похожий на отрубленный столбик с сине-жёлтым огненным ногтем»¹. В данном случае остранение сближается по функциям с мортальной метафорой. Употребление остранения в неявной форме порождает у реципиента ощущение мертвенности происходящего: в рассказе «Письмо» лицо с нанесённой косметикой воспринимается как испачканное «мёртвыми красками», троллейбус – как «рогатый тролль в бусах»². Остранение реализуется и по отношению к большим отрывкам текста. О. Н. Сизых полагает, что в рассказе «Паяцы» М. Ю. Елизаров использует приём остранения ситуации супружеского обмана с максимально сатирической окраской [15, с. 130].

14. *Сведение высших форм выражения духа (творчества) к низшим (примитивным инстинктам)*. В сборнике эссе «Бураттини. Фашизм прошёл» писатель препарирует мультфильмы, разбирая их по кодам, зачастую тенденциозно. Так, анализируя мультфильм «Ну погоди!», он приписывает волку вождение зайца: «Волк комичен своей сексуальной перверсией», говоря о том, что во многих языках глагол «отведать» употребляется как для приёма пищи, так и для сексуального влечения³. Критика отмечает, что это особая стилистика, фразёрство в лучшем его смысле,

сродни искусному шутовству⁴. Писатель также разрушает стереотипы: в библиотеках не царит тишина, мир социализма порождает насилие, а не утопию, как считает В. В. Цуркан [21, с. 65], а писатель в романе “Pasternak” – не духовный вождь.

15. *Употребление библейских и религиозных аллюзий* (что по функционированию равно интертекстуальным метафорам), которые в неявной форме сигнализируют о совершаемых грехах и возмездии. Кроме описания многочисленных псевдорелигиозных ритуалов в романе “Pasternak”, есть в произведениях М. Ю. Елизарова более тонкие отсылки к библейским или религиозным концепциям. В рассказе «Паяцы» это глина, которой покрывают своё тело герои, а также обманутый муж, который предстаёт в виде Голема [15, с. 130–131]. В рассказе «Письмо» есть отсылки к следующим египетским казням: наказание кровью (вода в чайнике приобретает красный оттенок), казнь жабами (жаба появляется на ковре), нашествие насекомых (тараканы), необычная темнота, смерть первенцев (аборт героини). В рассказе «Украденные глаза» заика-батушка говорит, что черти мучили его: «Н-не читай Б-библию, читай М-мурзилку»⁵. Исследователи проводят аналогию между писателем Громовым, чьи книги обладают волшебным действием в «Библиотекаре», и Одним-Громовержцем [7, с. 68]. М. В. Безрукавая, впрочем, пишет, что религия в традиционном смысле не интересует писателя, скорее, он совершает перенос [3, с. 101] – религия претворяется в традицию и становится каркасом для национального духа. Герои у М. Ю. Елизарова «постоянно оказываются в ситуациях, где жизнь требует от них не просто действовать, а отправлять ритуал», но этот ритуал становится понятным благодаря обряду инициации, он очищает от магической шелухи смысл происходящего [6].

¹ Елизаров М. Ногти // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=21965> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Елизаров М. Бураттини. Фашизм прошёл: эссе // Book-online: [сайт]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7167> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Данилкин Л. Ногти // Афиша: [сайт]. URL: <https://www.afisha.ru/book/81/review/145299> (дата обращения: 20.09.2017).

⁵ Елизаров М. Кубики (рассказы) // Litmir.me: [сайт]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=101834> (дата обращения: 20.01.2022).

16. *Неомифологизация сюжетных ходов*, когда действие словно запрограммировано автором следовать обычной схеме развития сюжета, как у В. Я. Проппа. М. Ю. Елизаров переосмысляет развитие мифа, а персонажей подвергает стохастическому воздействию артефактов, носящих информационный характер. В «Мультиках» такой артефакт – диафильм, в «Земле» – земля как танатос, в «Кубиках» – кубики и ритуалы, в «Библиотекаре» – семь романов Громова, которые нужно постоянно читать, как Библию [2, с. 34]. «В художественном мире М. Ю. Елизарова неомифологизм представляется через онейрические мотивы, которые создают некую квазиреальность, противопоставленную объективной действительности» [12, с. 85].

17. *Использование разных модусов повествования*. Персонажи способны на полярные проявления чувств, поэтому действующему герою непонятно, как они поведут себя в том или ином случае. Писатель прорисовывает очень живых героев, сообщая им несочетаемые, казалось бы, свойства личности, от аналитического склада ума до маргинальности, от нежности до агрессивности [24, с. 126].

II. Композиционный уровень

1. *Использование ассертивов / негативов*. Пример использования ассертивов – навязчивое внушение разным героям, что они любят мультипликационные фильмы в рассказе «Мультики», негативов – в рассказе «Нагант»: «В двадцать восемь лет я понимал, что со мной, как и с Дубровским, тоже всё кончено. Не откроется неизвестный талант, о котором молил ещё в школьные годы. Не ударит молния, наделяя знанием языков или посвящая в гении математического счёта. Я не сделаюсь сильным и умным. Не вырасту больше ни на сантиметр. Не будет карьеры дипломата, шпиона, авантюриста, актёра. ... Я не стану рок-музыкантом, с камушками горьких и визгливых слов во рту перед ревушим че-

ловеческим морем. И просто музыкантом не стану»¹.

2. *Повторы*. Примером здесь может быть заговорная тема в романе «Pasternak»: похороны используются дедом Мокаром и его внуком Льновым для замедления событий и противодействия злым силам – фашистам и духовным сектам. Повтор есть в «Библиотекаре», когда М. Ю. Елизаров по-новому реализует тему насилия: хранителями Книг выступают ущербные, скудоумные герои (например, старухи), которые и ведут битвы, не используя при этом огнестрельное оружие. Суггестивный повтор часто реализуется и на лексическом уровне, что особенно заметно с лексемами, описывающими страх, например, в рассказе «Нагант» и романе «Мультики». В «Мультиках», как замечает Дж. Маркуччи, ещё перед развёртыванием сюжетного действия встречаются упоминания 4 мультфильмов («Федорино горе», «Приключения капитана Врунгеля», «Бременские музыканты» и «Дядя Стёпа»), которые предвеляют то, что должно произойти [11, с. 178–182].

3. *Средства каузации и конъюнкции / дизъюнкции*. В романе «Мультики» происходит нарушение схемы. Разумовский один раз по ошибке называет тренера педагога Гребенюка Гребешковым, что словно вырывает слушающего рассказ Германа из сетей повествования. Поэтому дальше Разумовский продолжает говорить суетливо, чувствуя, что рыбка может сорваться с крючка. Конъюнкция представлена здесь такой мыслью Германа, что он предвидел смерть своих обидчиков-одноклассников – Новиковой и Алферовой, обстоятельства которой схожи с историей об одноклассниках Лёшки Разума в показанном ему диафильме.

4. *Закольцованность сюжетных ходов*. В «Стань отцом» действие разворачивается зеркально и приводит к тому, что герой «усыновляет» своего отца и дарит ему на очередной день рождения машинку якобы

¹ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

от родителей. В романе «Мульттики» происходит проникновение образов друг в друга, своеобразная игра с матрёшкой: герою показывают диафильм, в котором показывается другой диафильм, в котором показывается волшебный фонарь [10, с. 86]. Причём эта игра нелинейная: в конце диафильма 1957 г. герой в ужасе видит себя (действие разворачивается в перестроенные годы), далее – как он, нарисованный, смотрит диафильм. Герой понимает, что он теперь будет подвержен психофизиологическим реакциям против его воли в зависимости от поведения своего изображения в диафильме, например, Герман ощущает, будто он рухнул в бесконечный колодезь, который одновременно находился у него внутри и создавал «плеяду учеников-наставников», где «ученик исторгал из чрева учителя, а тот разрешался очередным дидактическим родителем»¹. Н. Хрящева, рецензируя роман «Библиотекарь», выделяет мотив «возвращения в жутковатое пространство соцреалистических лозунгов» и то, что «сеть читален походит на подпольную сеть политических или религиозных организаций» [20, с. 70]. Закольцованность обусловлена использованием хронотопа лабиринта в романах «Библиотекарь» и «Мульттики», которые, обрекая героев на новые ловушки, становятся криптологическими романами [18].

III. Фонологический уровень (микроуровень)

1. *Аллитерация*. Это не частотный способ выражения суггестии для прозаических произведений, из примеров можно привести «гигантских кротов в гитлеровских касках» из романа «Мульттики»². Полина Васильевна Горн из романа «Библиотекарь», приходя в себя, вспоминает слова: «Кубашка? Кадушка?» Потом то же самое делают и другие ста-

рухи: «Пёрсток, непёрсток, чтоб не колко! Уколка! ... Зовут Галина? Галила. Далила»³.

2. *Парономазия*, имеющая интертекстуальное значение. Так, в романе «Pasternak» умерший дед Мокар шепчет: «Ииии...падаль», что после превращается в «и падали два башмачка». Отсылка к стихотворениям Б. Л. Пастернака в романе представляет их в жутком освещении.

3. *Мрачные каламбуры*, как, например, именование покойных, умерших по разным причинам, в романе «Земля». Из романа «Мульттики»: «Труп сделал из обезьяны человека. Терпенье и труп всё перетрут. Без трупа не вытащишь и рыбку из пруда»⁴.

4. *Фонологический повтор*, например, нецензурной брани.

IV. Метауровень

Ещё раз обозначим сквозные суггестивные темы и образы для произведений М. Ю. Елизарова (это метауровень, когда совокупность произведений рассматривается как цельный нарратив).

1. *Герой-суггестор*. Так, героем-суггестором часто становится «лишний человек», который вызывает сочувствие, например в «Мы вышли покурить на 17 лет...» и «Библиотекаре».

2. *Инициация*. Она касается и суггерендов: «В романе “Мульттики” Герман Рымбаев не просто проходит этапы перевоспитания, он получает своеобразный заряд ужаса, который заставляет его порвать с криминальным миром и впасть в состояние, где страхи и психические расстройства не менее реальны, чем факт включения в относительно благополучный социум» [2, с. 34]. Инициация, кладбищенская ноосфера и погружение в эсхатологическую культуру подробно освещены в новом романе М. Елизарова «Земля» [14], когда посвящение идёт через не только танатос, но и эрос –

¹ Елизаров М. Мульттики: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

² Там же.

³ Елизаров М. Библиотекарь: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Елизаров М. Мульттики: роман // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=147782> (дата обращения: 20.01.2022).

девушку главного героя. Инициация как испытание смертью способствует становлению суггесторов: Льнова из «Pasternak» как боевика, Разумовского из «Мультиков» как педагога, объединения старух из «Библиотекаря» как боевой ячейки. Вообще, старухи представлены в произведении в откровенно гротескной форме и имеют инфернальное начало, как в рассказе «Старушки», где бабушки покрывают насиле внука, насылая на изнасилованных девушек припадки, когда те упоминают следователю про этих древних старух – свидетельниц преступления.

3. *Образ книги* также очевиден. Она становится магическим символом (советские лозунги типа «Книга – учитель жизни» из «Библиотекаря» становятся мантрами, или, как отмечает Д. Ю. Юрьев, «заговорами» [24]). Каждая Книга несёт в себе «идеологизированный культурный код Советского Союза» [5, с. 65], она амбивалентна, соединяет в себе сакральное и профанное, духовное и телесное [17, с. 173] и обожествляется: «Проникновение в суть Книги обеспечивает нескудеющий поток жизненных сил для её читателя, пробуждение воспоминаний, впускающих человека в мир добра и всеобщего единения; анестезирует чувства горя, страха и боли ... несёт и смертоносную угрозу, так как каждый новый читатель понимал, что Радости, Силы и т. д. не хватит на всех» [7, с. 68]. Мотив чтения как спасительного акта восходит к пониманию изучения Священного Завета как спасительного и искупительного акта. Ритуальность совершаемого действия строго регламентирована: чтение должно быть непрерывным и тщательным, т. е. нельзя пропустить ни одной буквы. Библиотекарь Г. М. Агеева делает акцент на нерасторжимости текста и его материально-вещественного воплощения, т. к. чудодейственный эффект возникает только тогда, когда книгу читают. Хотя чтец по прошествии времени может запомнить книгу наизусть, воспроизведение по памяти без соблюдения ритуала не работает [1, с. 53]. В рассказе «Сифилис» героиня Лариса Васильевна получает заболевание не через незащищённый по-

ловой акт, а через чтение «Тихого Дона», в котором есть упоминание о сифилисе¹. В романе «Pasternak» книги Б. Л. Пастернака из затопленного издательства становятся минерализовавшимися орудиями убийства (для борьбы с эзотерическими организациями), хотя и самому образу писателя в романе приписывается демоническая эманация. Отец Григорий в том же романе открывает Цыбашеву, что каждая книга – всего лишь «Божественная пародия на действительную связь между человеком и Богом»². Кубики с буквами становятся возможной инкарнацией человечества, преодолевшего Первосмерть, в рассказе «Кубики».

4. *Ужас неизбежности* перед навсегда изменившейся судьбой – сквозной суггестивный мотив, причём поворотным моментом для окончательной суггестивности героя может быть вполне обыденный момент, после которого нет возврата назад к нормальному состоянию. В рассказе «Нагант» это описывается следующим образом: «...однажды не заметил ... ловушки, в которой замысловатый механизм пускается от ничего не значащего поступка, фразы или сочетания того и другого? К примеру, чистишь зубы в девять часов тридцать шесть минут, напеваешь под нос: “В юном месяце апреле...” – и сам того не знаешь, что безвозвратно повернулись невидимые шестерёнки западни. С той секунды ты находишься не в прежнем мире, а на поверхности липкой ленты для мух, завёрнутой бесконечностью Мебиуса. И гнусная каверза ловушки в том, что неизменёнными остаются обыденные дела, связанные с ними маршруты, только нога ступает уже по ядовито-липкой дороге, куда ни направься. И слететь невозможно»³. Для Германа в романе «Мультики» такой

¹ Елизаров М. Сифилис // Lib.ru: [сайт]. URL: http://lib.ru/NEWPROZA/ELIZAROV/r_pox.txt (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Pasternak // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=21963> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

точкой невозврата является обыденная ситуация – конец диафильма, который обрабатывается для него сотрясанием мозга.

5. *Мания преследования* (как в рассказе «Письмо») и *навязчивые состояния* (как в рассказе «Нагант» и романе «Мультики») часто поражают героев и полностью парализуют их волю и способность сопротивляться. Нарушенные физиологические реакции (обездвиженность Германа) и провалы в памяти (из рассказа «Нагант»: «Память благородно заретушировала подробности, причём настолько густо ... К событию нет достоверных зрительных образов – одни домыслы»¹) также делают из героев суггерендов. Герои произведений становятся сумасшедшими визионерами, как персонаж рассказа «Кубики», или борцами за отделение мира нави от мира яви, как в романе «Pasternak». Такие персонажи близки русским юродивым, сумасшедшим, которые могут стать медиумами².

Заключение

Следует отметить, что произведения М. Ю. Елизарова не только несут в себе мистическую составляющую, но и содержат немало отсылок к биографии писателя (например, детство главного героя в «Земле»).

Интертекстуальность его работ связана с постмодернизмом [25, с. 4], а также с желанием показать расслоение пространства и времени, например, через омертвление идеологом СССР. Тем не менее М. Ю. Елизаров пишет о потребности единения и веры, ярким примером чего может служить «Библиотекарь», где отстаивается ценность общего добровольного служения во благо «спасения души и служения истине», что сближает роман с классической русской литературой [16, с. 627–628]. С другой стороны, тексты писателя изобилуют вербальными «субтекстами», порождаемыми отсылками к рок-культуре [23, с. 310]. Через всю стилевую игру писатель восходит к поэтике абсурда [9]. Все перечисленные черты свидетельствуют не только о суггестивной специфике текстов, но и о выстроенной художественной системе. Произведения писателя кинематографичны, что верно в отношении сборника «Кубики», романа «Мультики», начала романа «Земля», которое дано как перечисление кадров, заключённых в овальную рамку. Возможно, эта изобразительность и сообщает силу выстроенной образной системе и главным героям – «посторонним» людям.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Г. М. О книгоцентризме романа М. Елизарова «Библиотекарь» // Библиотекословие. 2010. № 1. С. 50–54.
2. Безрукавая М. В. Концепция человека в романах М. Елизарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 31–34.
3. Безрукавая М. В. Структура повествования и сюжетный мир в романах М. Елизарова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3 (29). С. 99–103.
4. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.
5. Быкова В. В. Культурный код в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Когнитивно-дискурсивная лингвокультурология и стилистика: материалы научной школы – 2014: в 2 т. Т. 2 / науч. ред. Г. В. Токарев. Тула: С-Принт, 2015. С. 63–65.
6. Григорьева Н. Михаил Елизаров. Ногти [Электронный ресурс] // Новая русская книга. 2002. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/nrk> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Жиндеева Е. А., Дергунова Н. А. Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова: опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений // Гуманитарные науки и образование. Филология. 2011. № 1. С. 64–69.

¹ Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

² Елизаров М. Красная плёнка: сборник рассказов // E-reading Club: [сайт]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95263> (дата обращения: 20.01.2022).

8. Казарина Т. В. Пацаны как тема современной литературы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012. № 1 (11). С. 83–89.
9. Колмакова О. А. Поэтика метаморфозы в прозе М. Елизарова // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 1 (36). С. 223–232.
10. Малахова Д. В. Образ детства в романе Михаила Елизарова «Мультики» // Смоленский филологический сборник. Вып 11: Труды Школы молодых учёных «Квантитативная филология». Смоленск, Самарский государственный педагогический университет, 2022. С. 81–87.
11. Маркуччи Дж. Литературная кинематографичность: «Мультики» в переводе // Языки. Культуры. Перевод. 2015. № 1. С. 174–182.
12. Монгуш Е. Д., Куулар А. Р. О неомифологических тенденциях в рассказах М. Елизарова // Развитие Тувинского государственного университета в XXI веке: интеграция образования, науки и бизнеса: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию Тувинского государственного университета, 30 октября 2020 г. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2020. С. 85–86.
13. Погорелая Е. «Кровавый отсвет в лицах есть...» Михаил Елизаров // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 13–16.
14. Пучкова А. В. Мотив инициации в романе М. Елизарова «Земля» // Автор – текст – читатель: теория и практика анализа: материалы VII Международных научных чтений, Калуга, 29–31 октября 2020 г. Калуга: Издательство Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, 2020. С. 421–429.
15. Сизых О. В. Репрезентация метафоры «паяцы» в одноименном рассказе М. Ю. Елизарова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 127–137.
16. Степанов А. Д. Созидание через разрушение: русская литература 2000-х // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 624–629.
17. Ушакова А. В. Архетип книги в романе М. Елизарова «Библиотекарь» // Русская литература глазами современной молодёжи: сборник материалов международной студенческой научно-практической очно-заочной конференции, Магнитогорск, 18–20 сентября 2018 г. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2018. С. 170–174.
18. Ханов Б. А. Своёобразие функционирования советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 2. С. 229–238.
19. Ханов Б. А. Функционирование советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Мультики» // Вестник Курского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2015. № 6. С. 90–94.
20. Хрящева Н. По страницам прозы – 2008 // Филологический класс. 2009. № 22. С. 70–72.
21. Цуркан В. В. Художественная концептосфера романа М. Елизарова «Библиотекарь» // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования (Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова). 2015. Т. 3. № 1. С. 62–65.
22. Черепанова И. Ю. Российская суггестивная лингвистика – верно направленное влияние языка на подсознание людей [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2014. Вып. 35. URL: <http://tverlingua.ru> (дата обращения: 20.01.2022).
23. Шостак Г. В. Михаил Елизаров и русский рок: художественная рецепция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2019. № 19. С. 304–311.
24. Юрьев Д. Ю. «Заговорная тема» в прозе М. Елизарова // Язык и культура: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции / под. общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Изд-во Центра развития научного сотрудничества, 2016. С. 183–187.
25. Юрьев Д. Ю. Псевдодокументальное начало в сборнике рассказов Михаила Елизарова «Кубики» // Вестник Астраханского государственного университета. 2015. № 4 (168). С. 123–127.
26. Юрьев Д. Ю. Творческая личность М. Елизарова: аспекты критической рефлексии и самоидентификации [Электронный ресурс] // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина. 2016. № 120 (06). URL: <http://ej.kubagro.ru> (дата обращения: 20.01.2022).

REFERENCES

1. Ageeva G. M. [On the Book-Centrism of M. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: *Bibliotekovedenie* [Library Science], 2010, no. 1, pp. 50–54.
2. Bezrukavaya M. V. [The Concept of Man in the Novels of M. Elizarov]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2014, no. 4 (34), vol. 3, pp. 31–34.
3. Bezrukavaya M. V. [The Structure of the Narrative and the Plot World in the Novels of M. Elizarov]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science of Togliatti State University], 2014, no. 3 (29), pp. 99–103.
4. Boltaeva S. V. *Ritmicheskaya organizatsiya suggestivnogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rhythmic Organization of a Suggestive Text: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2003. 25 p.
5. Bykova V. V. [Cultural Code in M. Yu. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: Tokarev G. V., ed. *Kognitivno-diskursivnaya lingvokul'turologiya i stilistika: materialy nauchnoi shkoly – 2014. T. 2* [Cognitive-Discursive Linguoculturology and Stylistics: Materials of the Scientific School – 2014. Vol. 2]. Tula, S-Print Publ., 2015, pp. 63–65.
6. Grigor'eva N. [Mikhail Elizarov. Nails]. In: *Novaya russkaya kniga* [New Russian Book], 2002, no. 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/nrk> (accessed: 20.01.2022).
7. Zhindeeva E. A., Dergunova N. A. [The Myth of the Soviet Era Performed by V. Erofeev and M. Elizarov: The Experience of a Comparative Analysis of Two Works]. In: *Gumanitarnye nauki i obrazovanie. Filologiya* [Humanitarian Sciences and Education. Philology], 2011, no. 1, pp. 64–69.
8. Kazarina T. V. [Boys as a Theme of Modern Literature]. In: *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology], 2012, no. 1 (11), pp. 83–89.
9. Kolmakova O. A. [Poetics of Metamorphosis in the Prose of M. Elizarov]. In: *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State University], 2015, no. 1 (36), pp. 223–232.
10. Malakhova D. V. [The Image of Childhood in Mikhail Elizarov's Novel "Cartoons"]. In: *Smolenskii filologicheskii sbornik. Vyp 11: Trudy Shkoly molodykh uchenykh "Kvantitativnaya filologiya"* [Smolensk Philological Collection of Articles. Iss. 11: Proceedings of the School of Young Scientists "Quantitative Philology"]. Smolensk, Samara State Pedagogical University, 2022, pp. 81–87.
11. Marcucci G. [Cinematographic Component of Literature: "Cartoons" in Translation]. In: *Yazyki. Kul'tury. Perevod* [Languages. Culture. Translation], 2015, no. 1, pp. 174–182.
12. Mongush E. D., Kuular A. R. [On neo-mythological Tendencies in the Stories of M. Elizarov]. In: *Razvitie Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta v XXI veke: integratsiya obrazovaniya, nauki i biznesa: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, 30 oktyabrya 2020 g.* [Development of Tuva State University in the 21st Century: Integration of Education, Science and Business: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of Tuva State University]. Kyzyl, Tuvinskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2020, pp. 85–86.
13. Pogorelaya E. ["There is a Bloody Reflection in the Faces ..." Mikhail Elizarov]. In: *Voprosy literatury* [Problems of Literature], 2009, no. 3, pp. 13–16.
14. Puchkova A. V. [The Motive of Initiation in M. Elizarov's Novel "Earth"]. In: *Avtor – tekst – chitatel': teoriya i praktika analiza: materialy VII Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii, Kaluga, 29–31 oktyabrya 2020 g.* [Author – Text – Reader: Theory and Practice of Analysis: Materials of the 7th International Scientific Readings, Kaluga, October 29–31, 2020]. Kaluga, Kaluga State University named after K. E. Ciolkovsky, 2020, pp. 421–429.
15. Sizykh O. V. [Representation of the Metaphor "Clowns" in the Story of the Same Name by M. Yu. Elizarov]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye Nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social sciences], 2016, no. 2, pp. 127–137.
16. Stepanov A. D. [Creation Through Destruction: Russian Literature of the 2000s]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 6, pp. 624–629.
17. Ushakova A. V. [The Archetype of the Book in M. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: *Russkaya literatura glazami sovremennoi molodezhi: sbornik materialov mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi oncho-zaochnoi konferentsii, Magnitogorsk, 18–20 sentyabrya 2018 g.* [Russian Literature through the Eyes of Modern Youth: Collection of Materials of the International Student Scientific and Practical Part-time Conference, Magnitogorsk, September 18–20, 2018]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov, 2018, pp. 170–174.

18. Khanov B. A. [The Peculiarity of the Functioning of the Soviet Discourse in M. Yu. Elizarov's Novel "The Librarian"]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities], 2015, vol. 157, iss. 2, pp. 229–238.
19. Khanov B. A. [The Functioning of the Soviet Discourse in M. Yu. Elizarov's Novel "Cartoons"]. In: *Vestnik Kurskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kursk State University named after N. A. Nekrasov], 2015, no. 6, pp. 90–94.
20. Khryashcheva N. [Through the Pages of Prose – 2008]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2009, no. 22, pp. 70–72.
21. Tsurkan V. V. [Artistic Concept Sphere of M. Elizarov's Novel "Librarian"]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya (Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni G. I. Nosova)* [Actual Problems of Modern Science, Technology and Education (Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov)], 2015, vol. 3, no. 1, pp. 62–65.
22. Cherepanova I. Yu. [Russian Suggestive Linguistics – The Right Direction of the Influence of Language on the Subconscious of People]. In: *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal], 2014, no. 35. Available at: <http://tverlingua.ru> (accessed: 20.01.2022).
23. Shostak G. V. [Mikhail Elizarov and Russian Rock: Artistic Reception]. In: *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian Rock Poetry: Text and Context], 2019, no. 19, pp. 304–311.
24. Yur'ev D. Yu. ["Conspiracy Theme" in the Prose of M. Elizarov]. In: Chernov S. S., ed. *Yazyk i kul'tura: sbornik materialov XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language and Culture: Materials of the 23rd International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Center for the Development of Scientific Cooperation Publ., 2016, pp. 183–187.
25. Yur'ev D. Yu. [Pseudo-documentary Beginning in the Collection of Mikhail Elizarov's Stories "Cubes"]. In: *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Astrakhan State University], 2015, no. 4 (168), pp. 123–127.
26. Yur'ev D. Yu. [Creative Personality of M. Elizarov: Aspects of Critical]. In: *Nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta imeni I. T. Trubilina* [Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin], 2016, no. 120 (06). Available at: <http://ej.kubagro.ru> (accessed: 20.01.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валькова Юлия Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: julyvalkova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia E. Valkova – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: julyvalkova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Валькова Ю. Е. Суггестивная специфика в произведениях М. Елизарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 55–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-55-67

FOR CITATION

Valkova Yu. E. Suggestive Specificity in M. Elizarov's Works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 55–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-55-67

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-68-77

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗА МУЗЫКАНТА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА» И ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «АЛЬБЕРТ»

Димитриева О. А.

*Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сравнить незаконченный роман Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» и повесть Л. Н. Толстого «Альберт» с точки зрения образа музыканта, отношения героев к музыке, а также общего и различного в их жизнеописании.

Процедура и методы. Содержание исследования составляет анализ языкового материала и способа репрезентации образа художника, его стиля жизни и музыки, им создаваемой. Используются сравнительный и аналитический методы изучения произведений, а также метод семантического и стилистического анализа.

Результаты. По результатам исследования сделан вывод об индивидуально-авторских особенностях репрезентации образа музыканта, определены языковые средства, вербализующие музыкальный «контекст» произведений. Отмечена особая роль прилагательного при характеристике главного героя и музыки: в тексте Л. Н. Толстого обыгрывается сочетание краткого и полного прилагательных, что свидетельствует о сменяемости постоянных черт временными и наоборот. В тексте Ф. М. Достоевского при описании Ефимова и его музыки предпочтение отдаётся полному прилагательному как признаку, репрезентирующему неизменность ситуации. При кажущейся схожести во внешности героев (порванная, одежда, грязь и неопрятный внешний вид) есть существенные детали, отличающие Альберта от Ефимова: чередование негативно оцениваемых черт с выделением красивых деталей (тонкая шея, чистый лоб, улыбка).

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён материал с точки зрения языковых и стилистических особенностей рассматриваемых произведений. Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы данной научной работы могут быть использованы при разработке курсов по стилистике русского языка, филологическому и лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: идиолект, индивидуально-авторский образ мира, способ репрезентации, язык Ф. М. Достоевского, язык Л. Н. Толстого

FEATURES OF THE MUSICIAN'S IMAGE IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "NETOCHKA NEZVANOVA" AND L. N. TOLSTOY'S STORY "ALBERT"

O. Dimitrieva

*I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
ul. Karla Marxa 38, Cheboksary 428000, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose is to compare F. M. Dostoevsky's unfinished novel "Netochka Nezvanova" and L. N. Tolstoy's story "Albert" from the point of view of the image of the musician and the attitude of the characters to music, as well as the general and different features in their biography.

Methodology. The paper analyzes the linguistic material and a way of representing the artist's image, as well as his lifestyle and the music created. Use is made of comparative and analytical methods of studying works, as well as the method of semantic and stylistic analysis.

© CC BY Димитриева О. А., 2022.

Results. A conclusion is made about the individual author's features of the representation of the musician's image, and the linguistic means that verbalize the musical "context" of the works are determined. The special role of the adjective in the characterization of the main character and music is noted: in the text of L. N. Tolstoy, a combination of a short and a full adjective is played, which indicates the changeability of permanent features by temporary ones and vice versa. In the text of F. M. Dostoevsky, when describing Efimov and his music, preference is given to the full adjective as a sign representing the immutability of the situation. Despite the apparent similarity in the appearance of the characters (torn, clothes, dirt and untidy appearance), there are significant details that distinguish Albert from Efimov: the alternation of negatively evaluated features with the allocation of beautiful details (thin neck, clean forehead, and smile).

Research implications. The material is summarized from the point of view of linguistic and stylistic features of the works in question. The practical significance of the research is that the materials and conclusions of this scientific work can be used in the development of courses on the stylistics of the Russian language, philological and linguistic analysis of the text.

Keywords: idiolect, individual author's image of the world, method of representation, the language of F. M. Dostoevsky, the language of L. N. Tolstoy

Введение

Тема искусства и творца – художника в широком смысле – является предметом обсуждения многих писателей разных национальностей и разных временных периодов. К раскрытию этой темы обращаются Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Роман «Неточка Незванова» написан Ф. М. Достоевским в 1849 г. и не закончен (по этой причине с точки зрения жанра его называют «незаконченным романом» или повестью). Человеком творчества здесь является Егор Ефимов, отчим Неточки, с которым она прожила восемь лет и от лица которой ведётся повествование. Повесть Л. Н. Толстого «Альберт» написана в 1857–1858 гг. и первоначально имела несколько вариантов названия: «Пропавший», «Повреждённый», «Погибший», «Музыкант»¹. Главный герой повести – Альберт, талантливый скрипач. Проблема художественного осмысления человека творчества является главной в данных повестях.

Обоим произведениям присуща романтическая поэтика: здесь противопоставляются два мира (двоемирие), содержится обилие символов, описывается главный герой, его индивидуализм и проявляются сильные чувства.

Одним из аспектов схожести данных произведений является определение специфики жанра. «По жанру повесть "Альберт", – пишет Е. Ю. Фатюшина, – синкретична и совмещает в себе черты святочного рассказа, стихотворения в прозе и повести о художнике» [12, с. 8]. Волшебной является стеклянная скрипка, на которой играет в забытии Альберт в конце повести. А. Л. Ренанский также отмечает «сказочный» сюжет повести «Неточка Незванова» и указывает на присутствующий здесь «мотив магической скрипки» [8, с. 333].

Исследователи творчества названных писателей обращаются к семантике имён главных героев [8; 11; 12]. Так, Е. Ю. Фатюшина пишет, что имя *Альберт*, с одной стороны, происходит от лат. *albus* – 'белый', 'светлый', с другой – связано с нем. *albern* – 'странный', 'нелепый' [12, с. 8]. Сравним момент появления героя с моментом его игры на скрипке, где, условно говоря, можно считать семантику имени – полное прилагательное *странный* сменяется кратким *странен*, что свидетельствует о смене постоянного признака временным, и текущая ситуация наполняется словами, содержащим семантику света (*сияло, горели светлым блеском*) (выделения наши. – О. Д.): «*Дверь распахнулась, и на пороге показалась странная мужская фигура. Увидав гостя, служанка перестала*

¹ Примечания // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести и рассказы (1857–1863). М.: ГИХЛ, 1951. С. 434–435.

удерживать, а **странная фигура**, робко поклонившись, шатаясь на согнутых ногах, вошла в комнату»¹. Во время игры герой преобразается: «Он далеко **не был уродлив и странен**. ... Лицо сияло непрерывной, восторженной радостью; глаза горели светлым сухим блеском...»².

А. Л. Ренанский отмечает следующую особенность поэтической антропониимики: «Егор – это народная форма имени Георгий (*земледелец* – в переводе с греческого). Здесь, однако, важна не столько семантика, сколько семиотика имени: она восходит к Георгию Победоносцу (Георгию Змеборцу), который в русском фольклоре именуется Егорием Храбрым ... Столь же семиотична и “звательная” форма героя, производная от имени Ефим (*благочестивый* – греч.)». [8, с. 327]. Семиотичны также названия инструментов, на которых играл Егор Ефимов, – кларнет и скрипка. Наименование первого восходит к лат. *clarus* – ‘светлый, чистый, ясный’ и своим происхождением обязан свирели, что наводит на мысль, что «этот *пастушеский* инструмент и сам музыкант – *земледелец* Егорий – по своей природной сущности вроде бы вполне соответствуют друг другу. Но вот духовная близость между ними почему-то не возникла – видимо, инструмент оказался всё-таки чуждым музыканту» [8, с. 328]. Что касается скрипки, она, по А. Л. Ренанскому, отличается от кларнета не только маргинальностью последнего, но и кругом демонических и божественных коннотаций [8, с. 330]. Е. Р. Боровская, рассмотрев ряд произведений, художественной деталью которых является скрипка, также подчёркивает, что её образ часто обрастает дополнительными смыслами и является «средством отсылки к архетипическому» [1, с. 213].

Знаковыми в этих произведениях являются взаимоотношения героев со спиртным и сопряжение мира ирреального и реального, где уход из последнего осу-

ществляется посредством спиртного: оба героя имеют слабость по отношению к вину. Описывая постоянное желание выпить у Альберта, М. А. Дубова говорит, что это открывает ему двери другого мира, который даёт ему возможность музицировать и делиться своей музыкой с окружающими [4, с. 138].

Отметим ещё одну деталь, указанную исследователями, – это описание музыки, создание «музыкального контекста», по словам М. А. Можаровой [7], который помогает лучше понять поэтику произведения. В обеих повестях упоминается создание или воспроизведение вариаций: в «Неточке Незвановой» музыкант Б. называет «первой и лучшей пьесой на скрипке» – «вариации на русские песни»³; повесть «Альберт», по мнению Е. Р. Боровской, «выстроена в соответствии с особенностями музыкального жанра темы с вариациями, представлено портретирование музыки, т. е. миметический синтез литературы и музыки» [2, с. 34].

Как видно из небольшого сравнения канвы этих произведений, они, несомненно, схожи как в репрезентации героев, так и музыки. Обратимся к языковым особенностям изображения внутреннего мира героев и творчества.

Особенности репрезентации микромира героев

Рассмотрим отрывки, в которых описывается внешность героев. Ф. М. Достоевский в момент представления героя не даёт деталей его внешности. Например, при встрече его с немецким музыкантом Б. акцентируется внимание на духовном мире героев, их внутренних переживаниях, амбициях и исканиях (выделения наши. – О. Д.): «Оба были **молоды, оба с одинаковыми надеждами, и оба с одной и той же целью**. Но Б. ещё был **в первой молодости**; он перенёс ещё **мало нищеты и горя; сверх того, он был пре-**

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести и рассказы (1857–1863). М.: ГИХЛ, 1951. С. 29–30.

² Там же. С. 32–33.

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2: Повести и рассказы 1848–1859. Л.: Наука, 1972. С. 147.

*жде всего немец и стремился к своей цели упрямо, систематически, с совершенным сознанием сил своих и почти рассчитав заранее, что из него выйдет, – тогда как товарищу его было уже тридцать лет, тогда как уже он устал, утомился, потерял всякое терпение и выбился из первых, здоровых сил своих, принуждённый целые семь лет из-за куска хлеба бродяжничать по провинциальным театрам и по оркестрам помещиков»¹. Интересно, что объяснительной силой при характеристике Б. является определение национальности и связанных с ней стереотипов поведения, вербализованных наречиями (*упрямо, систематически*) и деэпричастным оборотом (*рассчитав заранее*), а при описании состояния Ефимова используется перечисление глаголов совершенного вида в прошедшем времени со значением результата (*устал, потерял терпение, выбился из сил*), т. е. при описании Б. используется проспекция, а при характеристике Ефимова – ретроспекция.*

Только несколько лет спустя при случайной встрече Ефимова с Б. отмечают произошедшие изменения во внешности, которые скорее свидетельствуют о текущем образе жизни героя, нежели о типических чертах лица (выделения наши. – О. Д.): «Один раз Б., возвращаясь с репетиции домой, наткнулся в одном переулке, у входа в грязный трактир, на человека дурно одетого, хмельного, который назвал его по имени. Это был Ефимов. Он очень изменился, пожелтел, отёк в лице; видно было, что беспутная жизнь положила на него своё клеймо неизгладимым образом... Тот был почти в лохмотьях, в худых сапогах; растрёпанная манишка его была вся залита вином. Волосы на голове его начали сесть и вылезать... Ефимов сконфузился, даже сробел сначала, отвечал бессвязно и отрывисто, так что Б. подумал, что он видит пред собою помешанного...»². Ранее

отмечалось, что среди деталей внешности вакхического человека Ф. М. Достоевский часто указывает на нарушение целостности одежды (порванность) и её нечистоту, фактуру, цвет лица, а среди особых деталей – на излишнюю чувствительность [3]. Негативная семантика жёлтого цвета, отмечаемая многими исследователями творчества Ф. М. Достоевского, находит здесь также своё воплощение. Н. Н. Романова, исследуя евангельские мотивы в этом произведении, при комментировании данного отрывка связывает его с отрывком из Библии: «И будет вместо благовоения зловоние, и вместо пояса будет верёвка, и вместо завитых волос – плешь, и вместо широкой епанчи – узкое вретнище, вместо красоты – клеймо» (Ис. 3: 23). Такие детали во внешности Ефимова, как порванная, нечистая одежда, хмельное зловоние, клеймо на лице являются, по мнению исследователя, отражением своего рода библейского «суда над самонадеянными грешниками» [9, с. 126].

Что касается Альберта из повести Л. Н. Толстого, некоторые детали его внешности, такие как *чистый лоб, улыбка, тонкая шея*, повторяются на протяжении всей повести, чередуясь с негативными оценками – *всклопоченные / нечёсанные волосы, грязная рубаха, неприятный запах нечистоты и пьяницы* и т. п. (выделения наши. – О. Д.).

(1) «Это был среднего роста мужчина, с узкой согнутой спиной и длинными wskлопоченными волосами. На нём были короткое пальто и прорванные узкие панталоны над шершавыми, нечищеными сапогами. Скрутившийся галстук повязывал длинную белую шею. Грязная рубаха высывалась из рукавов над худыми руками. Но, несмотря на чрезвычайную худобу тела, лицо его было нежно, бело, и даже свежий румянец играл на щеках, над чёрной редкой бородой и бакенбардами. Нечёсанные волосы, закинутые кверху, открывали невысокий и чрезвычайно чистый лоб. Тёмные усталые глаза смотрели вперёд мягко, искательно и вместе важно. Выражение их пленительно

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2: Повести и рассказы 1848–1859. Л.: Наука, 1972. С. 148.

² Там же. С. 153.

сливалось с выражением *свежих, изогнутых в углах губ, видневшихся из-за редких усов*¹;

(2) «Когда Делесов сел с своим новым знакомцем в карету и почувствовал тот неприятный запах пьяницы и нечистоты, которым был пропитан музыкант, он стал раскаиваться в своём поступке и обвинять себя в ребяческой мягкости сердца и нерассудительности. Притом всё, что говорил Альберт, было так глупо и пошло, и он так вдруг грязно опьянел на воздухе, что Делесову сделалось гадко. «Что я с ним буду делать?» – подумал он ... Он нагнулся и разобрал черты лица Альберта. Тогда красота лба и спокойно сложенного рта снова поразили его»².

В первом примере выделяются, как и в романе Ф. М. Достоевского, черты «неполноценности» личности через характеристику его одежды: *грязная рубаха, скрутившийся верёвкой галстук, прорванные узкие панталоны, нечищенные сапоги*, – во втором отрывке: *неприятный запах пьяницы и нечистоты*, но одновременно указываются черты, выделяющиеся своей красотой: *белая тонкая шея, чистый лоб, рот, красивая улыбка глаз и губ*.

Надо сказать, что взгляд Л. Н. Толстого на творческую личность, склонную к винопитию, несколько отличается от других его персонажей в том смысле, что пьющие герои характеризуются, как правило, негативно, винопитие часто связывается с концептом *грех* [5]. Например, в рассказе «Холстомер» (1856 г.) автор не только не испытывает жалости к помещику, но и, напротив, выражает негативные эмоции посредством бесстрастного описания с эксплицированной оценкой: «Он (Никита Серпуховский. – О. Д.) сел, снял китель, жилет и штаны стоптал с себя кое-как, но сапог долго не мог стащить, брюхо мягкое мешало. Кое-как стащил один, другой – бился, бился, запыхался и устал. И так, с ногой в голенище, повалился и захрапел, наполняя всю комнату запахом табаку, вина и гряз-

ной старости»³. Этот отрывок несколько схож с описанием Альберта во втором примере: *неприятный запах, нечистота, грязно опьянел* – всё это прощается Л. Н. Толстым и нивелируется благодаря той музыке, которую Альберт способен создавать.

Следует отметить мотив сумасшествия, возникающий и у Ф. М. Достоевского при описании Ефимова (см. выше: «Б. подумал, что он видит пред собою помешанного»; «его сумасшествие сильнее истины»⁴), говорит о нём Б.), и у Л. Н. Толстого: «– Вы знаете, что я слаб рассудком, – сказал он вдруг. – Да, да, – продолжал он, – Анна Ивановна вам, верно, рассказывала. Она всем говорит, что я сумасшедший!»⁵.

Музыка и творчество героев

Интересно отношение героев к скрипке. Для Ефимова это дорогой дар, не подлежащий продаже (вспомним, что и граф, содержавший оркестр, в котором играл Ефимов, и помещик предлагали за неё 3000 р.), тщательно им охраняемый: *ключ на шее, под жилеткой, от сундука, скрипка в чёрном ящике*⁶. По мнению Д. А. Трошковой, такое отношение к скрипке напоминает хранение Кощеем своей смерти [11, с. 228]. Для Альберта инструмент не главное, т. к. есть возможность в любой момент отказаться и заново получить его («Злобно и бегло взглянув на Делесова, он положил скрипку на стул и снова скрылся»⁷; «унёс скрипку у своего товарища артиста и заложил её»⁸).

Музыка, созданная в повестях, задевает струны души слушателей и самих героев, заставляет заново переживать

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести и рассказы (1857–1863). М.: ГИХЛ, 1951. С. 29–30.

² Там же. С. 36–37.

³ Толстой Л. Н. Холстомер // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10: Повести и рассказы. 1872–1903. М.: Художественная литература, 1975. С. 123.

⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Повести и рассказы. 1848–1859. Л.: Наука, 1972. С. 175.

⁵ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести и рассказы. 1857–1863. М.: ГИХЛ, 1951. С. 43.

⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Повести и рассказы. 1848–1859. Л.: Наука, 1972. С. 172.

⁷ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести и рассказы. 1857–1863. М.: ГИХЛ, 1951. С. 47.

⁸ Там же. С. 52.

прошлое или оценивать своё настоящее. А. Ю. Мананникова отмечает деструктивную силу скрипки [6, с. 199]. Музыка обладает двойственной природой: с одной стороны, преображает человека, с другой – не терпит фальши. Рассмотрим отрывки, в которых описывается производимый музыкой эффект (выделения наши. – О. Д.).

*«Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел в первый раз в нашем тёмном жилище. Или неправильны, болезненны были мои впечатления, или чувства мои были потрясены всем, чему я была свидетельницей, подготовлены были на впечатления страшные, неисходимо мучительные, – но я твёрдо уверена, что слышала стоны, крик человеческий, плач; целое отчаяние выливалось в этих звуках, и наконец, когда загремел ужасный финальный аккорд, в котором было всё, что есть ужасного в плаче, мучительного в муках и тоскливого в безнадежной тоске, – всё это как будто соединилось разом... я не могла выдержать»*¹. В данном фрагменте звуки музыки вызывают сложные эмоциональные чувства: с одной стороны, выражаются внешние проявления отрицательных чувств – стоны, крик, плач, с другой стороны, вербализуется внутреннее духовное состояние через прямую его номинацию (отчаяние) или через абсолютизацию признака в прилагательном (как и в субстантивации) – «что есть ужасного (в плаче)», «мучительного (в муках)», «тоскливого (в тоске)», а в последних двух случаях высшая степень проявления чувств достигается за счёт плеоназма, выделения и дублирования смысла. Звук скрипки сравнивается с человеческим голосом («как будто чей-то ужасный голос»), а для характеристики звучания музыки дважды повторяется глагол *загремел*. Такое постепенное нагнетание впечатлений и чувств и их пиковое достижение в финальном аккорде сопоставимо с музыкальным термином

крещендо (от итал. *crescendo*). Следует обратить внимание на глагол *выливаться*, также характеризующий напряжённую эмоциональность (ср. с традиционным словом *литься*, употребляемым по отношению к звукам – музыка *льётся*): происходит смена субъекта, позицию которого здесь занимает не музыка, а чувство *отчаяния*, находящее своё выражение в объекте – в звуках. Б. Н. Тихомиров, исследуя Петербург Ф. М. Достоевского, вслед за А. А. Гозенпудом высказывает предположение, что прообразом скрипичной фантазии Ефимова является «Элегия» Г. В. Эрнста, написанная им как «отклик на смерть его жены», но Ф. М. Достоевский «усилил и сгустил её эмоциональную выразительность» [10, с. 20]. Сравним этот отрывок с фрагментом из произведения Л. Н. Толстого (выделения наши. – О. Д.).

*«Звуки темы свободно, изящно полились вслед за первым, каким-то неожиданно-ясным и успокоительным светом вдруг озаряя внутренний мир каждого слушателя. Ни один ложный или неумеренный звук не нарушил покорности внимающих, все звуки были ясны, изящны и значительны. Все молча, с трепетом надежды, следили за развитием их. Из состояния скуки, шумного рассеяния и душевного сна, в котором находились эти люди, они вдруг незаметно перенесены были в совершенно другой, забытый ими мир. То в душе их возникало чувство тихого созерцания прошедшего, то страстного воспоминания чего-то счастливого, то безграничной потребности власти и блеска, то чувства покорности, неудовлетворенной любви и грусти. То грустно-нежные, то порывисто-отчаянные звуки, свободно перемешиваясь между собой, лились и лились друг за другом так изящно, так сильно и так бессознательно, что не звуки слышны были, а сам собой лился в душу каждого какой-то прекрасный поток давно знакомой, но в первый раз высказанной поэзии»*².

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Повести и рассказы. 1848–1859. Л.: Наука, 1972. С. 184.

² Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести и рассказы. 1857–1863. М.: ГИХЛ, 1951. С. 32.

В отличие от фрагмента из Ф. М. Достоевского здесь музыка не нагнетает эмоциональную обострѐнность: *звуки полились и льются*. Как описание самого героя, содержащего на фоне преходящего вещного мира светлые постоянные характеристики, так и музыка вовлекает слушателя в путешествие в мир, ими забытый, но не вызывающий негативных чувств. У Ф. М. Достоевского происходит слияние чувств и музыки, их неразрывность, неделимость; музыка у Л. Н. Толстого является фоном, способным переместить героя в другой мир. Наречия и деепричастия *изящно, свободно, озаряя, сильно, бессознательно*, прилагательные *неожиданно-ясным и успокоительным (светом), тихого (созерцания), страстного (воспоминания) чего-то счастливого, грустно-нежные, порывисто-отчаянные* вербализуют в целом «поток поэзии». Качественный признак, обозначаемый прилагательным *изящный* и наречием *изящно*, трижды повторяется в данном описании (ср. со словарным значением: «изысканно-красивый, грациозный; воплощающий в себе тонкий художественный вкус»¹) и предопределяет основную оценочную доминанту отрывка – эстетическое наслаждение. Диапазон возникающих чувств довольно широк: трепет надежды, чувство созерцания прошедшего, покорности, неудовлетворѐнной любви и грусти, воспоминание счастливого, потребность власти и блеска. Эта музыка позволяет вернуться в мир настоящего и жить в нём, она не разрушает и, по сути, не меняет слушателей. Музыка С-ца в романе «Неточка Незванова», напротив, рассеивает всё ложное, что создал Ефимов. Говоря словами Б., «истина ослепила его (Ефимова. – О. Д.) своим нестерпимым блеском, и что было ложь, стало ложью и для него самого»² и начала «убивать» его.

¹ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А–Кюрины [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/09/us1b8705.htm> (дата обращения: 20.11.2021).

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Повести и рассказы. 1848–1859. Л.: Наука, 1972. С. 188.

Особенности репрезентации макромира героев

Сравним взаимоотношения героев с окружающим миром, кругом их общения. По-разному проявляется отношение героев к женщине. Для Альберта любимая – это недостижимый, недоступный в силу социального неравенства идеал, для Ефимова жена становится средством и способом оправдания праздности и пьянства, т. е. всего своего образа жизни; он говорит, что она является препятствием к его творчеству, «погубила его» и играть он сможет, лишь развязавшись с ней. Любовь Альберта идеалистична, Ефимова – жестоко эгоистична.

Восприятие окружающих Альбертом и Ефимовым разнится. Альберт относится к людям из своего окружения как ценителям его искусства игры на скрипке, он щедро делится своей музыкой, заставляя героев погружаться в мир чувств. Ефимов играет роль Ферсита («он сделался каким-то домашним Ферситом»³) – празднословного, злоречивого персонажа из мифов Древней Греции: своё искусство считает благородным, себя – талантливым скрипачом, а не ремесленником, поэтому часто критикует своего друга молодости, музыканта Б., и всех скрипачей, которых слышит, считая при этом себя талантливей всех. И всё же объединяет Ефимова и Альберта то, что, одновременно принимая помощь, они её отвергают, предпочитают свободу и одиночество.

И в том, и в другом произведении возникает мотив суда героя над самим собой. В «Неточке Незвановой» приговор самому себе Ефимов произносит в присутствии Неточки: «– Это не я, Неточка, не я, – говорил он мне, указывая дрожащею рукою на труп. – Слышишь, не я; я не виноват в этом. Помни, Неточка!»⁴ Понимая в душе, что несёт ответственность за смерть жены, Ефимов пытается отказаться от этого и оправдаться в глазах Неточки.

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 186.

Пребывая в состоянии забытья, Альберт также слышит суд над самим собой в лице Петрова, считающего его гением, и Делесова, осуждающего его жизнь и поведение. В момент суда примечательно и символично описание природы.

(1) *«За ночь на камнях мостовой выпал снег и шёл теперь мелкими хлопьями. Было холодно; я дрогла до костей и бежала за батюшкой ... Мы шли с четверть часа; наконец он повернул по скату тротуара на самую канаву и сел на последней тумбе. В двух шагах от нас была прорубь»¹.*

(2) *«На дворе действительно было холодно, но Альберт не чувствовал холода, – так он был разгорячён выпитым вином и спором². ... На пороге залы Альберт увидел луну и воду. Но вода не была внизу, как обыкновенно бывает, а луна не была наверху: белый круг в одном месте, как обыкновенно бывает»³.*

Фон развёртывания событий в обоих произведениях схож – это холод, зима. Оба героя видят воду: для Егора Ефимова – это знак конца, точки невозврата, а для Альберта – это видение (луна и вода вокруг), которое может стать последним моментом в его жизни: его находят почти бесчувственного, бормочущего «*Да я жив...*». Состояние забытья для Альберта не является горьким, не делает его несчастным в отличие от Ефимова, не помнящего себя и не находящего себе места.

Заключение

На основании всего сказанного можно сделать следующие выводы.

При описании жизни героев в оппозициях *богатство – бедность, оседлость – странничество, высокое – низкое* образ музыканта, создаваемого Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым, часто находится в ситу-

ации вторых частей оппозиции: крайняя бедность, постоянная нехватка денег, принятие их со стороны как подаяния; отсутствие своего дома у Альберта или долгие годы скитаний Ефимова до Петербурга, где местом его жилья становится чердак; «высокая» музыка, создаваемая героями, и состояние постоянного алкогольного опьянения и унижения, испытываемого музыкантами.

Двойственная природа искусства: с одной стороны, музыка – это постоянный труд (музыкант Б.), не терпящий фальши, требующий не зарывать талант; с другой стороны, сильное эмоциональное потрясение, которое заставляет героев обращаться к спиртному, являющемуся для Ефимова способом заглушить тоску по неизбывному, для Альберта – способностью чувствовать силу, чтобы играть и заставлять слушателя испытывать чувства. Здесь проявляется деструктивная сила музыки, воздействующая на её создателя.

В описании Л. Н. Толстого музыка – это путешествие в мир чувств, для характеристики которого используются как полные прилагательные, так и краткие, свидетельствующие о времени пребывания в этом состоянии, а для Ф. М. Достоевского – это и есть душа, чувства человека (используется ряд полных прилагательных как способ выражения постоянства, непреходящих ценностей и истины).

При всей несхожести художественных принципов особые черты рассматриваемых произведений свидетельствуют об общности взглядов и мировоззрения писателей в отношении данной темы.

Статья поступила в редакцию 23.11.2021.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. Повести и рассказы. 1848–1859. Л.: Наука, 1972. С. 186.

² Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 3: Повести и рассказы. 1857–1863. М.: ГИХЛ, 1951. С. 50.

³ Там же. С. 54.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровская Е. Р. Образ скрипки в русской прозе о художнике // *Художественная словесность: теория, методология исследования, история: коллективная монография*. М.: Литера, 2018. С. 211–226.
2. Боровская Е. Р. Портретирование музыкальной темы с вариациями в повести Л. Н. Толстого «Альберт» // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование*. 2014. № 1 (12). С. 29–36.
3. Димитриева О. А. «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) // *Мир русского слова*. 2019. № 3. С. 56–61.
4. Дубова М. А. Глаголы речи как способ характеристики мироощущения персонажа (на материале рассказа Л. Н. Толстого «Альберт») // *Лекантовские чтения: материалы Международной научной конференции, Москва, 20 ноября 2020 г. / отв. ред. Н. А. Герасименко*. М.: МГОУ, 2020. С. 135–139.
5. Ломакина О. В. Вербализация концепта «грех» фразеологическими средствами в языке Л. Н. Толстого // *Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции / под общ. ред. К. Р. Галиуллина*. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. С. 130–134.
6. Мананикова А. Ю. Образ скрипача и тема скрипки у Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: опыт сопоставления // *Синтез в русской и мировой художественной культуре: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти А. Ф. Лосева, Москва, 19–20 ноября 2020 г. Ярославль: Литера, 2021. С. 114–120.*
7. Можарова М. А. «Храм убежища» у И. В. Киреевского и Л. Н. Толстого // *Русская речь*. 2013. № 2. С. 9–14.
8. Ренанский А. Л. Грех художника и химеры искусства (жизнеописание скрипача Егора Ефимова в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова») // *Российский гуманитарный журнал*. 2014. Т. 3. № 5. С. 321–341.
9. Романова Н. Н. Евангельский текст в романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» // *Проблемы исторической поэтики*. 2012. № 10. С. 125–132.
10. Тихомиров Б. Н. Достоевский и его персонажи в театральных креслах, на концертах и в увеселительных заведениях. 1837–1849 (из материалов к энциклопедическому справочнику «Петербург Достоевского») // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 4. С. 5–56.
11. Трошкова Д. А. О музыкальных инструментах Егора Ефимова в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2019. № 2 (6). С. 225–230.
12. Фатюшина Е. Ю. Повесть «Альберт» как художественный эксперимент Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 13 с.

REFERENCES

1. Borovskaya E. R. [The Image of the Violin in Russian Prose about the Artist]. In: *Khudozhestvennaya slovesnost': teoriya, metodologiya issledovaniya, istoriya* [Artistic Literature: Theory, Research Methodology, History]. Moscow, Litera Publ., 2018, pp. 211–226.
2. Borovskaya E. R. [Portrait of a Musical Theme with Variations in L. Tolstoy's Story "Albert"]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philological Education], 2014, no. 1 (12), pp. 29–36.
3. Dimitrieva O. A. ["In Russia, Drunk People are the Kindest in Russia ..."] (On the Image of a Drunkard in the Works of F. M. Dostoevsky). In: *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], 2019, no. 3, pp. 56–61.
4. Dubova M. A. [Verbs of Speech as a Way of Characterizing the Attitude of a Character (On the Material of L. Tolstoy's Story "Albert")]. In: Gerasimenko N. A., ed. *Lekantovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 20 noyabrya 2020 g.* [Lekant's Readings: Materials of the International Scientific Conference, Moscow, November 20, 2020]. MRSU Ed. off. Publ., 2020, pp. 135–139.
5. Lomakina O. V. [Verbalization of the Concept of "Sin" by Phraseological Means in the Language of L. Tolstoy]. In: Galiullin K. R. ed. *Nauchnoe nasledie V. Bogorodickogo i sovremenniyi vektor issledovaniy Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [The Scientific heritage of V. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School: Proceedings and Materials of the International Conference]. Kazan, Kazan (Privolzhsk) State University, 2018, pp. 130–134.

6. Manannikova A. Yu. [The Image of the Violinist and the Theme of the Violin by L. Tolstoy and F. Dostoevsky: The Experience of Comparison]. In: *Sintez v russkoi i mirovoi khudozhestvennoi kul'ture: materialy XXI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati A. Loseva, Moskva, 19–20 noyabrya 2020 g.* [Synthesis in Russian and World Artistic Culture: Materials of the 21st All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of A. Losev, Moscow, November 19–20, 2020]. Yaroslavl, Litera Publ., 2021, pp. 114–120.
7. Mozharova M. A. [“Temple of Refuge” by I. Kireevsky and L. Tolstoy]. In: *Russkaya rech* [Russian Speech], 2013, no. 2, pp. 9–14.
8. Renanskii A. L. [The Sin of the Artist and the Chimera of Art (Biography of the Violinist Egor Efimov in F. Dostoevsky's Novel “Netochka Nezvanova”)]. In: *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2014, vol. 3, no. 5, pp. 321–341.
9. Romanova N. N. [The Gospel Text in F. Dostoevsky's Novel “Netochka Nezvanova”]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2012, no. 10, pp. 125–132.
10. Tikhomirov B. N. [Dostoevsky and His Characters in Theater Chairs, at Concerts and in Places of Entertainment. 1837–1849 (From Materials for the Encyclopedic Reference Book “Dostoevsky's Petersburg”)]. In: *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoevsky], 2019, no. 4, pp. 5–56.
11. Troshkova D. A. [About Egor Efimov's Musical Instruments in F. Dostoevsky's Novel “Netochka Nezvanova”]. In: *Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2019, no. 2 (6), pp. 225–230.
12. Fatyushina E. Yu. *Povest' “Al'bert” kak khudozhestvennyi eksperiment L. N. Tolstogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Story “Albert” as an Artistic Experiment of L. Tolstoy: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2005. 13 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева; e-mail: olgaal_79@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Dimitrieva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian and Chuvash Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University; e-mail: olgaal_79@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Димитриева О. А. Об особенностях образа музыканта в романе Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» и повести Л. Н. Толстого «Альберт» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 68–77.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-68-77

FOR CITATION

Dimitrieva O. A. Features of the Musician's Image in F. Dostoevsky's Novel “Netochka Nezvanova” and L. Tolstoy's Story “Albert”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 68–77.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-68-77

УДК 82.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-78-83

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ОБРАЗА ВРАЧА В ПРОЗЕ А. И. КУПРИНА

Тихомирова А. О., Ильина Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Дифференцировать образы медиков и выявить специфику их раскрытия в прозе А. И. Куприна.

Процедура и методы. Рассмотрены разноплановые образы врачей в малой прозе и крупных произведениях. Проанализированы социальный аспект раскрытия подоплёки отдельных ситуаций, воспроизведённых И. А. Куприным, а также психологическая составляющая изображаемых характеров. Используются сравнительно-сопоставительный, описательный и герменевтический методы исследования.

Результаты. В работе сделан вывод, что посредством представления мировоззрения и поведения персонажей-медиков писатель заострил нравственно-этические вопросы и представил идею ценности человеческой жизни. В раскрытии разнообразных аспектов образов врачей содержательная сторона органично связана с художественной формой её реализации. Использование различных приёмов психологизма придаёт прозе писателя достоверность и убедительность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут послужить теоретическим подспорьем для дальнейшего научного исследования медицинской тематики в текстах художественной литературы и для лекционных материалов по русской литературе XX в. – углублённых курсов по творчеству А. И. Куприна – на филологических факультетах высших учебных заведений.

Ключевые слова: авторская концепция, деталь, образ врача, сюжет, философия жизни и смерти, этические вопросы

A MULTIFACETED IMAGE OF A PHYSICIAN IN A. KUPRIN'S PROSE

A. Tikhomirova, E. Ilyina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoi ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of the work is to differentiate the images of physicians and to identify the specifics of their characterization in A. Kuprin's prose.

Methodology. Various images of physicians in small prose and large works are considered. The social aspect is analyzed in revealing the background of individual situations reproduced by Kuprin, as well as the psychological component of the characters portrayed. The research relies on comparative, descriptive and hermeneutical methods.

Results. The paper concludes that in the worldview and behavior of medical characters, the writer touches upon moral and ethical issues and the idea of the value of human life. In portraying of various aspects of the images of physicians, the content side is organically connected with the artistic form of its implementation. The use of various psychological methods makes the writer's prose credible and persuasive.

Research implications. The results of the paper can serve as a theoretical background for further scientific research of medical topics in fiction, and can be used for lecture materials on Russian literature of the twentieth century and, in particular, on the work of A. I. Kuprin at philological faculties of higher educational institutions.

Keywords: author's concept, detail, image of a doctor, plot, philosophy of life and death, ethical issues

Введение

Гуманистическая направленность произведений Александра Ивановича Куприна возвращена его тяжёлой биографией: сиротство, бедность, жестокое обращение матери в детстве, тяжёлые условия военного обучения [4]. Помимо непростых жизненных обстоятельств, писателя одолевали различные болезни. Многие родственники А. И. Куприна имели медицинские профессии. Помимо этого, он сам одно время учился на зубного врача, а также работал в морге¹.

Тема медицины, связанные с ней раздумья о человеческих болезни и смерти широко представлены в художественном и документальном творчестве А. И. Куприна. В его рассказах часто встречается образ доктора. В запечатлении психологического облика, высот профессионализма или его отсутствия, разнонаправленных устремлений врачей, выведенных крупным планом в том или ином произведении, выражено обобщённое авторское представление о созидании и разрушении, о способности индивидуума, имеющего самую гуманную профессию в мире, совершить некий прорыв, даже подвиг, или равнодушно пройти мимо болящих и страждущих в абсолютной уверенности в собственной непогрешимости.

Подобно многим купринским произведениям, в которых идёт речь о представителях разных специальностей и профессий, в рассказах о врачах авторское внимание сосредоточено в первую очередь на воссоздании внутренних порывов, душевных импульсов персонажей, нравственной (или безнравственной) мотивации их действий.

¹ Тришина А. Александр Куприн и медицина // Гатчинка.рф: областная интернет-газета. URL: <http://gatchinka.ru/nb/aleksandr-kuprin-i-meditsina.html> (дата обращения: 08.01.2022).

Типология образов врачей в прозе А. И. Куприна

Масштабно и углублённо взгляды А. И. Куприна прослеживаются на контрасте нескольких тематически похожих, но разных по развязке произведений. Думается, можно соотносить по «наполнению» содержания и по сюжетной основе рассказы «Детский сад» (1897), «Чудесный доктор» (1897) и «Слон» (1907) – их объединяет мотив болезни ребёнка. Но пафос у каждого из произведений разный: в «Чудесном докторе» и в «Слоне» – это исцеляющее чудо, а в «Детском саде» – это жестокость общественного устройства, о которую разбивается надежда нищего писца Ильи Самойловича Бурмина на выздоровление дочки Сашеньки.

Желание Нади, героини рассказа «Слон» («хотела настоящего, живого слона»²), сбывается, и девочка выздоравливает после долгой депрессии. Осуществлённая же мечта Сашеньки («Детский сад») о посещении общественного сада оборачивается иллюзией и не спасает её от смерти. Судьбы детей определяются в авторской оценке именно моральной позицией героев-врачей, играющей решающую роль в вопросе жизни и смерти.

Доктор Михаил Петрович даёт мудрый совет матери Нади: «Исполняйте все её капризы»³, – и следование данному совету помогает родителям девочки вернуть ей прежнюю жизнерадостность. Образ доктора из рассказа «Детский сад» поначалу привлекает к себе читательское внимание, кажется возвышенным: врач не берёт денег с бедных людей. Но одна яркая деталь разрушает эту иллюзию: «Доктор спустился в подвал, где Бурмин занимал правый

² Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 400.

³ Там же. С. 398.

задний угол, и долго искал места для своей *енотовой шубы*. Но так как все места были сыры и грязны, то он остался в шубе» (курсив наш. – Е. И.)¹. Дорогая, комфортная одежда и страх врача испачкать её – это, конечно, ещё не показатель душевной скудости человека. Однако с каждым дальнейшим словом персонажа подспудно проявляется его внутренний облик. Доктор даёт стандартные рекомендации по лечению болезни Сашеньки (например, «морские купания» на «южном берегу Крыма»²), хотя в глубине души наверняка понимает, что Бурмин не сможет их выполнить: у писца нет средств даже на хорошее питание для дочери. Стремящийся выказать свою «гуманность» по отношению к простому народу (проявляя её в бесплатности своих консультаций), богатый и холёный доктор на самом деле абсолютно равнодушен к судьбе нищего обречённого ребёнка, а доверчивая детская душа и её трогательная надежда на просветление окружающего мира всегда были центром авторского внимания. По мысли Б. Хатидже, «вера ребёнка показана как непосредственное и бессознательное состояние» [3, с. 10]. Гибель ребёнка – это гибель чистого цветка, ростка добра в насквозь прогнившем мире.

Сергей Фирсыч Смирнов из рассказа «Мелюзга» (1907) совершенно искренне считает себя врачом, хотя он всего лишь фельдшер. Себялюбивый и самоуверенный, живущий в глухомани, оторванной от цивилизации, Смирнов «знает в медицине решительно всё и по всем отраслям. По крайней мере сам он в этом так глубоко убеждён, что к учёным врачам и к медицинским авторитетам относится даже не с презрением, а со снисходительной жалостью. Лечит он без колебаний и без угрызений совести, ставит диагноз мгновенно»³, кричит на пациентов и тратит на их «лечение» всего три минуты. Знаменательным

становится тот факт, что Смирнов так же, как и его друг-недруг учитель Астреин, – «неудавшиеся попы»⁴, занимающие чужое место в жизни. Учитель земской школы, пьющий на уроках, и гордый своим призванием «врач» давно погрязли во взаимных ненависти и презрении, однако в глубокой провинции, окружённой непроезжими дорогами, их преодолению тянет друг к другу. Символическое название «Мелюзга» воссоздаёт двойственное авторское отношение к героям. С одной стороны, нотки сочувствия слышны в сцене монолога Астреина, где он рассуждает о значимости свершений не только великого архитектора, но и обычного «мелкого» каменщика, закладывающего кирпичи в общий фундамент мироздания. С другой – «мелюзгой» обозначается нравственное вырождение бывших «духовных» лиц. Именно поэтому судьба карает Смирнова: перед тем, как фельдшер погиб в реке, «ему послышался ... густой, частый звон колокола»⁵. Эта деталь призвана подвести читателя к мысли о высшем, Небесном Суде над героем. За пренебрежение к чужим жизням Смирнов поплатился собственной, а вместе с ним утонул и Астреин. От работы врача и учителя напрямую зависит основа жизни человечества на физическом и моральном уровнях – неудивительно, что А. И. Куприн заостряет внимание на саморазрушении обоих: тонут они в бурлящей водной стихии. По мнению Т. А. Каймановой, учитель Астреин во многом является носителем авторской философии (вспомним, например, монолог о русском менталитете или уже упомянутое высказывание о пользе труда человека каждой профессии): «все мечтатели и все влюблённые в жизнь в рассказах Куприна – это он сам, цельный и непосредственный человек»⁶. Показательно, что персонаж, претендующий на роль протагониста, – умный, рассуждающий об эволюции человеческих способностей, – свой дар загубил, духовно опустился. Остаётся

¹ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 151.

² Там же. С. 152.

³ Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 453.

⁴ Там же. С. 453.

⁵ Там же. С. 477.

⁶ Купринская энциклопедия / гл. ред. Т. А. Кайманова. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2016. С. 17.

только гадать, какую пользу Астреин принёс бы обществу, если бы он серьёзно относился к делу воспитания и образования детей, подобно тому, каким бесценным в отрезанной от цивилизации глуши могло оказаться будничное трудолюбие фельдшера.

Медицинские ошибки всегда сопряжены у А. И. Куприна с проявлением душевной слепоты, эгоцентризма и безразличия. Так, безымянный врач-психиатр из рассказа «Путаница» (1907) счёл душевнобольным здорового человека, принудительно отправил его лечиться и этим сломал человеку жизнь. Внешняя занимательность интриги, увлекательный сюжет, динамика повествования не устраняют чудовищного по своей силе финала: герой оказывается надолго запертым в психиатрической больнице и в итоге сходит с ума. Доктор Ильяшенко из рассказа «Корь» (1904) посоветовал студенту Вознесенскому прочесть богача-псевдопатриота Завалишина, вступив в любовную связь с его супругой: заронил эту идею в сознание молодого человека, практически «дал добро» на совершение гнусного поступка и тем самым, возможно, спровоцировал дальнейшие драматические события.

Подчёркнуто контрастным, по сравнению с предыдущими художественными образами, представляется герой знаменитого «Чудесного доктора», написанного в том же году, что и «Детский сад». В рассказе А. И. Куприн предлагает альтернативный сюжет о богатом докторе и нищей маленькой пациентке. Рассказ основан на реальных событиях¹, но дополнен и расцвечен силой авторского воображения, построен на антитезах: свет нарядных предновогодних улиц – всепоглощающая тьма крохотной лачуги, повсеместно распространённая безжалостность – побеждающие её милосердие и благородство, тотальное отчаяние в зачине рассказа – радость жизненных перспектив в финале. Профессор Пирогов

сделал всё, что было в его силах, чтобы помочь семье Мерцаловых, у которых заболела дочь. Выдающимся образом врачей в художественной прозе А. И. Куприна свойственны бескорыстное желание помочь человеку, оказавшемуся в трудной ситуации (доктор Калинович из рассказа «Винная бочка» (1914)), беспокойство о жизни и здоровье пациента, стремление предостеречь его от ошибок (доктор Лиховицын, персонаж рассказа «В цирке» (1902)).

В теме болезни А. И. Куприн заостряет *этические вопросы*. Некоторых персонажей-врачей сложно однозначно соотносить по признаку авторских симпатий или антипатий: их поступки можно оценить с разных позиций. В рассказе «Светлый конец» (1913) домашний врач Иван Андреевич скрывает от больного князя Атяшева страшную правду: князь неминуемо умрёт со дня на день. Нанятый в Ялте врач – профессор Пятницкий – оказался прямолинейным человеком: он открывает герою страшную правду. Что лучше – ложь во спасение или горькая истина? Инженер Андрей Ильич Бобров (повесть «Молох», 1896) испытал тяжёлое разочарование в любви. Имел ли право доктор Гольдберг исполнять просьбу полубезумного от горя Боброва о дозе морфия, зная, что Андрей Ильич страдает зависимостью от этого наркотика и лишь недавно «начал упорную борьбу»² с ней? Доктор Клименко из повести «Яма» (1915) проводит регулярные гинекологические осмотры проституток: это закономерно или должно отталкивать в своём бесстыдном цинизме? С одной стороны, доктор оберегает здоровье женщин, а с другой – определяет проституцию относительно безопасной профессией, а значит, более доступной, привлекательной и оправданной. А. И. Куприн оставляет все эти вопросы открытыми. Да, на поверхности читателю может показаться, что доктор Клименко не совершает ничего плохого. Но задумываться об этичности его поведения нас заставляет ещё один эпизод повести: когда в публичном доме проходил общий

¹ Роженцева Е. Чудесный доктор. К 210-летию Николая Ивановича Пирогова // Издательство «Русское слово»: [сайт]. URL: <https://русское-слово.рф/articles/176136> (дата обращения: 15.01.2022).

² Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 5.

гинекологический осмотр, в уборной повесилась проститутка Женька. Узнав о произошедшем, «на крики пришёл доктор... Именно, *пришёл*, а не *прибежал*»¹. Как отмечает А. И. Куприн, доктор за время своей практики научился быть равнодушным к страданиям людей. Профессиональный, но бездушный врач не сможет принести пользу людям. Публичный дом на Ямках является собирательным образом пороков всего российского общества, что заостряет значимость происходящих в повести событий [1].

При раскрытии образа врача А. И. Куприн порой не столько затрагивает его способность к милосердию или подвигу ради спасения чужой жизни (аспект, затронутый выше), сколько показывает его силу духа, проявляемую при переживании собственных несчастий, и способность к самопожертвованию. В рассказе «Нарцисс» (1897) стареющий уездный доктор Матвей Кузьмич, видя влюблённость своей молодой жены Виктории в приезжего репетитора-студента Санина, готов не препятствовать их связи ради счастья любимой женщины: «Делайте что угодно... только... только, прошу вас... не обращайтесь меня в сказку города. Мне это было бы слишком тяжело ... Викторию Ивановну я обожаю, даже больше – я молюсь на неё»². Многочисленные паузы в речи Матвея Кузьмича свидетельствуют о том, насколько трудно даётся ему решение отказаться от супружеских прав на Викторию, смириться с её любовником. Но он всё же готов на такую жертву, чтобы привнести в жизнь Виктории, страдающей от немоты и нервных припадков, новые краски. Чем сложнее выбор героя, тем сильнее его благодарность студенту, когда тот отказался от предложения: читательское восприятие душевных коллизий дополняет многогранность образа доктора даже в столь малом объёме художественного текста. Рассказ

«Бонза» (1896) дополняет обозначенную характеристику высокого профессионала. Невосполнимая потеря четверых детей и расставание с женой не смогли сломить Дмитрия Субботина. По А. И. Куприну, страдания закаляют и очищают душу: наблюдать мучения и смерти людей во время каждодневной работы, неоднократно переносить трагедии в семейной жизни и при всём этом сохранить доброту и чуткость – большой духовно-нравственный подвиг, на который способен далеко не каждый человек.

Заключение

С темой болезни и образом медика у писателя Александра Куприна связана его *философия жизни и смерти*: врач обречён вечно стоять на их границе. Как справедливо заметила Л. А. Смирнова, собственные воззрения писатель «всегда выражал эмоционально открыто и художественно убедительно» [2, с. 266]. Врач порой является последней надеждой для героев А. И. Куприна. Если он бессилён помочь, его пациент гибнет («Детский сад», «Светлый конец»). Врач вынужден часто находиться бок о бок со смертью и смотреть ей в глаза («Мясо», 1895). Врач – единственный человек, способный сразиться со смертью и выйти победителем из данного сражения. Жизнь всегда очень ценилась А. И. Куприным, поэтому писатель требователен к её защитникам – к людям в белых халатах: чтобы спасти человека, им нужно быть гуманными, способными к бескорыстной, самоотверженной помощи ближнему. Чётко проведённая в творчестве А. И. Куприна концепция веры в справедливость *исцеления* основывается на тяготении к достоверности воспроизведённых событий (рассказ «Чудесный доктор»). В свою очередь, суровая «правда жизни» раскрывается посредством разных форм психологизма – детализации, «штриховых» внутренних портретов, т. е. подтекстовой авторской характеристики.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022.

¹ Куприн А. И. Яма. Гранатовый браслет. Олеся. Поединок. Суламифь: Повести. М.: Мартин, 2014. С. 246.

² Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2 / под ред. П. Вячеславова. М.: Правда, 1964. С. 101.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломова Е., Хавайдарова М., Есимбек С. Морально-этическая концепция художественной прозы А. Куприна // *Science of Europe*. 2020. № 48. С. 48–51.
2. Смирнова Л. А. Прозаики Серебряного века. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 360 с.
3. Хатидже Б. Троице-Сергиева лавра в художественном восприятии писателей XX века (А. И. Куприн, И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 27 с.
4. Шалацкая Т. П. Автобиографизм прозы А. И. Куприна // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные исследования*. 2018. № 2 (19). С. 92–94.

REFERENCES

1. Lomova E., Khavaidarova M., Esimbek S. [Moral and Ethical Concept of A. Kuprin's Fiction]. In: *Science of Europe*, 2020, no. 48, pp. 48–51.
2. Smirnova L. A. *Prozaiki Serebryanogo veka* [Prose Writers of the Silver Age]. Moscow, MRSU Ed. Off. Publ., 2014. 360 p.
3. Khatidzhe B. Troitse-Sergieva lavra v khudozhestvennom vospriyatii pisatelei XX veka (A. I. Kuprin, I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Trinity Lavra of St. Sergius Lavra in the Artistic Perception of Writers of the 20th century (A. Kuprin, I. Shmelev, B. Zaitsev): Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2019. 27 p.
4. Shalatskaya T. P. [Autobiographical Prose of A. Kuprin]. In: *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Series: Humanitarian Research], 2018, no. 2 (19), pp. 92–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихомирова Алла Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: allaostromirova@mail.ru

Ильина Екатерина Анатольевна – магистрант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: ilkat98@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla O. Tikhomirova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: allaostromirova@mail.ru

Ekaterina A. Ilyina – Master's Degree Student, Department of Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: ilkat98@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тихомирова А. О., Ильина Е. А. Многоаспектность образа врача в прозе А. И. Куприна // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2022. № 2. С. 78–83.

DOI: [10.18384/2310-7278-2022-2-78-83](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-2-78-83)

FOR CITATION

Tikhomirova A. O., Ilyina E. A. A Multifaceted Image of a Physician in A. Kuprin's Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 78–83.

DOI: [10.18384/2310-7278-2022-2-78-83](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-2-78-83)

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-84-89

И. С. ТУРГЕНЕВ И Г. Э. БИЧЕР-СТОУ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРИКАТУРЫ

Тюняева О. Д.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать историю творческих и личных контактов И. С. Тургенева с Г. Бичер-Стоу.

Процедура и методы. Содержание исследования составляет анализ писем И. С. Тургенева, в которых есть упоминания о Г. Бичер-Стоу. Проводится сравнение романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» с повестью И. С. Тургенева «Постоялый двор». Подчеркивается, что общность тематики этих текстов была обусловлена сходством социальных проблем России и США. При анализе используется метод сравнительно-исторического литературоведения.

Результаты. Пристальный анализ показывает внутреннее неприятие И. С. Тургеневым пафоса американской писательницы, что обусловлено как личными причинами, так и новым вектором его творчества, который намечался в начале 1850-х гг.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в расширении представлений о связях И. С. Тургенева с писателями США. Практическая значимость работы состоит в том, что представленный в статье материал может использоваться в качестве расширенного комментария к произведениям и письмам И. С. Тургенева.

Ключевые слова: Г. Бичер-Стоу, крепостное право, рабство, Россия, США, И. С. Тургенев

I. TURGENEV AND H. BEECHER STOWE: THE STORY OF ONE LITERARY CARICATURE

O. Tyunuaeva

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose is to analyze the history of Turgenev's creative and personal contacts with Beecher Stowe.

Methodology. The paper analyzes Turgenev's correspondence featuring the name of Beecher Stowe. The author compares Beecher Stowe's novel "Uncle Tom's cabin" and Turgenev's short novel "The inn". We stress that these texts have thematic closeness as social problems in Russia and USA were common. The analysis is based on the comparative method of investigation.

Results. A detailed analysis reveals Turgenev's internal protest against American writer's attitude, possibly due to both personal reasons and his new creative plans since early 1850s.

Research implications. The obtained results make it possible to widen the knowledge about Turgenev's contacts with American writers. In practice the paper may be used for enhanced comments on Turgenev's writing.

Keywords: G. Beecher Stowe, serfdom, slavery, Russia, USA, I. Turgenev

Введение

На протяжении всей жизни И. С. Тургенев проявлял живой интерес к литературе и культуре США. Автор «Записок охотника» много читал американских писателей, интересовался политическими событиями Нового Света, имел личные связи с многими литераторами США.

Среди личных контактов И. С. Тургенева с американскими литераторами мало освещённой остаётся история личных и литературных связей русского писателя с Г. Бичер-Стоу, прославившейся в США и Европе своим романом «Хижина дяди Тома» (1852 г.), в котором поднималась проблема рабства. Этому эпизоду творческой биографии И. С. Тургенева ранее почти не уделяли внимание исследователи. Комментаторы «Полного собрания сочинений и писем» в 30 т. ограничивались лишь краткими замечаниями о знакомстве и литературных пересечениях писателя с Г. Бичер-Стоу¹. Несколько более пространно эта история освещена в статье В. Александрова «Тургенев и Америка его времени» (“*Tourguéniev et l'Amérique de son temps*”) [7]. Однако до настоящего времени она не становилась предметом подробного анализа.

Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» и повесть И. С. Тургенева «Постоялый двор»

На протяжении XIX в. у России и США существовал постоянный интерес к общественной жизни друг друга, который был обусловлен в том числе схожестью социальных проблем: рабством негров в Америке и крепостным правом в России, параллели между которыми постоянно проводились как в американской журналистике, так и в русской демократической прессе [5, с. 105].

Проблематика романа «Хижина дяди Тома» не могла не привлечь внимание русского либерально настроенного читате-

ля. Впервые на русском языке роман был опубликован в 1853 г.² Позже перевод был опубликован в 1857 г. в качестве приложения к журналу «Русский вестник», а затем – как бесплатное приложение к первому номеру «Современника» за 1858 г.

Что касается И. С. Тургенева и Г. Бичер-Стоу, современники увидели определённую близость между темами их сочинений едва ли не сразу. В письме к И. С. Тургеневу от 12 (25) апреля 1853 г. П. В. Анненков обратил внимание на сходство Акима из повести «Постоялый двор» с дядей Томом, главным героем романа американской писательницы: «Поглядите-ка, что делает теперь на свете другой Аким, дядя Том, с своей хижинкой»³. Влияние одного произведения на другое, в данном случае, исключается, т. к. тексты были написаны практически в одно время. Однако П. В. Анненков чувствовал и полемичность этих образов. Недаром в том же письме он рассуждал: «но по всем вероятностям, в седые наши головы не прибавится и лишнего седого волоса, когда дядя Том – забвен будет. ... Но дядя Том и дядя Аким есть полемика, а не создание»⁴. С художественной точки зрения повесть И. С. Тургенева стоит, несомненно, выше романа Г. Бичер-Стоу. Популярность «Хижины дяди Тома» была обусловлена остротой социальной проблематики. Переключки между образами главных героев очевидны на сюжетном уровне. Негр Том, будучи рабом, не мог распоряжаться собственной судьбой. Из хижины, в которой он жил у благородного плантатора Шелби, он в одно мгновение попадает в руки к работоторговцу. Долгие скитания от одного хозяина к другому заканчиваются для Тома трагической гибелью. Раб не властен над своей судьбой, у него не может быть своего дома, родных, близких – вот основной пафос романа. В таком же положении находится Аким. Купленный

¹ Кийко Е. И. Комментарии: И. С. Тургенев. Дым // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 517.

² Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 1986. С. 519.

³ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: в 2 кн. Кн. 1: 1852–1874. СПб.: Наука, 2005. С. 155.

⁴ Там же.

им постоянный двор внезапно по приказу барыни оказывается во власти другого человека. Оставшись на улице, Аким богомольцем отправляется странствовать. Особая религиозность есть и в образе дяди Тома, который читал Евангелие и объяснял неграм, что все равны перед Богом. Но герои И. С. Тургенева в «Постоялом дворе» оказываются более многогранными и сложными, чем в романе американской писательницы. В образах негров Г. Бичер-Стоу отмечает преимущественно положительные черты: их открытость, доброту, детский взгляд на мир. Крепостные И. С. Тургенева – очень разные, противоречивые фигуры. Они сами готовы подставить ближнего (как Кирилловна), предать, обмануть. Да и Аким оказывается фигурой далеко неоднозначной: предприимчивый мужик, питавший слабость к женскому полу, становится богомольцем, что раскрывает иные грани его личности. И. С. Тургенева, в первую очередь, интересует человек в своей сложности; человек, не детерминированный полностью своим социальным положением. Герои же американской писательницы выписаны однообразно и прямолинейно. Социальная проблематика заслоняет в романе все прочие вопросы.

Несмотря на высокую оценку, данную П. В. Анненковым новой повести И. С. Тургенева, критик отмечал тенденциозность проблематики как «Постоялого двора», так и «Хижины дяди Тома» [4, с. 140]. Он имел в виду их направленность против рабства. Подобная тенденциозность, по его мнению, наносила вред художественности.

Как известно из ответа И. С. Тургенева П. В. Анненкову, писатель прочитал произведение Г. Бичер-Стоу уже после работы над своей повестью. «Что же касается до “Дяди Тома”, которого я на днях прочёл – то меня самого поразила мысль – что ведь пожалуй и Аким такого же калибра. Ваше письмо подтвердило это впечатление»¹.

Тем не менее, сравнение «Постоялого двора» с нашумевшим романом американской писательницы могло и не радовать И. С. Тургенева. В начале 1850-х гг. писатель решает изменить свой путь в литературе. В его творчестве происходит смена парадигм – от «старой манеры» к «новой». О внутренней готовности создать нечто большее, чем «Записки охотника», И. С. Тургенев сообщал П. В. Анненкову 28 октября (9 ноября) 1852 г.: «Надобно пойти другой дорогой – надобно найти её – и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров разводящие эссенции ... чтобы влить их потом в маленькие стекляночки...»² Писатель встал на путь создания романа, в котором будут «простые, ясные линии»³. Повесть «Постоялый двор», по своей проблематике ещё близкая «Запискам охотника», являлась переходным этапом к «новой манере». Доказательством этому служит усиление интереса к духовному складу личности центрального героя [1, с. 165]. В 1853 г. И. С. Тургенев писал П. В. Анненкову: «Мужички совсем одолели нас в литературе. ... я начинаю подозревать, что мы, так много возившиеся с ними, всё-таки ничего в них не смыслим»⁴. И. С. Тургеневу не нравилась идеализация крестьян в русской литературе. На деле оказывалось, что образованный слой населения был чужд пониманию внутренней жизни народа.

Г. Бичер-Стоу, в свою очередь, идеализировала американских невольников. И. С. Тургенев, стремившийся уйти от подобного изображения народа, имел основания быть недовольным сравнением своих текстов с нашумевшим американским романом. Вероятно, только репутация борца за свободу угнетаемых крестьян русскому писателю казалась недостаточной [6, с. 20].

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 2. М.: Наука, 1986. С. 220.

² Там же. С. 155.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 233.

Личное знакомство

И. С. Тургенев в скором времени познакомился с Г. Бичер-Стоу лично, о чём сообщал в письме к А. В. Дружинину 5 (17) декабря 1856 г.: «Кстати, Вы такой охотник до литературы; я был представлен г-же Бичер-Стоу; добрая, простая – и представьте! застенчивая американка; с ней две дочери рыжие, в красных бурнусах, с свирепыми кринолинами – престранные фигуры»¹. И. С. Тургенев наделяет Г. Бичер-Стоу не вполне красивым определением – называет её «литературихой». Однако едва ли здесь можно видеть пренебрежительное отношение к женщине-писательнице, поскольку И. С. Тургенев всегда искренне восхищался авторами-женщинами, если они того заслуживали. Видимо, причины были в другом.

В декабре 1856 г. русский писатель действительно жил в Париже², где часто встречался со многими интересными личностями той эпохи. Нет ничего удивительного в том, что его представили американской писательнице, которая в то время путешествовала по Старому Свету. Об этом путешествии поведал сын писательницы Ч. Э. Стоу в книге «Жизнь Г. Э. Бичер-Стоу, составленная из её писем и дневников». В 1856 г.³ писательница действительно была в Париже. В письме к супругу 7 ноября 1856 г. она сообщает о посещении нескольких салонов, о различных интересных знакомствах и светских приёмах. Писательница обращает внимание на впечатление, произведённое во Франции её «Хужиной дяди Тома», отмечает свежесть восприятия романа, словно он только что был опубликован⁴. Никакого упоминания о встрече с И. С. Тургеневым в письмах писательницы обнаружено не было. Но популярность её романа вызывала к ней интерес. Видимо,

известная американка заинтересовала и И. С. Тургенева.

И. С. Тургенев, как и всё прогрессивное русское общество середины XIX в., симпатизировал движению аболиционистов, во время войны Севера и Юга следил за развитием событий. В Спасской библиотеке И. С. Тургенева хранится книга П. Везинье «Мученик за свободу негров или Джон Браун, Христос чернокожих» (1864 г.), посвящённая одному из первых белых аболиционистов в США, которую писатель, по всей видимости, сам купил⁵. А роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» практически без преувеличения называли одной из предпосылок для начала гражданской войны.

Проблема рабства в одинаковой мере волновала русского литератора и американскую писательницу. Но И. С. Тургенев не принимал идеализации угнетаемого населения. Изображение подобного социального конфликта у него корректировалось стремлением изучать человека [2, с. 12]. Г. Бичер-Стоу, напротив, с удовольствием играла роль автора «дяди Тома» и борца за свободу негров.

От реальных событий к литературной карикатуре

История краткой встречи И. С. Тургенева с Г. Бичер-Стоу имела комическое, почти сатирическое продолжение. В письме А. И. Герцену от 23 октября (4 ноября) 1860 г. И. С. Тургенев писал: «По-видимому, город Гейдельберг отличается сочинением сплетней: про меня там говорят, что я держу у себя насильно крепостную любовницу – и что г-жа Бичер-Стоу (!) меня в этом публично упрекала, а я её выругал»⁶. Возникновение сплетни снова связано с репутацией Г. Бичер-Стоу как писательницы, выступающей против рабства. Комичность её образа наводит

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 159.

² Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / сост. Н. С. Никитина. СПб.: Наука, 1995. С. 317–364.

³ Beecher Stowe G. Life of Harriet Beecher Stowe: Compiled from Her Letters and Journals / comp. C. E. Stowe. Cambridge: The Riverside Press, 1890. 536 p.

⁴ Там же. P. 292.

⁵ Балыкова Л. А. Тургенев-читатель. По страницам мемориальной библиотеки: в помощь учителю. Орёл: ОРЛИК, 2005. С. 115.

⁶ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 4. М.: Наука, 1987. С. 252.

на мысль о неприятии И. С. Тургеневым американской писательницы. Его очевидные смущали прямолинейность и какой-то истовый пафос борьбы за свободу в её исполнении. Г. Бичер-Стоу была замужем за священником и богословом К. Э. Стоу, сама была глубоко религиозна. Её христианские взгляды приобретали иногда оттенок экзальтированности. Такая манера поведения была не близка И. С. Тургеневу. Мы не знаем, действительно ли в Гейдельберге ходила про него подобная сплетня, или это был плод писательской фантазии. Ясно одно: И. С. Тургенева продолжала занимать эта женщина. Ему хотелось отделаться от сравнения с ней в глазах современников, нанести ей своеобразный ответный удар.

Эта сплетня в несколько изменённом виде позже нашла отражение в романе «Дым» (1867 г.). Одна из второстепенных героинь, Суханчикова, рассказывает анекдот про своего знакомого. «... я про Тентелеева ещё лучше анекдот знаю. Он, как всем известно, был ужаснейший тиран со своими людьми, хотя тоже выдавал себя за эманципатора. Вот он раз в Париже сидит у знакомых, и вдруг входит мадам Бичер-Стоу, – ну, вы знаете, “Хижина дяди Тома”. Тентелеев, человек ужасно чванливый, стал просить хозяина представить его; но та, как только услышала его фамилию: “Как? – говорит, – смей знакомиться с автором Дяди Тома? – Да хлоп его по щеке! – Вон! – говорит, – сейчас!” И что ж вы думаете? Тентелеев взял шляпу да, поджавши хвост, и улизнул»¹.

Этот сатирический эпизод романа, думается, в полной мере отражает тот образ Г. Бичер-Стоу, который стремился создать И. С. Тургенев: неестественность, наигранность, слепая вера в свою миссию. Любопытно, что Тентелеев, которого отчитывает американка, назван «эманципатором». Борьба за свободу женщин носила у героя явно показной характер. Такой же наигранной представляется и борьба Г. Бичер-Стоу за свободу угнетённых.

Этот эпизод, однако, отражает не само отношение И. С. Тургенева к проблеме рабства, а неприятие им всего искусственного [3, с. 119].

Изобразив Г. Бичер-Стоу в столь комическом свете, И. С. Тургенев тем самым постарался разорвать ассоциативную связь его произведений с нашумевшим романом. Ведь оно мешало И. С. Тургеневу уйти от репутации исключительно борца за свободу крестьян.

Заключение

История личных и литературных контактов И. С. Тургенева с Г. Бичер-Стоу занимает немного места в творческой биографии писателя. Сведения об их знакомстве скудны и отрывочны. Литературные пересечения возникают лишь единожды. Но более пристальный анализ показывает внутреннее неприятие И. С. Тургеневым пафоса американской писательницы, что, возможно, обусловлено как личными причинами, отсутствием симпатии к риторике поведения Г. Бичер-Стоу, так и новым вектором в творчестве И. С. Тургенева, который намечался в начале 1850-х гг. Писатель стремился уйти от главной для него, как казалось многим, антикрепостнической темы, искал нового героя и другой сюжет. А параллели, которые проводили между ним и Г. Бичер-Стоу современники, только усугубляли ситуацию творческого кризиса. Однако история взаимоотношений И. С. Тургенева и Г. Бичер-Стоу составляет немаловажную страницу большой темы «Тургенев и Америка».

Статья поступила в редакцию 05.04.2021.

¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 262.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. А. Об одном нереализованном замысле И. С. Тургенева: на пути от «старой манеры» к «новой» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 163–176.
2. Беляева И. А. Творчество И. С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб.: Нестор-История, 2018. 248 с.
3. И. С. Тургенев: текст и контекст: коллективная монография // под ред. А. А. Карпова, Н. С. Мовниной. СПб.: Скрипториум, 2018. 580 с.
4. Назарова Л. Н. К истории творчества И. С. Тургенева 50–60-х годов // И. С. Тургенев (1818–1883–1958): статьи и материалы. Орёл: Орловское книжное изд-во, 1960. С. 132–158.
5. Николюкин А. Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 408 с.
6. Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. М.: СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.
7. Alexandrov V. Tourguéniev et l'Amérique de son temps // Cahiers. Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibran. 2001. № 25. P. 153–164.

REFERENCES

1. Belyaeva I. A. [About One Unrealized Plan of I. Turgenev: On the Way from the “Old Manner” to the “New”]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2018, no. 6, pp. 163–176.
2. Belyaeva I. A. *Tvorchestvo I. Turgeneva: faustovskie konteksty* [Creativity of I. Turgenev: Faustian Contexts]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 248 p.
3. Karpov A. A., Monina N. S., eds. *I. S. Turgenev: tekst i kontekst* [I. Turgenev: Text and Context]. St. Petersburg, Skriptorium Publ., 2018. 580 p.
4. Nazarova L. N. [On the History of Creativity of I. Turgenev in the 50–60s]. In: *I. S. Turgenev (1818–1883–1958)* [I. Turgenev (1818–1883–1958)]. Oryol, Oryol Book Publ., 1960, pp. 132–158.
5. Nikolyukin A. N. *Literaturnye svyazi Rossii i SShA: Stanovlenie literaturnykh kontaktov* [Literary Ties between Russia and the USA: Formation of Literary Contacts]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 408 p.
6. Rebel G. M. *Turgenev v russkoi kul'ture* [Turgenev in Russian Culture]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 376 p.
7. Alexandrov V. Tourguéniev et l'Amérique de son temps. In: *Cahiers. Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibran*, 2001, no. 25, pp. 153–164.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тюняева Ольга Дмитриевна – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: tyunuaeva@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga D. Tyunuaeva – Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: tyunuaeva@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тюняева О. Д. И. С. Тургенев и Г. Э. Бичер-Стоу: история одной литературной карикатуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 84–89.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-84-89

FOR CITATION

Tyunuaeva O. D. I. Turgenev and H. Beecher Stowe: The Story of One Literary Caricature. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 84–89.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-84-89

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-90-98

О ПОЛНОМ СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ НИКОЛАЯ СЕМЁНОВИЧА ЛЕСКОВА

Михайлов Е. В.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

ON THE COMPLETE COLLECTION OF NIKOLAI LESKOV'S WORKS AND LETTERS

E. Mikhailov

An Independent researcher, Moscow, Russian Federation

27 лет тому назад в московском издательстве «Терра» вышел в свет первый том «Полного собрания сочинений» Н. С. Лескова в тридцати томах (далее ПСС). Этот том был подписан к печати 2 марта 1995 г., но на первой и третьей страницах был означен 1996 г. К настоящему времени свет увидели только 14 томов¹.

При жизни Н. С. Лескова первое его собрание сочинений, подготовленное самим писателем, было выпущено издательством А. С. Суворина в 1889 г. в 10 томах, однако без 6-го. За этот уже напечатанный том, в котором были собраны очерки о духовенстве, автор был арестован. С обновлённым на три четверти материалом том вышел в свет после 10-го в 1893 г., и в том же году был издан 11 дополнительный том, а в 1896 г., после смерти писателя, – 12 том. В 1897 г. это собрание было переиздано с критико-биографическим очерком Р. И. Сементковского в 1 томе. В том же, суворинском, составе собрания сочинений Н. С. Лескова А. Ф. Маркс издал его в 1902–1903 гг. в виде приложения к журналу «Нива». Томов меньшего объёма стало 36, и Маркс назвал это издание полным собранием сочинений.

Вне СССР в 1923 г., в Берлине, в издательстве З. И. Гржебина, были изданы «Избранные сочинения» Н. С. Лескова в 3 томах со вступительной статьёй М. Горького. В 1936 г. в приложении к парижскому журналу «Иллюстрированная Россия» опубликована литературная библиотека из 48 книг, в том числе был издан лесковский пятитомник. В Советской же стране с 1917 по середину 1950-х гг. собрания сочинений Н. С. Лескова не издавались.

21 ноября 1956 г. был подписан к печати первый том лесковского собрания сочинений в 11 томах, изданного Гослитиздатом в Москве (так написано на второй и третьей страницах, а на пятисот восьмой, в сносках 8–9 сказано: Гослитиздат. Ленинградское отделение). Авторами вступительной статьи к первому тому «Н. С. Лесков: (Очерк творчества)» были П. П. Громов и Б. М. Эйхенбаум. Вторым выполнена подготовка текста тома и написаны примечания в нём. Так, в этом лесковском собрании сочинений впервые были введены комментарии.

¹ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Терра, 1996–2022.

После Великой Отечественной войны, с 1948 г. стала выходить в печати популярная библиотека журнала «Огонёк». Здесь сочинения Н. С. Лескова издавались трижды: в 1973 г. – 6 томов, в 1981 г. – 5, в 1989 г. – 12 (под редакцией В. Ю. Троицкого). Как знать, может быть, с этим лесковским собранием связаны результаты анализа вопрошника «Вечерней Москвы» для читателей? 23 сентября 1989 г. в разделе «Классика».¹ Н. С. Лесков был у читателей на втором месте после М. А. Булгакова и перед великим ирландским писателем Джеймсом Джойсом. Среди писателей, упомянутых в этом вопрошнике, есть Е. И. Замятин, которого читатели газеты поставили на десятое место.

В 1988 г. вышли в свет сочинения Н. С. Лескова в 3 томах, их составителем, комментатором и автором вступительной статьи в 1 томе («Труды и жизнь Николая Лескова») был В. А. Туниманов. Позже, при возникновении и реализации проекта ПСС в «Терре», он стал одним из членов его редколлегии до конца своих дней.

В 1993 г. в АО «Экран» было издано 6 томов (7 книг) под редакцией Л. А. Аннинского. В именном указателе собрания лесковские написания имён и фамилий, разумеется, сохранены. Вместе с тем там включаются написания, приближенные к современным нормативным, но не к традиционным.

Творчество Н. С. Лескова в театре и художественных интерпретациях

Интерес к лесковскому творчеству, прежде всего в театре, проявился уже в начале 1920 гг. в СССР. Первая студия Московского Художественного театра (названного в 1919 г. МХАТом) была переименована 13 августа 1923 г. во МХАТ Второй. Первый сезон нового театра был открыт 7 сентября 1924 г. драмой Н. С. Лескова «Расточитель» (преьера этого спектакля состоялась в предыдущем сезоне – 15 марта 1923 г.). В портфеле МХАТа Второго лежал ещё один лесковский материал. Выдающийся актёр и режиссёр А. Д. Дикий (в «Расточителе» он был сорежиссёром и играл роль Молчанова) обратился к

А. Н. Толстому с предложением сделать для театра инсценировку «Левши» Н. С. Лескова. А. Н. Толстой ответил, что инсценировать Н. С. Лескова невозможно. А Евгений Иванович Замятин, к которому следом обратился А. Д. Дикий, дал режиссёру согласие.

Премьера замятинской переделки с названием «Блоха» состоялась 11 февраля 1925 г. и имела оглушительный успех. Е. И. Замятин не то в шутку, не то всерьёз предлагал А. Д. Дикому поместить на обложке театральной программки в качестве эмблемы МХАТа Второго *блоху* вместо мхатовской *чайки*.² В «Блохе» А. Д. Дикий был режиссёром и исполнителем роли «донского казака Платова» (историческое лицо), а «тульского оружейника Левшу» блистательно сыграл Л. А. Волков.

Равновеликой автору текста, режиссёру и актёрам была в этом спектакле работа сценографа – великого художника Б. М. Кустодиева. Это к нему обратился с просьбой Е. И. Замятин: «Единственный художник может дать в пьесе то, что нужно, это – Вы...»³. У Б. М. Кустодиева были рисунки, на которых Н. С. Лесков изображён в виде Святого Духа, а Платов в исполнении А. Д. Дикого – в виде архангела с мечом. К лесковскому творчеству Б. М. Кустодиев неоднократно обращался в 1920-х гг.: иллюстрации к «Штопальщику», «Леди Макбет Мценского уезда» (1923); многочисленные эротические вариации, не предназначенные для печати. Родные художника, опасаясь обысков, уничтожили эти рисунки, обложки и т. д. после его смерти.

Можно упомянуть ещё об одном соотношении в живописи с Н. С. Лесковым: картина «Купание красного коня» К. С. Петрова-Водкина, созданная в 1912 г., сопоставима, на наш взгляд, с эпизодом из «Соборян»⁴.

² МХАТ Второй: Опыт восстановления биографии. М.: Московский художественный театр, 2010. С. 399.

³ Там же. С. 423.

⁴ Ср. у Н. С. Лескова: «Нагой богатырь [это дьякон Ахилла] с буйной гривой чёрных волос ... плыл против течения воды, сидя на достойном его могучем красном коне». Лесков Н. С. Соборяне // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 11. М.: Терра, 2012. С. 94.

¹ Вечерняя Москва. 1989. 23 сент. С. 4.

Считаем также нужным представить список, отнюдь не полный, художников, иллюстраторов, карикатуристов, писавших на лесковские темы: И. С. Глазунова, М. В. Добужинского, Д. А. Дубинского, Кукрыниксов, Д. И. Митрохина, П. Я. Павлинова, Л. А. Эппле.

Творчество Н. С. Лескова в музыке

Не хотелось бы оставить неохваченной важную тему творчества Н. С. Лескова в музыке. 24 марта 1929 г. в Большом театре (тогда он назывался Вторым ГОТОБом) состоялась премьера оперы «Тупейный художник» И. П. Шишова. Создавались пьесы и кинофильмы на эту лесковскую тему. Можно, пожалуй, выделить кинофильм «Драма старинной жизни» (1971, режиссёр И. А. Авербах).

С октября 1930 по декабрь 1932 гг. Д. Д. Шостакович работал над оперой «Леди Макбет Мценского уезда», премьера которой состоялась 22 января 1934 г. в Малом Ленинградском государственном оперном театре. 24 января того же года премьеры оперы Д. Д. Шостаковича под названием «Катерина Измайлова» состоялась в Москве, в государственном Музыкальном театре имени Вл. И. Немировича-Данченко. В 1935 г. в Москве в Театр-студии под руководством Алексея Дикого шёл с большим успехом спектакль «Леди Макбет Мценского уезда». Стоит обратить внимание на это лесковское название в сравнении с оперой Дж. Верди «Макбет», премьера которой в московском Большом театре состоялась 14 апреля 1865 г.

Выделим одну интересную заметку, свидетельствующую о развитии музыкальной лесковианы, – материал Алины Алябовой «Новая опера о главном: Московская премьера «Очарованного странника» Николая Лескова и Родиона Щедрина в исполнении хора, оркестра и солистов Мариинского театра»¹.

¹ Алябова А. Новая опера о главном: московская премьера «Очарованного странника» Николая Лескова и Родиона Щедрина в исполнении хора, оркестра и солистов Мариинского театра // Литературная газета. 2002. 10 окт. С. 9.

Сведения о Н. С. Лескове в разных источниках и их указатели

Стоит привести список биографических справок о Н. С. Лескове в энциклопедических изданиях XX–XXI вв., кроме «Большой советской энциклопедии»: «Литературная энциклопедия»², «Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года»³, «Московская энциклопедия»⁴, «Розановская энциклопедия»⁵, «Православная энциклопедия»⁶.

Не все справки и указатели такого рода характеризуются полнотой. В библиографическом указателе по Н. С. Лескову под общей редакцией И. В. Столяровой были пробелы, а именно отсутствовали: 1) рецензия С. П. Шестерикова на книгу П. Е. Ковалевского о Н. С. Лескове на французском языке⁷ и 2) статья Н. Г. Михайловой⁸. Можно указать и другие пропущенные статьи П. Б. Струве⁹, А. Фёдорова¹⁰, воспоминания А. А. Плещеева¹¹, рецензию П. Сергеича в «Современных записках» (лит. имя;

² Далецкий П. Л. ЛЕСКОВ Николай Семёнович // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 6 / гл. ред. А. В. Луначарский. М.: Советская энциклопедия, 1932.

³ Горелов А. А. ЛЕСКОВ Николай Семёнович // Отечественная история: История России с древнейших времён до 1917 года: 5 т. Т. 3 / гл. ред. В. Л. Янин. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 327–328.

⁴ Уваров С. А. ЛЕСКОВ Николай Семёнович // Московская энциклопедия: в 6 т. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 2: И–М. М.: Московская энциклопедия, 2008.

⁵ Дмитренко С. Ф. ЛЕСКОВ Николай Семёнович // Розановская энциклопедия / сост. А. Н. Никулюкин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

⁶ Агеева Е. А. ЛЕСКОВ Николай Семёнович // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2015. С. 605–610.

⁷ Шестериков С. П. Рецензии. Pierre Kovalewsky. N. S. Leskov. Peintre meconnu de la vie nationale russe. Paris 1925. 8°. XV+266+2 нен. стр. // Красная новь. 1927. № 6. С. 270.

⁸ Михайлова Н. Г. Народный рассказчик и литературный повествователь // Русская речь. 1969. № 5. С. 20–26.

⁹ Струве П. Б. Лесков // Россия и славянство. 1930. 29 июн.

¹⁰ Фёдоров А. У труппы Н. С. Лескова: из личных воспоминаний // Сегодня. Рига. 1932. № 61.

¹¹ Плещеев А. А. Виденное и слышанное // Возрождение. Париж. 1936. 12 июн.

П. С. Пороховщикова) на ту же книгу П. Ковалевского, о которой писал С. П. Шестериков.

В сущности, подобных примеров, поводов достаточно, чтобы убедиться в необходимости издания для современного социума ПСС Н. С. Лескова с актуальным научным комментарием.

Назначение 30 томного ПСС и работа над ним

Известно, что ПСС в 30 томах планировалось как включающее не только издававшиеся при жизни, но и атрибутируемые Н. С. Лескову газетные, журнальные тексты, раздел "Dubia", а также научный комментарий к произведениям, полиаспектные обширные указатели. Главным редактором 30 томного ПСС с первого тома до своей кончины (5.12.1997) был Н. И. Либан.

По моим наблюдениям (я приступил к работе по изданию ПСС в мае 1996 г., так что в 1, 3 и 4 томах не участвовал), Н. И. Либан был титульным главным редактором ПСС, скорее, вдохновителем коллектива лесковедов. Работа же по подготовке томов к изданию велась главным образом И. П. Видуэцкой до конца её дней (23.10.2007). Она была редактором 1, 5, 9 и 10 томов, соредактором со мной – 2 и 7 томов, соредактором с И. В. Столяровой 6, 8 и 10 томов. И. В. Столярова до своей смерти (20.05.2017), кроме указанных соредакторских томов, была соредактором со мной 11 и 12 томов и с С. И. Зенкевич – 13 тома.

В 14 томе ПСС Андрей Петрович Дмитриев указан как главный редактор¹, он выполняет эту роль в настоящее время. Безусловно, с ведома главного редактора тома и С. И. Зенкевич, корректора этого тома², имена двух покойных членов редколлегии – А. А. Горелова и И. В. Столяровой –

окружены траурными рамками, тогда как у имён К. П. Богаевской, И. П. Видуэцкой, Н. И. Либана, В. А. Туниманова и у художника Ю. К. Бажанова таких рамок нет. Это надо исправить. У покойных указаны (кроме Ю. К. Бажанова) даты жизни, хотя представляется, что эти даты было бы уместнее дать в именном указателе, а в начале книги можно было бы привести число томов ПСС, над которыми трудились все члены редколлегии (естественно, в том числе и здравствующие). Например, у К. П. Богаевской могла бы быть такая запись: «Рецензент, тт. 1–7, посмертно учтены рецензентные замечания в тт. 8–11». А у Ю. К. Бажанова, автора суперобложки всех томов, следовало указать: «Тт. 1–14 [и, по-видимому, далее ...]». Дань памяти необходима.

Во имя памяти и справедливости оценок надо вновь обратить внимание на роль в изучении жизни, творчества и особенностей формирования художественного наследия Н. С. Лескова Сергея Петровича Шестерикова.

В 1925 г. литературоведом и библиографом Сергеем Петровичем Шестериковым была написана статья «К библиографии сочинений Н. С. Лескова», опубликованная в «Известиях отделения русского языкознания и словесности» АН СССР³. Работа эта (автору в ту пору не было и 22 лет) была встречена высокими оценками филологов: Б. Л. Модзалевского, М. А. Цявловского, М. П. Алексеева, А. И. Белецкого. Тогда же С. П. Шестериков приступил к главному своему замыслу – «Труды и дни Лескова: Опыт библиографической хронологии». С ноября 1928 г. он жил в Ленинграде, работал в Пушкинском Доме, но в июле 1930 г. был арестован ОГПУ по наговору коллеги Н. В. Измайлова. После пережитого в Магаданских краях С. П. Шестериков был освобождён в конце 1937 г. Разумеется, без права жительства в Москве... Он по-прежнему активно сотрудничал с журналами, был поддержан директором Гослитмузея (ГЛМ) В. Д. Бонч-Бруевичем, который на-

¹ Так он назван в выходных данных, а в информации об авторах указан как научный редактор. См.: Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. М.: Терра, 2021. С. 4, 384.

² Она также член редколлегии. См.: Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. М.: Терра, 2021. С. 4.

³ Шестериков С. П. К библиографии сочинений Н. С. Лескова // Известия Отдела русского языка и словесности АН СССР. 1925. Т. 30. С. 268–310.

значил С. П. Шестерикова редактором двух томов «Летописей Государственного литературного музея» по Н. С. Лескову и характеризовал его высококвалифицированным специалистом, способным всё прокомментировать. Очевидна была для С. П. Шестерикова возможность публиковать в ГЛМ свой труд о Н. С. Лескове, но вмешалась война. С. П. Шестериков пропал на фронт добровольцем, в сентябре 1941 г. был мобилизован. Прощаясь с женой, литературоведом К. П. Богаевской, он сказал: «Если меня убьют, то издайте моего Лескова»¹. Гулаговское прошлое не отпустило С. П. Шестерикова и на фронте. Он был расстрелян НКВД СССР 6 ноября 1941 г. в Вологде. Работа его о Н. С. Лескове не издавна до сих пор. Однако И. П. Видуэцкой никак не следовало в беседе с Т. А. Блажной в «Книжном обозрении»² утверждать, что швейцарская исследовательница – литературовед Инэс Мюллер де Морог – является автором первой полной библиографии произведений Н. С. Лескова, тем более что Ирма Павловна знала от вдовы С. П. Шестерикова о существовании его труда.

В отличие от И. Мюллер де Морог, С. П. Шестериков создал важнейший по полноте свод жизнеописания Н. С. Лескова, включивший не только библиографию лесковских произведений, но и свод его писем, а также писем его адресатов. (Мюллер де Морог переписывалась с К. П. Богаевской, письма эти хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства, я их не читал).

Замечания к 14 тому

Перейдём к замечаниям в отношении именного указателя 14 тома ПСС Н. С. Лескова. На с. 384-й я назван *составителем именных указателей* вместе со С. И. Зенкевич – и, таким образом, ответственен за неточности, которые ниже укажу. Хотя в моей электронной почте хранятся письма С. И. Зенкевич «вокруг» 14 тома, среди высланных ею материалов указателей не было, так что их контрольного чтения я осуществить не мог. Как бы ни хотелось поговорить об этом, ограничимся только замечаниями к именному указателю. Речь пойдёт об упущениях в редакторско-корректорской работе.

Таблица 1 / Table 1

Список замечаний / List of Mistakes

Страница / имя	Замечание
с. 3, с. 563	Необходимость единообразия: на с. 3 написан номер тома 14, на с. 563, в 17 сноске – XIV.
с. 610, 2 св.	Опечатка: <i>аказемии</i> вместо <i>академии</i> .
<i>Афанасьев</i> с. 616, 7 св.	Следует дополнить состав именного указателя.
<i>Баратынский</i>	Родовое имя, по-современному фамилия <i>Е. А. Баратынского</i> имеет варианты: <i>Баратынские</i> или <i>Боратынские</i> (то же у <i>Ласкарины</i>).
<i>Бауэр</i>	Нельзя писать <i>Бауер</i> вместо <i>Бауэр</i> .
<i>Бёмэ</i>	С буквой Ё нужно фиксировать <i>Я. Бёмэ</i> в именном указателе после <i>Бестужева</i> .
<i>Бессонов</i>	В аннотации <i>П. А. Бессонова</i> опечатка, его произведение: « <i>Калики перехожие</i> »
<i>Бибков, Вяземский, Державин</i>	Следует добавить даты назначения должностей сенаторов: <i>Д. Г. Бибкова</i> (12 / 24. XI.1837) <i>П. А. Вяземского</i> (25.12.1855 / 6.1.1856), <i>Г. Р. Державина</i> (2 / 13.9.1793).

¹ Богаевская К. П. Замечательный библиографический дар: С. П. Шестериков по личным воспоминаниям и письмам // Современная библиография. 1991. № 3. С. 91.

² Книжное обозрение. 1996. 14 июня. С. 5.

Продолжение Таблицы 1

Страница / имя	Замечание
Блинов	По Николаю Николаевичу Блинову было бы достаточно указать: «священник, педагог-просветитель, краевед». В аннотации: «исследователь Вятской губернии» было бы излишне, если в биографической справке указаны, в данном случае, места рождения и смерти. Вот информация о Блинове: родился 7 / 19.10.1839 в с. Защижемье Орловского уезда Вятской губ., умер в Сарапуле, центре одноимённого уезда той же губернии, 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.).
Боголюбский	Дата рождения Андрея Боголюбского – между 1120 и 1125 ¹ .
Бубулина	Бубулине или Бобелине действительно было присвоено звание адмирала Российского флота имп. Александром 1-м.
Васильчикова	У Е. А. Васильчиковой следовало бы написать: <i>кн. (1840)</i> – это означает, что она в том году вышла замуж за <i>кн. И. И. Васильчикова</i> , однако в именном указателе даты нет, княгиней Васильчикова не названа, хотя включена излишняя информация, вроде «кавалер-дама, фрейлина Двора» (напечатано: <i>двора</i>).
Веронезе	У художника Веронезе прозвище происходило от топонима Верона, его имя Кальяри не следует объяснять «наст.».
Вишневский	Аннотацию Д. К. Вишневскому надо дополнить: <i>преподаватель Смоленской православной семинарии с 1896</i> .
Вольф	М. О. Вольфу указаны польские имена, но транслитерацию по-русски – Мауриций Болеслав – почему-то не включили.
Вяземский	П. А. Вяземский – товарищ министра народного просвещения (31.8 / 1 2.9.1855–1858).
Гагарина	Точная дата рождения В. Ф. Гагариной не 1836 г., а 1835 г., и надо сказать, что она старшая сестра Н. Ф. Ливен.
Гайдн	Композитора Ф. Й. Гайдна нужно было формально представить иначе: <i>Гайден</i> (так писал Н. С. Лесков); см.: <i>Гайдн</i> . А в указателе находим <i>Гайден, Хайдн</i> . У Ф. Й. Гайдна опечатка.
Гейдены	Графами Священной Римской империи <i>Гейдены</i> стали в 1767 г. Именоваться таким достоинством в России Л. П. Гейдену дозволено именным высочайшим указом от 24.9 / 6.10.1811 г.
Гейзу	<i>Геза II (Гейзу удалить)</i> – король венгров и хорватов.
Герд	<i>Герд (Heard)</i> не <i>Гёрд</i> , а <i>Хезд</i> (так и написать курсивом). О том, как передаётся английское heard по-русски ² .
Григорий I	<i>Григорий I Великий (Двоеслов)</i> , нужно объяснить, что имя это было закреплено по названию одного его трудов «Диалоги»), [Gregorius Magnus] (от 540, Рим – 12.3.604, там же), папа Римский (3.9.590 – 12.3.604), отец и учитель Церкви.
Давыдов	Дата назначения Д. В. Давыдову чина генерал-лейтенанта – 1831 г.
Дашкова	В указателе <i>Дашковой</i> надо записать: <i>кн. (1759)</i> , и это означает, что в этом году она вышла замуж за М. И. Дашкова), урожд. гр. <i>Воронцова</i> .
Дельвиг	Должно быть указано, что А. А. Дельвиг – барон.
Дузтан с. 328, 8 сн.	<i>Дузтан</i> у Н. С. Лескова назван <i>Дузетоном</i> , это имя и нужно включать в именной указатель. Dauze Femd и подлинное его имя, уверен, можно найти во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М. И. Рудомино. Во всяком случае, стоит указать дату завершения Dauze Femd его труда «Таинство креста Иисуса Христа и членов его» – 12 августа 1732 г., когда автор находился в заточении.

¹ Назаренко А. В. Андрей Юрьевич Боголюбский // Православная энциклопедия: в 64 т. Т. 1. М.: Православная энциклопедия, 2000. С. 393.

² Heard // Большой англо-русский словарь: в 2 т. Т. 1 / под ред. И. Р. Гальперина. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1979. С. 640.

Продолжение Таблицы 1

Страница / имя	Замечание
<i>Елизавета Петровна</i>	У имп. <i>Елизаветы Петровны</i> на с. 581 последняя дата на престоле – 1761, а дата смерти – 1762 (ошибка из-за старого и нового стилей).
<i>Изяслав Мстиславович</i>	Указано, что князь <i>Изяслав Мстиславович</i> в крещении был назван <i>ПантелЕймоном</i> , тогда как правильно написать <i>Пантелеймоном</i> .
<i>Иисус Христос</i> с. 553, 13 сн., с. 556, 9 сн., с. 572, 11 св., с. 581, 5 св., с. 600, 21 сн., с. 604, 4 св., с. 607, 7 св., 609, с. 6 сн., с. 611, 9 св., с. 614, 6 св.	В указателе не полно представлено, когда Н. С. Лесков упоминал имя Господа <i>Иисуса Христа</i> , т. е. пропущены страницы, указанные в левом столбце.
<i>Иларион</i>	Дату смерти <i>Илариона</i> следует представить по: ок. 1054/ 1055? ¹ .
<i>Иоанникий</i>	У духовного писателя <i>Иоанникия</i> родовые имена даны не для предпочтения, а как варианты, их так и нужно записать: « <i>Галятовский</i> или <i>Голятовский</i> », не вполне ясное определение: «представитель русской схоластической проповеди» лучше заменить: «обладал проповедническим даром».
<i>Иуда Искариот</i>	Дважды написана его фамилия.
<i>Кавелин</i>	Стоит заменить выражение «теоретик либерализма» у <i>К. Д. Кавелина</i> .
<i>Кальвин</i>	У <i>Ж. Кальвина</i> не курсивом следует записать современное нормативное имя <i>Кавэн</i> .
<i>Караваджо</i>	У <i>Караваджо</i> необходимо назвать имя <i>Микельанджело</i> .
<i>Кий</i>	Не нужно указывать у <i>Кия</i> : «вождь восточных славян, первый князь». <i>Кию</i> , <i>Щеку</i> и <i>Хориву</i> (а не <i>Хореву</i>) следует одинаково написать: «Братья <i>Кий</i> , <i>Щек</i> , <i>Хорив</i> и их сестра <i>Лыбедь</i> , легендарные основатели <i>Киева</i> » (<i>Лыбеди</i> , естественно, включать в именной указатель не нужно).
<i>Колокотрони</i>	В аннотации <i>Ф. Т. Колокотрони</i> излишне устаревшее выражение «инсургент», потому что деятельность его получила объяснение.
<i>Конради</i>	Откорректировать следует данные о <i>Евгении Ивановне Конради</i> , которые сообщают: писательница, журналистка, а затем – необъяснимое рассогласование: «публицист и переводчик» (у <i>Марко Вовчка</i> написано: «переводчица»).
<i>Кораблёв</i>	У <i>Н. П. Кораблёва</i> правильно написана фамилия, но фирма, совладельцем которой он был, названа « <i>КораблЕв</i> и <i>Сиряков</i> ».
<i>Кроза</i>	По данным о <i>П. Кроза</i> не подтверждается, что он был бароном (кстати, у него бы тогда была дворянская частица «де»), год его рождения – 1665.
<i>Крылов</i>	Неточно названы басенные персонажи у <i>И. А. Крылова</i> (с. 589, 3 св.) – <i>Дуб</i> и <i>Трость</i> (хотя рядом написано: «С <i>Тростинкой Дуб...</i> »)
<i>Кучка</i>	В аннотации <i>С. И. Кучки</i> точнее «местностью, впоследствии ставшей городом <i>Москвой</i> », ср.: «...по реке <i>Москве</i> , ставшей впоследствии городом <i>Москвой</i> ».
<i>Ливанов</i>	Дата смерти <i>Ф. В. Ливанова</i> – кон. 1878 или 1879.
<i>Ливен</i>	<i>Н. Ф. Ливен</i> , светлейшая княжна, младшая сестра <i>В. Ф. Гагариной</i> .
<i>Лопухин</i>	<i>И. В. Лопухин</i> , сенатор (1807).
<i>Мазепа</i>	<i>И. С. Мазепа</i> был возведён в княжеское достоинство Священной Римской империи (1.9.1707 нов. стиль).

¹ Фокин А. Р. Иллариий // // Православная энциклопедия: в 64 т. Т. 22. М.: Православная энциклопедия, 2000. С. 80.

Продолжение Таблицы 1

Страница / имя	Замечание
Меншиков	У А. Д. Меншикова следует написать: светлейший граф Священной Римской империи (XI.1702), 1-й Санкт-Петербургский генерал-губернатор (1703–1724, а после смерти Петра I в 1725–1727), светлейший князь Священной Римской империи (30.1.1705, нов стиль), светлейший князь Ижорский Российского царства (30.5 / 10.6.1707), генерал-фельдмаршал (1709), член Лондонского Королевского общества (25.10.1714, сообщил А. Д. Меншикову об этом И. Ньютон), генералиссимус (12/23.5.1727). Меншиков вообще был значительнее, чем его образ, исполненный в кинофильме «Пётр Первый» М. И. Жаровым. Достаточны для понимания А. Д. Меншикова подлинные его слова, сказанные в ссылке: «С простой жизни начинал, простой жизнью и закончу»; ср. также полотно В. И. Сурикова «Меншиков в Берёзове» (1883).
Меттерних	В порядке имён у Меттерниха по-русски Лотар Венцель, по-немецки – наоборот, что, вероятно, более точно.
Милорадович	В аннотации Милорадовича заменить «предводитель» на герой Отечественной войны 1812 года.
Михайловский-Данилевский	А. И. Михайловскому-Данилевскому следует уточнить даты рождения (1790), назначения сенатором (1835), добавить: ординарный академик Петербургской АН (1841).
Невский	Дата рождения у Александра Невского по Православной энциклопедии ⁴ – родился после 1119 / 1120. Не Алексей, а Алексий человек Божий. Александр Невский в иночестве был Алексием.
Пётр I	В представлении Петра I упущен титул Отца Отечества, который был дан русским народом тогда же, когда он стал Великим и Императором (2/13.XI.1721), хотя Екатерине II не забыли указать титул Матери Отечества с датой (указан лишь год). Пий IX (в мире Джованни Мария Мастаи Ферретти) [Giovanni Maria Mastai Ferretti] (13.5.1792, Синигалия близ Анконы – 7.2.1878, Рим), папа Римский (5.6.1846 – 7.2.1878), блаженный Римской католической церкви (2000).
Плюшар	А. А. Плюшар [Adolphe Pluchart].
Протасов	К данным о Н. А. Протасове (*27.12.1798 / 7.1.1799, Москва – 16/28.1.1855, СПб. // кладб. Донского монастыря в Москве, генерал-лейтенант (11 / 23.4.1848)) добавить звание почётного члена Имп. Петербургской АН (15 / 27.12.1837).
Протопопов	Дата рождения М. А. Протопопова – 1848 год.
Пушкин	Нужна ли аннотация А. С. Пушкина: «поэт, прозаик, драматург, публицист, журналист, критик», хотя пропущено то, что Пушкин стал 3 / 15.12.1832 действительным членом Российской Академии? При этом подготовителями 14 тома ПСС не забыто, что Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский были членами-корреспондентами Петербургской АН. Названным, на мой взгляд, не нужны, как и у А. С. Пушкина, регалии. Это относится и к М. Ю. Лермонтову, не дожившему до членкорства АН.
Разумовский	К. Г. Разумовский (при рождении РОзум), граф Всероссийской империи (15 / 26.7.1744), Гетман Всея малая России обеих сторон Днепра и войск запорожских, генерал-фельдмаршал (24.4 / 5.5.1750), сенатор.
Распопова	Н. И. Распоповой вместо указания «прозаик» лучше бы написать: писательница; точная дата её рождения 25.10 / 6.XI.1832.
Редсток	С так называемым лордом Редстоком сложно. В лесковском тексте 14 тома нет ни его фамилии, ни этого титула. В именном указателе он справедливо не назван лордом. Но комментаторы Н. Ю. Данилова и В.Н. Дулова (см. с. 383, 5 сн.) называют его лордом на с. 423–425, 455, 504 и 598. Следует привести полную характеристику: Рэдсток – см. Уолдигрэйв [далее] Уолдигрэйв, 3-й бар. Рэдсток (1856), Грэнвил Огастэс Уильям, Точная дата рождения его 10.4.1833, Лондон.

¹ Назаренко А. В. Александр Ярославич Невский // Православная энциклопедия: в 64 т. Т. 1. М.: Православная энциклопедия, 2000. С. 541.

Окончание Таблицы 1

Страница / имя	Замечание
Семэн	привести <i>Семэн</i> (с э аксаном), иначе вынуждает прочитывать <i>Семён</i>
Солдатенков	<i>К. В. Солдатёнков</i> , а не <i>Солдатенков</i>
Тотлебен	<i>Тотлебену</i> указать немецкие имена: von Totleben Franz Eduard.
Тургенев	В аннотации у <i>И. И. Тургенева</i> следует добавить: «друг и сотрудник Н. И. Новикова».
Флексер с. 383, 5 сн.	<i>Аким Львович Волинский</i> – это литературное имя <i>Хаима Лейбовича Флексера</i> . Составлявшие справку для именованного указателя 14 тома (Н. Ю. Данилова и В. Н. Дулова, см. об этом) не указали инициалы <i>Флексера</i> .
Франклин	Только фамилия <i>Франклина</i> (без имени) написана в тексте Н. С. Лескова, имя его как <i>Вениамин</i> названо С. И. Зенкевич, но включать это имя в именованную указатель не нужно было.
Фридрих II	Прусскому королю <i>Фридриху II</i> в аннотации следует добавить имя <i>Карл Фридрих</i> , которое ему дали при крещении.
Христиан	Поскольку Н. С. Лесков писал об <i>Андерсене</i> , называя <i>Гансом Христианом</i> , то два этих имени должны быть приведены перед курсивными <i>Ханс Кристиан</i> .
Чебышёв	У <i>П. П. Чебышёва</i> точнее дата рождения – ок. 1725.
Шрейбер	орфографический вариант «Шрейбер» следует заменить на <i>Шрайбер</i>
Шедрин	<i>Н. Шедрин</i> был рязанским вице-губернатором с 6 / 28.3.1858 до апреля 1860 г., после чего служил тверским вице-губернатором до ноября 1864 г.
Юнге	Для <i>Е. Ф. Юнге</i> надо записать: <i>Юнге</i> (урожд. <i>гр. Толстая</i>), ниже в аннотации снять графиню, т. к. замужем за врачом Э. А. Юнге Екатерина Фёдоровна не осталась графиней.
Юрьев с. 616, 4 св.	Следует дополнить состав именованного указателя.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлов Евгений Владимирович – независимый исследователь;
e-mail: memd2006@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy V. Mikhailov – an Independent Researcher;
e-mail: memd2006@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Михайлов Е. В. О полном собрании сочинений и писем Николая Семёновича Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 90–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-90-98

FOR CITATION

Mikhailov E. V. On the Complete Collection of Nikolai Leskov's Works and Letters. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 90–98.

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-90-98

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-99-101

ОБ ИЗОМОИТЕЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ИЛИ «ЛИНГВОКРЕАТИВ» В ЕКАТЕРИНБУРГЕ И ЕГО НАУЧНЫХ ОКРЕСТНОСТЯХ

Голосова Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ABOUT THE ZOOMDERFUL CONFERENCE, OR “LINGUO-CREATIVITY” IN YEKATERINBURG AND ITS SCIENTIFIC SURROUNDINGS

E. Golosova

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

26 ноября 2021 г. состоялся Международный телемост «Лингвокреатив в современной языковой ситуации: границы дозволенного». Встреча учёных в онлайн-формате была организована Уральским государственным педагогическим университетом (Екатеринбург, Россия), и неслучайно: именно здесь, по замечанию одной из участниц телемоста, – *родина лингвистики креатива*. Мероприятие состоялось при поддержке Гуандунского государственного университета иностранных языков и внешних связей (Гуанчжоу, Китай), Луганского государственного педагогического университета (Луганск, ЛНР), Международной академии наук педагогического образования (МАНПО) и Института современного искусства (Москва, Россия), а также Хельсинкского университета (Хельсинки, Финляндия). География участников оказалась широкой, т. к., помимо представителей названных вузов, с докладами, сообщениями выступили исследователи из Минска и Гродно (Республика Беларусь), Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Омска, Новосибирска, Симферополя и других городов Российской Федерации.

Что собралось людей из разных часовых поясов на разговор, продлившийся почти семь часов? Что привлекло к этой встрече преподавателей и аспирантов нашего факультета и других «современников», как метко выразилась проф. Е. Н. Ремчукова (РУДН) об исследователях современного состояния языка?

Конечно, интерес к живой речи, к тому, чем дышит современное языкознание, на какие вызовы отвечает лингвистика в сложившейся языковой ситуации, когда всё сложнее определить границу между языковой игрой и нарушением нормы.

Язык меняется, и перед лингвистами встают задачи определения сущности лингвокреатива, изучения специфики его бытования в художественном тексте и за пределами такового – в языке СМИ, рекламы и т. д. Как, например, применить классические методы исследования для изучения феномена *ковидорусистики*? Какой он, массовый лингвокреатив в эпоху коронавируса? В ответ на заданный Н. А. Купиной (УрФУ) вопрос мгновенно вспоминается «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», вместивший три с половиной тысячи лексем; его, кстати, почти сразу упоминают и в обсуждении.

А с экрана звучат всё новые вопросы: не приведёт ли увлечение научного сообщества исследованием визуальных средств креативности, таких, как *эмодзи*, к уходу от текста? Задумываешься вместе с И. А. Бубновой из МГПУ над вопросом, станет ли *эмодзи* «языком будущего», – и обнаруживаешь себя увлечённо рассматривающей слайды её презентации с... клинописью.

Каковы истоки креативного переосмысления терминологии – самого устойчивого к веяниям времени слоя лексики? Насколько окказиональными можно считать трансформации, скажем, пословиц в «*антипословицы*», если, с одной стороны, их упоминание не является частотным, а с другой – количество вариантов одной «*антипословицы*» может достигать нескольких десятков, что, безусловно, свидетельствует о востребованности жанра? Изменения в жанрах языковой игры фиксирует в своём докладе Борис Юстинович Норман, тот самый белорусский лингвист, чьи книги с давних пор украшают не только мои «рабочие» полки. С таким же радостным изумлением вижу М. Э. Рут: её работу я цитировала в моей первой статье об идиостилии Н. С. Дашевской.

Кстати о жанрах. Лингвокреатив выплеснулся в рекламные тексты улицы: И. Т. Вепрева (УрФУ) представила уникальную коллекцию *эргонимов* (названий магазинов, кафе и пр.), представляющих собой реплики, а Е. Я. Титаренко (ТНУ им. В. И. Вернадского) предложила вниманию слушателей доклад о вывесках на улицах Симферополя, где латиница активно используется в названиях, что вызывает закономерный вопрос: лингвокреатив ли это? Или лингвонегатив? И вновь звучит вопрос о *границе допустимого* в использовании лингвокреатива.

И. Л. Муль (ОмГПУ) рассказывает о ещё одной области применения (и – коммерчески – весьма успешного) умения «полингвокреативить»: её доклад «Искусство продавать играючи, или О некоторых лингвокреативных техниках нативной рекламы в Инстаграме¹» пестрит приме-

¹ Социальная сеть признана экстремистской на территории РФ

рами «этимологии» из сетевого сообщества (как не вспомнить Б. Ю. Нормана вновь в связи с его «Этимологическим словарём»?). Её выступление пополняет словарный запас такими понятиями, как «беременные слова» и «маркетинг впечатлений». Вы, например, знали, что надпись «толстовка» на одноимённом предмете гардероба можно разъяснить через антонимическое отношение к слову «голодовка»? Правда, после такого акта гражданского неповиновения можно проснуться «вспышкой» – женщиной с лишним весом. Впечатлились? Захотели купить одежду с подобными надписями? Что ж, лингвокреатив может оказаться средством организации продаж, и мы не можем сбрасывать со счетов тот факт, что у языковой игры тоже есть потребитель – потребитель, готовый платить.

Кажется, несмотря на заразительное воздействие творческой атмосферы телемоста, пора быть серьёзнее, как, например, учёные Гуандунского университета и МГЛУ, которые сошлись на интересе к метафоре. Как можно измерить её интенсивность и каким образом этот показатель оказывает влияние на звучание политического дискурса в крупнейших мировых державах? Ловлю себя на том, что понастоящему удивляюсь, к каким сферам можно «приложить» прикладную лингвистику. С докладами китайских коллег и О. В. Калинина (МГЛУ) пересекается и исследование Т. В. Маркеловой (Институт современного искусства), касающееся лингвистических портретов медийных личностей. Е. В. Дзюба (УрГПУ), в свою очередь, отмечает возросшую метафоричность научного текста, в частности, ориентированного на детей. В этом докладе была затронута проблема синонимии терминов: «креолизованный», «поликодовый», «мультикодированный» и «мультиканальный» текст.

Нужно заметить, что исследований, ориентированных на изучение текстов, предназначенных для детей или создаваемых ими, было много. Почти сразу после размышлений о метафорах, привносимых

зарубежными авторами в научно-популярную детскую литературу, мы обратились к докладу М. Ю. Мухина (УрФУ) о *стилистической экспансии* сниженной и ненормативной речи в социальной сети и соответствующем усилении её экспансии в разговорной речи. О проблеме экспансии лексика сниженного регистра говорила и я в своём докладе, касающемся использования подобных языковых единиц, рассматривая такой процесс как «болезнь», у которой есть симптомы, которую можно диагностировать и лечить, – *принятием*, признанием права ребёнка на самобытность. О том, как важно научить студенток такому принятию, правильному пониманию взаимоотношений матери и ребёнка, о трудностях интерпретации текста, обладающего воспитательным потенциалом, говорила в своём трогательном докладе С. М. Антонова, представлявшая ГрГУ им. Янки Купалы (Гродно, РБ).

В рамках рецензии непросто упомянуть все прозвучавшие доклады, но каждый оставил в душе впечатление прикосновения к живому биению научной мысли. Лингвокреатив затронул все области язы-

кознания: Л. В. Рацибурская (ННГУ имени Н. И. Лобачевского) представила свои наблюдения в сфере словообразования, Т. И. Стексова (НГПУ) затронула отражение лингвокреатива в морфологических процессах, М. Э. Рут (УрФУ) говорила о регионализмах и диалектизмах... Тем не менее важно было услышать в начале дискуссии, развернувшейся после прочтения всех докладов, что организаторы, Т. А. Гридина и Н. И. Коновалова, поддержали позицию В. В. Леденёвой (МГОУ), которая призвала считать *норму* мерилом креативности и, признавая мощный воздействующий потенциал эмоциональности и экспрессивности, не отступать от критерия целесообразности применения новой единицы в речевой коммуникации.

Я убеждена в том, что мероприятия, посвящённые екатеринбургскими коллегами *лингвокреативу*, позволяют выработать взвешенный научный подход к любым вызовам современности, а своей неповторимой атмосферой такие теломосты прививают понятие о научном сообществе как коллективе соратников, друзей, вдохновителей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голосова Екатерина Александровна – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: ekaterina.golosova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Golosova – Postgraduate Student, Department of Modern Russian Language named after P. Lekant;
e-mail: ekaterina.golosova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Голосова Е. А. Об иZOOMительной конференции, или «Лингвокреатив» в Екатеринбурге и его научных окрестностях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 2. С. 99–101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-99-101

FOR CITATION

Golosova E. A. About the ZOOMderful Conference, or “Linguo-Creativity” in Yekaterinburg and its Scientific Surroundings. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 2, pp. 99–101.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-2-99-101

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2022. № 2

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузун

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 6,5, уч.-изд. л. 8,25.
Подписано в печать: 26.04.2022. Дата выхода в свет: 28.04.2022. Заказ 2022/04-03.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А